

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

2
'94

ЗИМА УЧЕБЕ НЕ ПОМЕХА

ФОТО
А. АЛЕКСАНДРОВА

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Издается с 1958 г.

2'94

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В НОМЕРЕ:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

БУБЕНЧИКОВ Ф.: "Служба Родине не оканчивается никогда" 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. Ночь коменданта Барсукова 8
МУЧАК И. Розыск находит и... теряет 16
БУЛГАКОВ Б. Будьте здоровы, доктор! 20
НАУМЕНКО В. «Нештатная» штатная ситуация 26

■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

МОЛЧАНОВ В.: Все мы — «скованные одной целью»... 29
АВСЕНЬЕВ В., КОРЕПИН А. «Афганец» на волнах приватизации 35

МИХАЛКОВ М. (АНДРОНОВ): "Я стажировался в дивизии СС" 38

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

РОСИН В. Пока душа не очерствела (документальное повествование) 44
МИРОНОВ Е. Афганские обелиски (стихи) 55
ГАРДНЕР Э. Дело о попусту потерянном времени (роман, начало) 57
САЛОМАТИН В., РОМАНЕНКОВА Л. Солдатская звезда (стихи) 70

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ЛИНДЕР И. Гармония силы и души 71
ТРУНОВА Г. Библиотека в вашем доме 74
Шахматный клуб 75
Рыболовам и охотникам 76
Клуб знакомств "Возможна встреча" 78

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.
(зам. главного редактора),
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЬ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОНДРОВ В. В.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель — МВД России.

Издатель — Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 4.01.1994 г. Подписано к печати 2.02.1994 г.
Формат бумаги 70х1081/16. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 196. Тираж 8000.
Цена по каталогу 480 руб., в розницу — свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. А. Богданова,
Н. В. Емелина.
На первой странице обложки:
фото А. Александрова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

Генерал-лейтенант
в отставке
Ф.БУБЕНЧИКОВ:

Для февральского
актуального интервью
мы выбрали человека,
о ком можно писать
большой очерк под рубрику
“Имя в истории войск”.

Федор Васильевич
Бубенчиков — авторитетный
военачальник, настоящий
боец, патриот, хранитель
войсковых традиций
и наставник молодежи.
Не случайно товарищи
избрали его
председателем
совета ветеранов
Главного управления
командующего
внутренними войсками
МВД России.

С ним беседует
наш корреспондент
полковник Б.КАРПОВ.

“СЛУЖБА РОДИНЕ НЕ ОКАНЧИВАЕТСЯ НИКОГДА”

— Федор Васильевич, наши читатели с вами довольно долго не встречались на страницах журнала, пожалуй, с 1991 года, когда были опубликованы ваши воспоминания о командировке в Афганистан. Тот материал вызвал большой интерес — речь ведь шла о неизвестной странице в истории внутренних войск. Помните, мы договаривались продолжить сотрудничество, даже рубрику придумали новую — “Злободневные мемуары”, — в расчете на то, что это будут не просто реминисценции “от скуки”, но именно актуальные сегодня описания боевого пути внутренних войск в воспоминаниях их генералов, офицеров, солдат.

— Да вы, похоже, за нынешними войнами времен перестройки стали забы-

вать нас, стариков, а зря! Есть о чем потолковать.

— Признаюсь, Федор Васильевич, как говорится, имеет место такой невольный грех: все больше о воюющих войсках МВД России пишем. Обстановка диктует. Но с вами согласен, вот и пришел.

— Что пришли, спасибо. Мы ведь не в отрыве от войск живем. Интерес у нас, ветеранов, к ним огромный. Знаете, каждое заседание совета ветеранов мы начинаем с того, что просим кого-нибудь из командования встретиться с нами, рассказать об обстановке в войсках, их сегодняшних проблемах. Ситуация в стране сложная, быстроменяющаяся. Нам интересно знать, что происходит в войсках, какие решения принимаются на применение войск и как

эти решения выполняются. И часто мы недооцениваем нынешним действующим генералам, которых знаем с их лейтенантских лет, — наш интерес не праздный, мы ведь душой болеем за судьбу страны, переживаем за наши родные войска, которым, как всегда, ох и тяжело приходится!

В нашем совете ветеранов практически весь бывший Военный совет внутренних войск: генерал армии Яковлев, генерал-лейтенанты Мельник, Смыслов, Осташев, Сергеев, Сентюрин, Наливалкин, другие генералы и офицеры. Мы себя в шутку называем теневым кабинетом.

— Шутка шуткой, но совет старейшин, слово аксакалов, напутствие учителя никогда не считались лишними у многих народов. Помню, в интервью для нашего журнала командующий войсками Анатолий Сергеевич Куликов тепло отзывался об Иване Кирилловиче Яковлеве, у которого многому научился. В свою очередь, генерал армии отметил инициативу и деловитость нынешнего командующего. И я отнюдь не расценил это как простой обмен любезностями. Скорее, увидел обратную связь двух поколений. А она всегда полезна. Вы согласны?

— Конечно, не надо видеть в нас «отработанный пар». Наш «теневой кабинет», может еще сослужить добрую службу. Вот на днях слышу сообщение: Ельцин обратился к Анатолию Ивановичу Лукьянову с просьбой поделиться опытом спикера. Не погнушался посовещаться с обвиняемым по «делу ГКЧП», когда задумался о том, что новым парламентом, то бишь Федеральным собранием, надо рулить. И совсем не молодого Александра Яковлева на-

значил курировать «четвертую власть», — на телевидение — опять же по причине огромного опыта. Выходит, Президент убедился, что жизненный багаж ветеранов отнюдь не мешает нынешним молодым руководителям, а напротив — поможет направить их энергию в нужное русло.

Я тоже помню интервью с командующим войсками в мартовском номере за прошлый год. Анатолий Сергеевич Куликов там вспоминает добрым словом систему работы с кадрами, которая сложилась в войсках, когда мы служили, были у руля. Если она была правильной — так давайте вернемся к ней насколько это возможно, поелику необходимо. Говорю так потому, что за годы службы твердо усвоил: в кадрах — успех дела.

Разбрасываться ими при нынешнем их дефиците по меньшей мере недальновидно. Да-да, нынче дефицит не только в солдатах, прапорщиках и лейтенантах. Полковников и генералов подготовить куда сложнее, а с ними расстаются порою запросто. Я вот недавно в нашем госпитале лежал — надо было подлечиться. Смотрю, генерал знакомый, его своим курсантом еще помню, потом курсовым офицером в Орджоникидзевском военном училище. Спрашиваю, что случилось, чем он захворал, а оказалось, на военно-врачебную комиссию направили, как у нас в шутку говорят, «на распиловку». Батюшки, ему-то всего сорок семь лет! Семь последних командовал дивизией. И... на пенсию.

Мы с Иваном Кирилловичем заходили к командующему, высказывали свое беспокойство.

— То есть, образно говоря, ваш «теневой кабинет», против увольне-

НАША СПРАВКА. Генерал-лейтенант в отставке Федор Васильевич БУБЕНЧИКОВ родился 23 февраля 1922 года в Туруханском районе Красноярского края. С 1940 года в армии. Перед самой войной окончил школу младших авиационных специалистов. Поскольку бомбардировщики СБ-3 практически все были уничтожены противником на аэродромах в первых налетах, специалистов «за ненадобностью» направили в пехоту. После окончания Барнаульского пехотного училища 4 апреля 1942 года лейтенант Бубенчиков был направлен на фронт. Командовал взводом, ротой, батальоном, отдельной штрафной ротой. За месяц и девятнадцать дней до Победы был тяжело ранен под Гданьском. После госпиталя направлен в отдельный полк резерва офицерского состава, где и дал согласие о переходе во внутренние войска.

В них прослужил сорок два года, о чем, по собственному признанию, не жалеет. Был командиром батальона, преподавателем в Рижской школе офицерского состава, командиром полка, начальником штаба дивизии, начальником военного училища, командиром дивизии. В последние годы службы — первый заместитель начальника штаба, начальник штаба внутренних войск МВД СССР. Выслуга лет (с учетом фронтовых) — 53 года.

Награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, многими медалями.

Имеет троих детей, пятерых внуков и правнука.

ния сорокасемилетнего генерала? Не хотите принимать его в ряды ветеранов-пенсионеров? Пусть еще пахнет на войсковой ниве?

— Безусловно! Он еще долгие годы должен жить государственными интересами и заботами. Хотите, я вам прочитаю одно мудрое высказывание Петра I на этот счет? Я его намеренно написал в свой рабочий блокнот, вот, видите, рядом со списком нашего совета ветеранов. Вот что Петр Великий нам советовал: «Если генерал или обер-офицер армии российской здоровье истратил и на ноги пал, ум сохранив, ни в коем разе от службы его не отстранять, а, с великим тщанием врачами пользуясь, вновь на ноги поставить, ибо у дельного генерала или обер-офицера не в ногах и не в седалище сила, а суть в голове и навыках военных. Будучи опытным искусным, знаю, что дурак здоровья отменного шкodu великую по своей глупости учинить может, а посему лучше пусть без ног полководец виктории одерживает, чем без головы дурак конфузции терпит, в полном здравии пребывая».

Такой бы указ в наше время, а?

— А что мешает, Федор Васильевич, здоровые идеи проводить в жизнь? Не хотят слушать ваших советов, Петра Великого не признают? Выходит, справедливо утверждение «нет пророка в своем отечестве»? Кстати, кадровые проблемы в одном из ближайших номеров журнала будут подняты в интервью с заместителем командующего генерал-лейтенантом П. Голубцом...

— Я с ним беседовал на днях, мы ведь старые друзья и сослуживцы. Говорит, что офицеры сами подают рапорта. Ну так удержите! Есть ведь государственные интересы. Я уж не говорю об офицерах и генералах главка, округов. Такой, приезжая в полк, бригаду, дивизию, не должен выглядеть в глазах проверяемых фитилькой. Не внешностью, но опытом, знаниями, интеллектом должен выделяться.

Но мы с вами рванулись в кадровую политику, а вот у Джона Кеннеди на столе лежала цитата из Аристиды такого содержания: помогите мне, Бог, справиться с делами подвластными мне, избави меня от вмешательства в дела неподвластные мне и вразуми меня отличать первое от второго.

— Замечательное изречение. Но, полагаю, для вас, Федор Васильевич, как для бывшего начальника штаба внутренних войск, нет закрытых тем для беседы в войсковом журнале. Ваши рассуждения и выводы ведь не сочтут «вмешательством в дела»? Но вы правы в том, что се-

годня я пришел к вам как к председателю совета ветеранов. 23 февраля мы всегда отмечаем как годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота, поздравляли в этот день и стоящих в строю, и ветеранов. Не будем отказываться от традиции, хоть праздник воинский и переназвали?

— «Традициям верны!» — помните, такой лозунг можно было встретить в каждом подразделении, так же как газетные, журнальные и телевизионные рубрики: «Фронтовики — и гордость, и пример», «Говорят и пишут ветераны», «О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах». Куда все подевалось? Что, не было боев, не было товарищей, не было героической истории?! Много было того, чем можно гордиться. Мы, ветераны, покуда живы. Для вашего сведения — ветеранов внутренних войск, по моим данным, двенадцать с половиной тысяч, это в основном те, кто не работает, кто встал на учет.

Из них более четверти — участники Великой Отечественной войны, свыше трехсот — воины-интернационалисты, более двухсот — «ликвидаторы», — чернобыльцы.

Это большая сила. Многие в преклонных годах, многих крутят болезни, но... Нравственная, духовная сила не растратченная есть! По первому зову готовы идти и ехать хоть куда...

— Я тому свидетель. Несколько лет назад ездил с нашими ветеранами в подмосковный город Пушкино, в детский дом. Помню, как заодно вели себя среди ребятишек Герой Советского Союза генерал-лейтенант в отставке Владимир Иванович Сентюрин, полковники в отставке Павел Иванович Глебов, Иван Никонович Веселов, Виктор Сергеевич Нефедов. У обездоленных детей был праздник в их общем доме, а у наших ветеранов, похоже, был праздник на душе.

— Конечно! Это ведь заметно поднимает тонус — сознание своей нужности людям, своей полезности в общем деле. Мне приходилось слышать суждение, что, дескать, выезды ветеранских групп в части — разбазаривание государственных средств, показуха и не более того. Так может утверждать лишь очень недалекий человек, с пустой душой, зашоренный практицизмом.

Я уволился в отставку в 1987 году и сразу же начал ездить в части — был на Урале, в Поволжье. Мы брали работников Центрального музея внутренних войск, Боевые Знамена наших прославленных частей — в общем, шли в массы, как было принято говорить. И люди шли нам навстречу. Подчеркну: не

просто на встречу с нами, но именно нам навстречу, с открытым сердцем. Мы говорили с офицерами, прапорщиками, солдатами, местным населением. Нас слушали. И, смею вас уверить, нас слышали.

Ведь если оратор (я или кто-то из таких же ветеранов) аудитории (переполненному солдатскому клубу) неинтересен, то аудитория останется именно массой, которая зачихает, захрапит, заерзает. Тут ничего не поделаешь, если монотонно, по бумажке озвучивать что-то малоинтересное или давно известное. Солдат пришел с мороза — со службы или с занятий, он тут же заснет, убаюканный.

Вот были недавно в Арзамасе. В клубе народу за полтысячи и, доложу я вам, — больше тысячи заинтересованных глаз. И темы были самые разные. Мы готовы к исповеди на заданную тему перед солдатами. Там, в Арзамасе, нам еще устроили встречу с представителями так называемой демпрессы, редакторами местных газет, которых появилось множество.

Вопросов накидали самых колючих, но я от них отбилась с честью.

Потом один подошел и тет-а-тет заявляет: «А я во многом с вами не согласен. Давайте поговорим...» Я же ему ответствую: «Говорить с вами не собираюсь. Вы пришли в воинский коллектив, к людям старшего возраста, приехавшим издалека, не изволивши побриться, привести себя в порядок. Вы грязны, неряшливо одеты, от вас дурно пахнет...» И отошел от него. Наглецов и хамов невоспитанных надо ставить на место!

— Умыли его?

— Ну да это все мелочи. Надо смело давать по рукам именно тем, кто марает традиции армии, наших войск, кто любит переворачивать их историю с ног на голову, с дьявольским усердием копать «чернуху». А ведь ни для кого не секрет, что внутренние войска, всегда находящиеся в эпицентре государственных коллизий, — благодатный объект для «заказной хулы», на которую нынче и спрос есть, и мастеров этого жанра хватает. Вы же знаете — наши войска имеют дело, как правило, не с самыми светлыми сторонами жизненных явлений, событий, выступают обычно тем самым «третьим», который влез в чью-то драку. И, соответственно, оценки наших действий по меньшей мере двойные.

Вот сейчас всю разгорелись войны, которые поначалу робко именовали межнациональными конфликтами. Что привело к трагедии великого стабильного государства? Сказать — попустительством зачинщикам, слишком мягко будет. Годы застоя для войск не были

сплошной тишью да гладью, куда там! Я лично руководил операциями по пресечению массовых беспорядков в Грозном, Нальчике, Орджоникидзе и татарском городе Лениногорске.

Милиция во всех случаях исчезала мгновенно. Действовали лишь внутренние войска. Но как только заканчивалась операция, воцарялся мир и покой, на первом месте оказывались представители органов. А за Лениногорск министр меня чуть было не наказал...

— Интересно, за что же? Вообще, Федор Васильевич, вам не кажется, что завеса умолчания над войсками и заставляет мастеров «заказной хулы», что-то домысливать, перевернуть, сдобривать своим «специфическим», соусом? Может, лучше рассказать все как было?

— Да, наши войска долгие годы были надежно закрыты для газетчиков. Иногда это, по-моему, оправданно: во-первых, информация о негативных явлениях может перевозбудить обывателя, повернуть общественное мнение в сторону от истины; во-вторых, есть ведь государственная и военная тайна.

— Думаю, именно нашему войсковому журналу первым следует рассказывать о тех событиях. Оставим подробный разговор на ближайшее будущее, для рубрики «Злободневные мемуары», а сегодня, раз уж заинтриговали лениногорскими событиями, то хотя бы вкратце...

— Ну, если вкратце, то Лениногорск десятилетней давности мне запомнился прекрасным социалистическим городом. В какой-то момент молодежь возмущалась беспределом местной милиции, ее чересчур репрессивными методами. Однажды по окончании танцев милицейская машина, у которой отказали тормоза, задавила двух студентов. И началось! Стали громить милицию. Мы прибыли туда сводным отрядом конвойной части и специального моторизованного батальона милиции. Местных стражей порядка я тут же вывел с улиц и спрятал. Вот за это-то «самовольные действия», и вызвал гнев министра внутренних дел Союза Федорчука, который вопрошал, на каком основании я «исключил из охраны общественного порядка милицию». Чувствуете формулировку?!

Мы-то порядок навели, взяв на себя патрулирование города. А вот местное милицееское начальство со своих постов тогда на второй же день полетело — так вот «исключили из охраны общественного порядка». Оставили бы их, глядишь — драка продолжалась бы до сих пор. (Смеется). Вот сколько воспоминаний!

— Да, Федор Васильевич, за вами только успевай записывать. К мемуарам, как договорились, вернемся. Могу я обещать их нашим читателям?

— Давайте повспоминаем, не возражаю.

— А если перейти к прогнозам в отношении развития войск? Вот будем передавать конвойные задачи...

— Чтобы через несколько лет вернуться к ним. Мы с Иваном Кирилловичем долго об этом говорили, да весь наш совет ветеранов — Военный совет прошлых лет считает это решение ошибкой. Говорю это смело, не на кого теперь оглядываться. Мы ведь сами проводили все войсковые реформы, и никто лучше нас не знает глубинной сути проблемы. Это не похвальбы ради, а исключительно в интересах дела, в борьбе за истину.

Так вот, в 1961 году я принял конвойный полк, в котором было 6 рот: 3 — по перевозкам, еще 3 охраняли промышленные объекты. Потом мне дали пятнадцать (!) вохровских рот — разутые, раздетые, казармы с печным отоплением, да и какие то были казармы — где бараки, где чуть ли не землянки. Пятнадцать лет работали, чтобы вохру вытащить из ямы, чтобы эти подразделения стали боевыми войсками, с хорошей структурой, с добротными казармами, учебно-материальной базой, с мобилизационным заданием и всем остальным, что отличает войска от «человеков с ружьями».

Теперь все это отдают! Там все развалит мигом, уже разваливают «в духе перестройки». Недавно генерал-майор в отставке Илья Григорьевич Беликов побывал в одной из конвойных рот в Краснодарском крае. По штату положено 97 человек, а налицо — 17 волонтеров и 6 солдат срочной службы. Так называемые контрактники приходят на службу с котомочками, отстояли положенное — и ушли. Ни обучения и воспитания, ни дисциплины здесь быть не может. Поверьте, как только стабилизируется обстановка в стране, на повестку дня снова встанет передача «конвойки» нам. И мы вернемся... к разбитому корыту. Это я вам точно говорю!

При теперешней неразберихе, сплошной распродаже, когда все и вся волокут из-под носа, уже растаскивается созданное нами: и стрельбища, и учебные поля, и казарменное имущество. Разберут и казармы. Потом начнем с нуля. А как все доставалось! Я пять лет командовал полком, и мы с офицерами не вылазили из подразделений — по 210—220 суток проводили ежегодно в командировках. Неужели наши труды

(да ведь это усилия всех войск!) пойдут прахом?

— Федор Васильевич, мы опять говорили о невоинуженных возможностях совета ветеранов, если можно так выразиться, «советнических». Остается уповать на то, что «там, наверху», выше ГУКВВ и даже всего министерства, прислушаются к мнению истинных военспецов, как прежде называли людей авторитетных в этом деле. Давайте теперь поговорим о сегодняшних повседневных задачах ветеранских организаций. Что здесь главное?

— Первая наша задача — сохранить до последнего нашего вздоха наше армейское братство, взаимовыручку, чувство локтя. Второе — насколько возможно, помогать ближнему, изыскивать средства, чтобы помочь людям в беде. И третье, об этом мы уже говорили сегодня, — максимально использовать наши возможности для работы с личным составом.

Ветеранское движение в целом самостоятельное, не имеющее структур по вертикали. Этим движением нельзя командовать, командиров у нас, слава Богу, хватает! (Смеется). В октябре 1991 года мы объединились с ветеранской организацией МВД СССР. Еще был Союз. Во-первых, у нас общие задачи. Во-вторых, мы все друг друга знаем. В-третьих, министерство субсидирует ветеранскую организацию, у них хорошие спонсоры. А у нас пять рублей в то время были всем капиталом на счету в банке.

Худо-бедно, но работа сдвинулась с мертвой точки. И хотя, повторюсь, у нас нет права руководить низовыми организациями, мы даем некоторые рекомендации, планируем выезды. Например, в Ленинграде, то есть в Санкт-Петербурге, хорошо поставлена ветеранская работа. Там совет возглавляет бывший начальник штаба округа генерал Лучин, он сохранил связи с многими гражданскими организациями, с органами внутренних дел.

В Северо-Кавказском округе председателем совета ветеранов по моей рекомендации избран генерал-майор в отставке Виктор Александрович Скрипников, он тоже не сидит сложа руки. Интересные дела начали курсанты Саратовского училища: навещают ветеранов на дому, помогают им по хозяйству, решают многие неотложные вопросы. Можно называть это как угодно — патристическая работа или даже возрождение тимуровского движения, но суть-то не в названии. Главное — в будущих офицерах живы милосердие, душевность. Здесь и обратная связь, как ни где, надежная — курсанты от ветеранов

узнают об истории войск, о Великой Отечественной войне.

— Вы назвали среди активных в ветеранском движении округа, которые в свое время были местом кровопролитных боев. Это, видимо, не случайно — живые свидетели тех сражений, их товарищи, родные и близкие не дают погаснуть огню памяти... Не за горами 50-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Всегда годовщина нашей Победы была скорбным и в то же время светлым праздником, к которому готовились. Теперь ни фильмов нет, даже старые не показывают, книги не издают, кроме разве что фальсификаторов типа Суворова-Резуна с его "Ледоколом".

— Если б вы знали, как больно ранит беспамятство молодежи! 1994 год пошел, а кто из молодых вспомнит, какая из газет напишет, что год этот — полувековой юбилей года 44-го, который называли годом десяти Сталинских ударов. То был действительно решающий год в Великой Отечественной войне, когда мы сломали хребтину гитлеровскому фашизму: Белорусская операция, полное снятие блокады Ленинграда, вывод из войны сателлитов Германии — Финляндии, Румынии, Венгрии... Отстояв Отечество, мы взяли освобождать от фашистской чумы, спасать от истребления народы Европы.

А сегодня память о советском солдате окверняют мерзавцы ничтожные, подвиг советского народа просто замалчивают. Да, озеровские фильмы неспроста называли кинозоплеями, там порою было многовато панорамной помпезности, позолоты, что ли. Но ведь люди видели ту войну, видели наших военачальников. Да, там был Сталин — фигура во многом и для многих зловеющая, трагическая. Ну и что теперь делать? Бонапарт, который беспрерывно вел несправедливые войны, остался в своем отечестве гражданином N 1, в мире о нем издано около 250 тысяч различных монографий, исследований, книг. Полководец-то был уникальный. И старая гвардия его до конца дней не предала.

А у нас все сразу надо похерить, вытравить из памяти, замолчать в истории. Но разве можно это сделать? Не надо ничего вытравлять — память человеческая сама пусть разберется, отсеет. А исторические даты, которые отмечаем, заставляют пошевелиться — ну-ка, кто там еще живой остался из участников Курской битвы, Сталинградской? Глядь — жив курилка! Давай, старина, вспомни-расскажи! А вот тебе в конверте двадцать пять тысяч от министра! Да хоть открытку получишь — и то приятно.

— Да, горечь и боль останутся навсегда. И все же, Федор Васильевич, нам выпало жить. По интересному совпадению у вас 23 февраля день рождения. От души вас поздравляем с двойным праздником! Доброго вам здоровья, чтобы выстоять среди невзгод.

— Спасибо за поздравление. В традиционный праздник военных я тоже хотел бы, воспользовавшись случаем, в завершение нашей беседы поздравить со страниц войскового журнала всех его читателей. В первую очередь, да не обидится на меня молодежь, пожелать успехов боевым товарищам — ветеранам внутренних войск. Будем ближе друг к другу, теснее ряды! Наш войсковой фонд носит очень правильное название — "Чужого горя не бывает". Годы берут свое — каждую неделю то один скорбный звонок, то несколько сразу. У меня жена уже тяжело, безнадежно болела, а все меня оберегала от душевных травм: "Оставь ты эту работу, Федя, есть ведь помоложе". А я не могу не откликнуться. И знаете, почему? Не только из-за элементарной порядочности, человечности — они-то как раз у всех должны быть. Память еще тревожится о не похороненных на войне товарищах. Оставались ведь на поле боя, случилось в той кровавой круговерти. И рубцы на сердце остались. Болят. Сейчас всем нам нужна поддержка: слово, совет, деньги. Сегодня. Завтра будет поздно!

Жена у меня недавно умерла, самый дорогой мне человек. Через четверть часа уже друзья приехали. А если б я был одинок?... На Кавказе в этом отношении есть великое правило: у тебя беда, ты горюешь — друзья должны все сделать, помочь тебе. Нам тоже неплохо бы добрые традиции перенять.

— Это может быть одним из пожеланий молодежи?

— Конечно, молодежи мы должны внушить какой-то свод общечеловеческих ценностей, воинские, офицерские заповеди. Когда слышу, что кто-то "подготовил себя к увольнению в запас", усмехаюсь в душе. Я вот сорок семь календарных прослужил и все не был готов к отставке. Это просто невозможно! Служба Родине не оканчивается никогда. Мы сдали наше оружие, но не сдали нашу совесть, честь и наше войсковое товарищество. Это останется с нами до конца наших дней. Хорошо сказал? (Смеется).

— Хорошо сказали, уважаемый Федор Васильевич, хотелось бы, чтобы услышали вас нынешние служивые люди. Спасибо вам за беседу.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Из кавказского дневника

НОЧЬ КОМЕНДАНТА БАРСУКОВА

— ОНИ ЗАХВАТИЛИ КПП на черменском круге и теперь наступают на село. Будет большая кровь. Сделайте что-нибудь. Остановите бандитов!

— Требуем немедленно эвакуировать женщин и детей. Дайте транспорт и солдат для охраны...

— Прикажите выдать населению оружие. Мы сами будем защищать свои дома. Смерть боевикам!

Перекрикивая друг друга, возбужденно размахивая руками, люди все теснее сжимали кольцо вокруг художавшего полковника. В ночной темноте толпа, запрудившая переулок у ворот военного городка, напоминала какое-то фантастическое существо с нервно пульсирующим бесформенным телом. Охваченное страхом. Ожесточенное. Готовое в панике поглотить любого, кто встанет на его пути.

Полковник молча скользил взглядом по лицам стоявших поблизости селян, пытаясь найти хотя бы одного человека, способного внимать голосу рассудка. Бесполезно. Все находились в состоянии стресса, на крутом взводе. Особенно женщины. Они лезли вперед, оттесняя мужчин, и кричали так, словно наступил конец света.

Беда с этими слухами; после разборок со стрельбой, взрывами и поджогами — самая неприятная штука для военных. В здешнем информационном пространстве, искаженном кривыми зеркалами вражды и ненависти, они разлетаются быстрее реактивных мин, интерпретируя события с точностью до наоборот, что для провокаторов и экстремистов всех мастей — самое милое дело. Хочешь накалить обстановку, заставить село кипеть, подобно лаве в жерле разбуженного вулкана, не терпится насолить коменданту — пусти слухок (чем нелепее, тем сильнее взрывной эффект), и ты в дамках.

Узнать бы, кто первым ляпнул про нападение. Да прижать к ногтю, сердито подумал полковник. И тут же отогнал эту мысль. С его смехотворными правами не то что провокатора — матерого разрушителя режима чрезвычайного положения прищучить проблематично. Как говорится, видит око, да зуб неймет.

Впрочем, на сей раз скорее всего никакой провокации не было. Услыхал кто-то о захвате армейской маневренной группы в районе Кантышева, а воспаленное страхом воображение дорисовало картину прорыва через КПП с перспективой разбойного налета на село. Поверив этому вздору, люди не успокоятся до утра. И

упрекать их грешно. Черменский синдром: однажды пережившие чудовищный беспредел, они будут дуть на воду, обжегшись на молоке...

— Почему молчите, товарищ полковник? — дернула его за рукав самая голосистая женщина. — На вас, на коменданта, вся надежда. Посмотрите, как волнуется народ.

— Да вы же слова не даете сказать. Захват... Наступление... Сначала было подумал, и впрямь серьезная беда стряслась. А оказывается — много шума из ничего. — С этими словами полковник нажал на тангенту портативной радиостанции и вполголоса, чтобы не раскрывать окружающим позывных, запросил черменский круг: — Доложите обстановку на КПП, люди взбудоражены, твердят про какое-то нападение.

— У нас без происшествий, Чермен. Полная тишина!

— Слышите, КПП стоит, как утес, — устало улыбнулся полковник. — Расходитесь по домам, прошу вас. Детей своих пожалейте, не спят ведь...

На мгновение шум умолк. Стало слышно, как гудят двигатели патрулирующих улицы бэтээров.

— Так мы вам и поверили! — с возмущением воздела руки к небу, словно призывая его в свидетели, горластая селянка. — Солдат на посту взяли в плен и под угрозой смерти заставляют говорить через радиостанцию, что у них там спокойно, как на курорте. Не может быть такого?

— Конечно, не может! — отрицательно покачал головой полковник. — Вы видели, какой у нас контрольно-пропускной пункт на черменском круге? Настоящая крепость. Без танков не одолеть. А откуда у боевиков танки? И потом: если б на КПП завязался бой, мы бы тут же отправили подкрепление. В селе целый полк расквартирован. Да милиции вон сколько...

— А почему на улицах полно броневиков? Патрули на каждом углу... Знаем вас, хотите скрыть от народа правду, — бесцеремонно перебил офицера пожилой мужчина в камуфлированной куртке.

В это время к полковнику протиснулся невысокий майор.

— Бэтэр, для проверки службы готов, можно выезжать.

— Спасибо, Сергей Иванович.

Полковник достал сигарету, прикурил от зажигалки и, нервно затаившись, кивнул недоверчивому мужчине:

— Спрашиваете, почему так много техники и патрулей на улицах? Захвачен бэтээр российской армии. Слыхали про это? Так вот. На случай появления банды с броней в районе Чермена мы и выставили дополнительные наряды на улицах. Береженого Бог бережет.

Успокаивая селян, полковник, разумеется, не стал раскрывать все карты.

Стоит узнать людям о масштабах превентивных мероприятий, о том, сколько засад и заслонов на всех направлениях вероятных действий бандитов выставлено, какие силы войск и милиции сосредоточены в окрестностях для "теплой", встречи непрошенных гостей, если тем взбредет в голову "проверить боеготовность", — начнется натуральное светопреставление: у страха, известно, глаза велики.

— Осенью девяносто второго нам тоже лапшу вешали: на дорогах военные посты, спите спокойно, никого не бойтесь. А поперли боевики — защитников как ветром сдуло, — лучше прежнего заволновалась толпа.

Полковник хотел возразить, застучать за родные войска, но, оборвав себя на полуслове, поспешил перевести разговор на другую тему:

— Я, комендант Чермена, гарантирую: кровопролитие здесь больше не повторится. У нас достаточно сил и средств, чтобы обезвредить любую банду. Так что ни о какой раздаче стволов населению не может быть и речи. — Сделав паузу, он решительным тоном подвел черту: — Вопрос исчерпан, митинг по случаю ложных слухов объявляю закрытым. Будьте благодарными.

И тут, к великой радости офицеров комендатуры, с тревогой наблюдавших за ходом словесного поединка, толпа начала таять, как темный весенний снег. То ли "пар", иссяк, то ли доводы коменданта действовали отрезвляюще — в общем, до крутого конфликта дело не дошло.

— У вас железные нервы, Вячеслав Николаевич, — сказал майор в милицеской форме, когда комендант покинул "поле брани". — Другой бы на вашем месте не выдержал, сорвался.

— Ошибаетесь, ни к черту нервы. Внешне вроде держишь себя в рамках, а внутри... — он махнул рукой, — как расстроенный инструмент — все струны дребезжат.

— Ничего, скоро нервотрепка закончится. До замены три дня, — напомнил майор, шевельнув хмуро сведенными бровями. — И тогда — прощай, Чермен. Навсегда. Лично меня сюда никакими коврижками не заманишь. Своя мафия, черт ее дери, достала, а мы сюда из российских городов и весей лучшие силы отвлекаем.

— Не зарекайтесь, Валерий Геннадьевич. Тут на наш век работы хватит. Ну а сведет судьба в Чермене еще раз — буду только рад, с таким замом по милиции не пропадешь...

Воспользовавшись лирической паузой в стремительном течении событий этой тревожной ночи, познакомимся поближе с комендантом и его боевыми помощниками.

Полковник Вячеслав Барсуков. Служебные вехи: командовал взводом, отдельной ротой, полком, занимал штабные должности; окончил академию (с золотой медалью); прошел суровые университеты «за речкой» и в наших «карманных» афганистанах. В разгар осетино-ингушского вооруженного конф-

ликта был назначен первым комендантом Чермена. И вот вернулся на круги своя.

Начальник штаба комендатуры — майор Сергей Ершов, зам по милиции — майор Валерий Воронков. Бывалые, надежные офицеры. Чермен — пятая горячая точка у Ершова... Этим все сказано.

К сожалению, для более детальных характеристик сейчас нет времени. Не прозевать бы отъезд офицеров на проверку нарядов в предвидении вероятной встречи с захватившими мангруппу бандитами.

...С ОЗАБОЧЕННЫМ ворчанием патрульный бэтэр вырвали на центральную улицу. Лучи фар выхватили из густой чернильной темноты обугленный скелет дома, покосившиеся ворота, пустынный двор, оккупированный высокими, почти в рост человека, зарослями дурнотрава. Рядом такая же мертвая, покинутая людьми усадьба. И по соседству плясая пустые глазницы окон, подведенные жирной копотью.

360 домов в селе разрушено и сожжено, около 200 осетин побывали в заложниках, 42 — погибли от рук боевиков. Эти цифры еще с первой черменской командировки острыми осколками засели в памяти привыкшего к сухой статистике Барсукова. Нет-нет да и кольнут, заставят сжаться сердце от

тупой, ноющей боли: чужого горя не бывает.

Вот и сейчас показались, что руины глядят на БТР с немим укором: зачем вы, военные, здесь нужны, коль не в силах избавить население от гнетущего страха, вернуть жизнь в осиротевшие стены, надежно защитить обе национальные общины от взаимных угроз, провокаций, обстрелов, поджогов? Не по адресу вопрос, конечно.

Поработай здесь политики в таком напряженном ритме, в каком правят службу люди в погонах, глядишь, и поубавилось бы воинственного пыла у непримиримых противников восстановления статус-кво в Пригородном районе. А прибавить еще полномочий тем, кто охраняет зыбкий мир на этой многострадальной земле... Обстановка не просит об этом — кричит, требует!

По логике вещей, комендатура района или участка, как учрежден-

ный временной администрацией специальный орган управления в зоне конфликта, должна контролировать и координировать работу местных управленческих и силовых структур в интересах поддержания режима чрезвычайного положения, укрепления правопорядка, обеспечения безопасности мирных граждан, нормализации обстановки. Аксиома? Однозначно. Именно по такому принципу, как свидетельствует история, действовали наши комендатуры на освобожденных территориях в завершающий период второй мировой войны. Споры нет, нынче совсем другая ситуация, иные реалии. Но вряд ли кто станет ломать копыя, оспаривая очевидное: там, где право силы грубо попирает силу права, нужно и сегодня, как много лет назад, самым решительным образом военную власть употреблять, поддерживая ее и строкой закона, и могучим державным плечом, дабы авторитет полномочных представителей центра был непререкаем для всех уделных руководителей, незави-

Фото
В.УТЕНКОВА

симо от чинов и рангов. Пока же, увы, жизнь, словно насмехаясь над офицерами "специального органа", ежедневно, ежечасно ставит их перед упрямым фактом: реальный статус комендатуры так же далек от того уровня, что объективно задан нарезанными ей архисложными задачами, как затянувшийся межнациональный конфликт от любовной развязки.

... Оторвавшись от прибора наблюдения, Вячеслав Николаевич повернулся к майору Воронкову. Зам по милиции, сцепив ладони у подбородка, хмуро шурился, перекачивал тугие желваки, погруженный в невеселые мысли. Да уж, ему есть о чем задуматься. Там, в УВД большого русского города, откуда он прибыл в горячую черменскую командировку, расстановка сил на фронте борьбы с преступностью при всех многочисленных нюансах казалась четкой и ясной: блюстители порядка, законопослушные граждане — с одной стороны, и тот, "кто честно жить не хочет", — с другой. А вот попробуй-ка здесь опереться на привычные критерии, ломая голову в бесплодных попытках разобраться, кто есть кто. Не говоря уж о том, чтобы применить законные санкции к отъявленным нарушителям режима.

Взять хотя бы такой вопрос. При проведении "чепэшных", мероприятии комендатуре предписано взаимодействовать с республиканской милицией. Установка верная. Нельзя федеральным службам игнорировать местных стражей порядка. Но вот беда: накрепко повязанные корнями землячества, они, как правило, играют только в одни ворота. И взаимодействие то там, то сям оборачивается противостоянием. Третьего дня, например, с досадой поморщился полковник Барсуков, вспомнив ошеломившее его, как выстрел из-за угла, происшествие, на КПП у реки Камбилеевка чуть было не схлестнулись "краповые береты", с троюродными коллегами — бойцами местного полка патрульно-постовой службы. Сырбор разгорелся из-за того, что при досмотре проезжавшей легковушки глазастые сотрудники сводного отряда милиции — подчиненные майора Воронкова — обнаружили ствол. "При наличии отсутствия", у хозяина соответствующей "корочки". Вежливо изъяли автомат. И тут рассвирепевший владелец автомашины напустился на часовых. Мол, кто вам, чужакам, дал право разоружать народных защитников? Пока начальник КПП спокойно, дабы не нагнетать страсти, разъяснял задержанному права российских миротворческих сил и обязанности граждан в зоне действия режима чрезвычайного положения, к контрольно-пропускному пункту подкатил бэтээр подразделения ППС МВД республики. Узнав причину

"ссоры", лихие "пэпээсовцы", встали горой за "обиженного". А у самих, как выяснилось, тоже нет документов на право ношения оружия. Слово за слово — "коробочка", оцетинилась стволами. Пришлось для усиления вызвать спецназ. Окружив БТР, "краповые береты", зарядили "эрпэгэшки". А дальше — по обкатанному сценарию: многочисленная толпа с женщинами в первых рядах, изматывающие нервы переговоры... и в итоге "ничья", — виновные уходят безнаказанными, силы правопорядка, осмотрительно уступившие "народной дипломатии", остаются с носом...

— Готов побиться об заклад, "бэтэр", захватили бойцы ингушской ППС. Для пополнения парка бронетехники. Накапливают силы, пока мы хлопаем ушами. А для чего — дураку понятно, — стукнул кулаком о ладонь майор Воронков. — Давно пора поставить вопрос ребром: хотите сохранить свои вооруженные формирования, будьте добры, выводите их за пределы зоны ЧП или передавайте под юрисдикцию комендатур — и в Осетии, и в Ингушетии. Может, тогда наведем порядок?

Эту тему офицеры обкатывают чуть ли не каждый день: хоть душу в разговоре отведешь. Мечтать не вредно... И Воронков, и Барсуков прекрасно понимают: удельная "гвардия", — мощный инструмент в руках местных политиков, за здорово живешь "федералам", не уступят. И пока центр занимает двусмысленную позицию в отношении республиканских вооруженных сил (пора назвать вещи своими именами), сельские "полевые командиры", будут плевать с высокой колокольни на комендатуры, войсковую оперативную группу и временную администрацию тож...

Да что местные стражи порядка. Иной раз со своим полком — хлопот полон рот. Части, находящиеся в оперативном подчинении комендатуры, напрямую замыкаются на штаб ВОГ. Каждое решение по использованию сил и средств при чрезвычайных обстоятельствах надо согласовывать с вышестоящими инстанциями. А время не ждет — поторапливает: минутная заминка — и ситуация, требующая безотлагательного вмешательства федеральных сил, того и гляди выйдет из-под контроля. Доказывая потом, что ты не верблюд. Может быть, не ломая в корне сложившейся в особом районе системы управления, следует более четко определить в ней место и роль комендатуры, заменить отдельные несовершенные детали в механизме оперативного влияния коменданта на обстановку в подведомственной "епархии". Некоторые соображения по этому вопросу он, Барсуков, выложил в одной из бесед с главой временной ад-

министрации. "Здесь мы с вами единомышленники, Вячеслав Николаевич!" — услышал ответ, обнадеживающий, вселяющий уверенность, как свет в конце тоннеля.

Парадоксально, но факт: осенью 92-го, после кровавого беспредела в населенных пунктах Пригородного района, ему, первому коменданту многострадального Чермена, было намного проще бороться за мир и порядок, чем в нынешние дни и ночи тревожного затишья.

... Вечером 3 ноября, за каких-то полчаса выгрузившись с бортов в аэропорту Беслан и совершив стремительный марш на броне, оперативный полк подошел к окраине Чермена. В пути следования командира части и вновь назначенного коменданта догнал приказ: с ходу прорваться в село, обеспечить режим ЧП.

Начали уточнять обстановку, чтоб не попасть в переплет. С одной картой много не навожешь, как минимум, нужны данные о примерной численности и вооружении засевших в Чермене боевиков, хотя бы приблизительный план населенного пункта, сведения о взаимодействующих с силами МВД частях российской армии. А из ВОГ летит команда за командой: немедленно приступить к прочесыванию, основная масса экстремистов вытеснена десанниками и танкистами, детали уточните на месте. Все!

И тогда Барсуков, тертый-перетертый десятками крутых передраг в горных точках бывшего Союза и дальнем афганском зарубежье, сказал решительно и веско: "Стоп! Без разведки ломиться в Чермен преступно и глупо. Сунемся очертя голову — как пить дать потеряем часть людей и техники. И никогда себе этого не простим... Во исполнение приказа принимаю решение..."

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, под Хостом, он вот так же подчинил безвыходную, казалось бы, ситуацию своей воле. Тогда, правда, над ним не довел приказ, с выполнением которого для пользы дела лучше бы повременить. И события развивались в несколько ином ключе. Его "подсоветный", батальон царандоя, брошенный в минуту смертельной опасности на произвол судьбы поддерживающими подразделениями афганской армии, не выдержав натиска моджахедов, в панике побежал. Мушавер Барсуков уговорами и лютым матом пытался остановить это войско. Местность давала возможность организовать под воздействием огня противника оборону и продержаться до прибытия подкрепления. Куда там! Обезумевшие от страха вчерашние дехкане драпали не чуя под собой ног. Надо было что-то срочно предпринимать.

Иначе всем конец. Сыпавшие пулями "духи", буквально на пятки наступали.

К счастью, углубившись в зеленую зону, наткнулись на кишлак с орошаемым участком. Барсуков залег за пыльным, потрескавшимся дувалом, махнул рукой комбату: "Стой, Изатулло, дальше нам отступать некуда. Погубим батальон! Давай-ка сюда троих офицеров... Будем прикрывать отход, от сарбозов твоих, сам видишь, толку мало. А ты уводи людей подальше в "зеленку" и там организуй оборону.

Вчетвером, маневрируя за дувалом, яростным огнем сдерживали наступление... Чудом не сложили головы, избежали плена. Видно, Аллах был милостив к ним: с тыла подошли на вырубку три бэтэра...

На следующий день подполковник Барсуков при поддержке арtdивизиона и танкового взвода повел изрядно потрепанный, но воспрянувший духом батальон в контратаку. К вечеру отбили моджахедов на шесть километров. Утром, сполна расквитавшись за отступление, — еще на восемнадцать.

За этот бой вручили ему орден Красного Знамени. Высокая награда по тем временам. А по нынешним... Просто реликвия? Бывают минуты, накатит минорное настроение, и начинает казаться, что многие годы службы, которыми по-офицерски гордился, обесценены неумолимым временем, как денежные сбережения под ударами шоковой терапии.

Афганский излом: за какие грехи обречены, словно крест, нести комплекс вины войны-интернационалисты, переименованные, с подачи ретивых писак, в оккупантов? Кто компенсирует моральные потери ему, Барсукову, в недавнем прошлом командиру передового полка, который был бесславно выведен из Прибалтики с таким же оскорбительным ярлыком, навешенным местными национал-демократами? Ясно, политика — она, как и искусство, требует жертв, тут ничего не попишешь. И все же за себя и за державу обидно. Есть гарантия, что в таком же унижительном положении со временем не окажутся ветераны горячих точек? То-то и оно! Были комендантом в Цхинвале, говорите? И еще в Нахичевани? В Чермене — дважды?! Советуем поскорее об этом забыть. Страна, уверенно глядящая в светлое рыночное завтра, живет другими проблемами.

Впрочем, достаточно. Пусть умолкнет минорная нота в душе. Главное, перед совестью чист: за спины подчиненных не прятался, людей не подставлял. Надо было, в критические минуты смело брал на себя всю полноту ответственности, проявлял разумную, а то и неразумную, с точки зрения перестраховщиков, инициативу. Случалось, пер-

вым лез под пули, чтобы сберечь жизни солдат...

— ... Принимаю решение — проследовать со спецназом на „бэтре“ в село с целью сбора данных для оценки обстановки, — сказал он командиру. И, сделав паузу, словно сжег мосты, закончил неофициальным тоном: — Своими глазами хочу увидеть, что там творится.

— Жизнь рискуете, Вячеслав Николаевич. Да и наверху за проволочки с выполнением поставленной задачи по головке не погладят.

— Ничего, прорвемся...

Чермен встретил первого коменданта заревом пожара, ревом обреченной скотины, надсадным кашлем автоматных и пулеметных очередей, удушливым запахом гари. В приборе наблюдения, словно кинокадры, подрагивая, проплывали затянутые дымом фрагменты разыгравшейся здесь трагедии. Сплюснутая в лепешку кабина подбитого КамАЗа боевиков... В лужах крови — тела убитых людей, трупы животных...

У войны, говорят, не женское лицо. Нет лица у войны — злоеший оскал монстра. И национальности — по высшему счету — тоже нет. Разве важно, какого роду-племени сраженная пулей старушка с воздетой к небу застывшей рукой? Это Женщина, Мать, продлевавшая род человеческий. И не все ли равно, кто убийца — ингуш или осетин? Душегуб! Нелюдь!

Когда он, Барсуков, приступит к исполнению своих обязанностей в искалеченном боями селе, никто не обвинит его в пристрастном отношении к той или другой общине. Он будет заботиться о людях. Осетинах и ингушах. Одинаково убитых горем. Одинаково страждущих. Нуждающихся в помощи. Взывающих к милосердию.

Нет лица у гражданской войны...

Проскочив на броне через пылающее село, он еще раз убедился в справедливости истины: для выполнения приказа перед лицом смертельной опасности наряду с командирской волей надобно подключать трезвый, холодный ум и чуткое, незачерствевшее сердце. Короче, семь раз отмерь, дабы каждый твой солдат и офицер вернулся со щитом...

На северной окраине одно подразделение войск попало под перекрестный огонь. Погиб сержант. Есть потери у десантников. Чумазые, злые как дьяволы танкисты, занявшие оборону на черменском круге, предупредили: „Начинать операцию в сумерках, не зная планировки улиц и расположения огневых точек боевиков, — себе дороже, за день всех бандитов выкурить не удалось, отдельные фанатики бешено сопротивляются, пожгут из гранатометов ваши „бэтры“, товарищ полковник“.

На обратном пути связался по рации с командующим. Доложил обстановку и свои предложения. Услышав ответ Первого, долго не отнимал ладоней от наушников шлемофона, точно благодарил — крепким мужским пожатием — понявшего ситуацию генерала за окончательно откорректированный по времени приказ: к прочесыванию Чермена приступить утром.

Потом начались комендантские будни. Напряженные и суровые, как лик неизбывного горя...

Ставили подвижные броневые капканы на мародеров, которые хищными шакальими стаями набрасывались на покинутые дома беженцев. Где содержать задержанных, куда девать изъятное добро? Есть комендант — пусть он „порешает...“ А добра ни много ни мало — несколько КамАЗов. Кто возьмет под крыло местных жителей, будет терпеливо выслушивать их жалобы и просьбы, утешать, помогать с транспортом при вывозе домашнего скарба, обеспечивать безопасность? Вопрос риторический. Кому заботиться о восстановлении систем жизнеобеспечения села? Опять же ему, полковнику Барсукову.

И он решал, обеспечивал, помогал, заботился...

Из Октябрьского привез электриков — зажгли свет. В Ольгинском отыскал специалистов по другому профилю коммунального обслуживания — подшаманили, и пошла вода. Потом таким же макаром взялись за „газификацию“.

Работал на износ, часто не имея возможности выкроить за день пяток минут для спокойного перекура. И все — по личному почину, по своей инициативе, полагаясь только на собственный опыт. Вышестоящий штаб словно забыл о его существовании. Позвонят, дадут общие ЦУ: „Ты там давай, действуй!“, — и тишина. А он, как никогда, нуждался в поддержке: первым комендантом Пригородного района был чистый „эмвэдэшник“, спец в своем деле, но в отличие от войсковых офицеров, хлебнувших лиха в горячих точках, полнейший дилетант в „чепэшных“ вопросах, каши с таким не сваришь.

Его „автономное плавание“, закончилось с прибытием в зону конфликта генералов Куликова и Гафарова: дававший свои механизмы управления работал, как новенький хронометр. В комендатуру полетели телефонограммы с конкретными распоряжениями, четкими задачами и сроками. Он облегченно вздохнул. Когда знаешь свой маневр, вписанный в общий стратегический замысел, чувствуешь себя хозяином положения.

Именно этого сегодня и не хватало. Призрачная власть, неопределенные права с шатким юридическим фунда-

ментом — все, чем довольствуется комендант. Маловато будет, как говорил герой популярного мультфильма.

...В НАУШНИКАХ шлемофона послышался знакомый голос лейтенанта из полка: начальник КПП на черменском круге, издали заметивший БТР, потребовал назвать позывные. Молодцы, не дадут застать себя врасплох.

Короткая проверка и — дальше в глухую темень, к местам выставления секретов и заслонов.

Не успели объехать вокруг села, по рации поступило долгожданное сообщение: маневренная группа освобождена, БТР возвращен законным владельцам, инцидент без кровопролития исчерпан.

— И все же правильно сделали, что подстраховались, от этой публики все-го можно ожидать! — воскликнул полковник Барсуков.

Кивнув, зам по милиции впервые за ночь спокойной улыбкой согнал с лица тень тревоги.

— Вздремнуть бы часок-другой! А, Вячеслав Николаевич?

— Это можно, — согласился комендант. — Навоевались.

Но с отдыхом пришлось повременить. Не желала коварная ночка сдавать позиции без сопротивления.

В комендатуре офицеров ждал "сюрприз". Во время патрулирования спецназовцы задержали четверых ингушей, вооруженных лимонками и охотничьими ружьями. Пока остававшийся за старшего начстаба майор Ершов докладывал о подробностях происшествия ("краповые береты" применили силу, так как парни, назвавшие себя дружиной самообороны, оказали сопротивление), рассвело. Какой уж тут, к лешему, сон.

— Сколько раз доказывал: надо немедленно выводить из зоны ЧП команды ППС и охраны народнохозяйственных объектов, — взорвался Воронков. — Есть в селе вооруженная "гвардия", у одних — другие не успокоятся до тех пор, пока не создадут противовес...

— Вот-вот, а мы будем прыгать между ними, как зайчики, предотвращая стычки, — добавил Ершов. — И получать за всех сразу...

— Не сыпьте соль на раны, давайте лучше подумаем, как объяснить ингушам правомерность действий спецназа. Они сейчас найдут оправдания, против которых мы бессильны со всеми нашими законами, — повернул разговор в деловое русло полковник Барсуков.

Увы, как ни раскидывая мозгами — не властен комендант распутывать такие гордые узлы. А сплечь рубить по живому — рука не поднимается...

Беседа с представителями ингушской общины, чуть свет явившимися в комендатуру ходатайствовать за пленен-

ные "силы самообороны", несмотря на все усилия официальной стороны в лице Барсукова и его заместителей, прошла, выражаясь языком протокола, в обстановке подозрительности и недоверия. Полковник призывал сдать припрятанное оружие и, доверившись федеральным войскам и милиции, сделать жест доброй воли — распустить "ополчение". Старейшины, не желая ничего слышать, на повышенных тонах требовали освободить задержанных и вернуть стволы: дескать, спокойно жить нам здесь не дадут, а у войск людей не хватит, чтобы прикрыть нарядом каждую усадьбу.

Все тот же черменский синдром. Силой, угрозами бороться с ним бесполезно. Остается одно — терпение. Неиссякаемое терпение служивых, которые живой стеной разделяют соседей-врагов, упоая на коллективную народную мудрость и здравый смысл местных руководителей. Его, коменданта, терпение...

Встретившись во Владикавказе с работниками оперативно-следственной группы, Барсуков предложил решить судьбу "дружинников", так, чтобы и волки были сыты, и овцы остались целы: Восток — дело тонкое, Кавказ — вдвойне, а худой мир лучше доброй ссоры.

ЗА НЕПРЕДВИДЕННЫМИ утренними заботами длинным хвостом потянулись другие. И как-то незаметно поглотили остаток дня: занятые серьезным делом, как и счастливые, часов не наблюдают. Лишь к вечеру опутавшая тело липкая усталость, напомнив, что ему, полковнику, не двадцать лет и сутки на ногах без сна под нервным напрягом — это не пустячок, заставила мысленно скомандовать: "Все, на сегодня шашаш. Отдыхаем!".

После суматошного дня и тревожной ночи как-то сами собой организовались в кабинете ПТУ — комендантской обители — теплые мужские посиделки. Зам по материально-техническому обеспечению майор Михаил Яшин, блеснув кулинарным искусством, приготовил скромный ужин по случаю приближения долгожданного кавказского "дембеля". Под крепчайший "конвойный", чай да сто грамм наркомовских (после трудов праведных не грех причаститься) пошли разговоры "за жизнь". Стоскавались по ней мужики, пребывая вдали от Большой земли.

— Да, чуть не забыл! — вдруг спохватился майор Ершов и, взяв мел, поставил жирный крестик в "дембельском" календарике, начерченном на классной доске. И осталась в нем одна пустая клеточка.

Впрочем, это уже из области лирики...

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

Район чрезвычайного положения.

Есть вопросы

РОЗЫСК НАХОДИТ И... ТЕРЯЕТ

ЭТОГО КРАСАВЦА, породистую среднеевропейскую овчарку, звали Алтай. Ее хозяину, старшине Евгению Юзвук, еще не исполнилось и тридцати пяти. В знойный день в составе розыскной группы они прибыли на станцию Шереметьево, где двое неизвестных обчистили аптечный ларек. Их лакомой добычей стали медикаменты, содержащие сильнодействующие вещества. Прибыть-то прибыли, да вот незадача — более двенадцати часов прошло после происшествия, срок немалый. Может, потому райотдельские милиционеры, примкнувшие к розыскной группе, с ухмылочкой наблюдали, как Алтай рыскает по перрону, уже затоптанному тысячами башмаков; да и сам старшина не слишком-то верил в успех. И очень обрадовался, когда собака, покинув усеянную битыми стеклами площадку, устремилась в поле. «Вот и славно — подалше от любопытных глаз, — подумал Юзвук, — лишь бы сторонние не видели нашей беспомощности». И, к счастью, ошибся: вскоре им попались пустые ампулы. Стало ясно: Алтай идет по верному следу. А у ближайшего дачного домика обнаружили и сами похитители. Правда, один из них, издавелека заприметив преследователей, успел скрыться — как сквозь землю провалился. Зато его напарник, с затуманенными дурманом мозгами с ходу подчинился и покорным теленком побрел со старшиной, искося с опаской поглядывая на Алтая. Можно сказать, повезло, не оказал сопротивления. Хотя мог. В рукаве у грабителя оказалось небольшое приспособление — своеобразный многоцелевой инструмент: он и гвоздодер, и нож, и — с обратной стороны — заточка. Позднее проверили — в дерево, как в масло, входил. А старшина-то безоружен, ведь настроенные иронично милиционеры, не надеясь, что понадобится их помощь, решили не бежать за ним «во чисто поле». Ну, слава Богу, обошлось...

В далеком 64-м это произошло — считались тогда с работой войсковых розыскников высокие милицейские чины, ценили, о помощи просили, когда в тупик попадали. И пинкертонеры из внутренних войск действительно выручали их.

Любопытнейший документ — исторический формуляр части, который, кстати, и познакомил нас с Евгением Юзвук-

ком. Что ни год — десятки задержанных преступников-рецидивистов, что ни положительный пример — обязательно розыскник отмечается, что ни поощрение ценным подарком или денежной премией — опять же войсковой сыщик. Просто диву даешься — словно остальные спецконтройники и вовсе службу не правили.

Много воды утекло с тех пор, устали отсчитывать время именные часы, которые получил за поиск и задержание грабителей на станции Шереметьево старшина Юзвук. Нет, не для утоления ностальгической жажды копнул я этот исторический пласт, и не только праздного любопытства ради, хотя, не скрою, и интерес был. Просто захотелось убедиться, сравнив с делами давно минувших дней, что действительно с каждым годом растет профессионализм наших розыскников, повышается результативность их службы.

Не исключаю, что, взяв за точку отсчета 1964 год, я, наверное, посеял в умах некоторых читателей скептическое недоумение. Ну вот, дескать, еще один статистик социалистического типа выискался. Сейчас начнет все наши достижения с 1913 годом сравнивать. Уж не знаю, обрадую или разочарую, но глубже копать не стану. И без того понятно, что тогда, в 64-м, розыскники были слабо оснащены технически и не всегда вооружены. Да и профессионалов нового поколения в сыском деле просто не было, личный состав подразделения розыска — бывшие фронтовые разведчики, ветераны маневренной группы, созданной еще в декабре 1942 года при штабе военизированного стрелкового отряда, в задачу которого входили розыск и задержание бежавших осужденных и ликвидация диверсионно-разведывательных групп. Крещенные боем, не боявшиеся ни черта, ни дьявола, они и в борьбе с преступностью действовали на удивление дерзко и отчаянно, воистину по-боевому. Потому-то и шли на заточенную финку вооруженные лишь непоколебимой верой в грядущую «эру милосердия», которая неизбежно наступит, когда последнего бандюгу сурово покарает меч правосудия. Увы, с годами розыскникам работы не убавлялось. Скорее, напротив.

И даже после долгожданного восьмидесятого, того самого года, когда по

заверению вождей нашего государства должны были показать по телевизору благочестивой и добродетельной публике последнего советского заключенного, количество задержанных беглецов-уголовников, как ни странно, увеличилось. Походи угадай, кто из них последний? И, коли этой "очереди, конца не видать?! И, наверное, вполне закономерно, что как раз в этот период за профессиональную подготовку розыскников взялись всерьез, ибо мастерство в сыском деле — средство из боевого арсенала. Оно, как и бронезилет, спасает зачастую и, случается, пуще "пушки", выручит.

УСИЛИЯМИ ЭНТУЗИАСТОВ налаживались прочные контакты с милицией, выбивались, хотя и с трудом, места для подготовки войсковых сыщиков в специальных учебных заведениях органов внутренних дел, а уж в школе прапорщиков они обучались по отдельной программе, скажем так, сугубо прикладной, специфической. Да и державные мужи, регулируя заработную плату, даже не знаю — вольно или невольно (скорее, сами того не сознавая) помогли войсковому розыску. Высококвалифицированные милицмейские специалисты-практики с удовольствием замещали вакантные должности прапорщиков, где оклады были повыше. Вот когда везло нешуточно: такая находка для розыскных подразделений, костяк которых и поныне составляют эти бывшие лейтенанты и старшины милиции, оперработники со стажем. И, естественно, результат не замедлил сказаться. Цифровые показатели резко поползли вверх, а к концу восьмидесятых начали расти в арифметической, а то и в геометрической прогрессии.

Не без гордости вспоминает командир взвода прапорщик Горбачев совместные с милицией розыскные операции, захватывающие преследования, сопряженные со смертельной опасностью, задержания вооруженных преступников. Это сейчас офицеры и прапорщики войск не удивить экстремальными ситуациями, боевыми стычками. За несколько перестроечных и постперестроечных лет почти все побывали в горячих точках. А в те времена для прапорщика Горбачева и его сослуживцев участие в борьбе с преступностью было самым что ни на есть горячим делом. И рассказы бывалых сыщиков одни слушали не без зависти, другие — с нескрываемым удовлетворением, что не над их головами свистели бандитские пули.

Розыскники гордились своей специальностью: служба, сопряженная с риском, создавала им некий имидж суперменов. Словом, авторитет профессии рос на глазах, что было вполне естественно. Непонятно другое: почему в таком случае со страниц летописи чести постепенно исчезли фамилии розыскников, положительные примеры их действий? А в служебных карточках прапорщиков мне удалось обнаружить только четыре (на круг) поощрения, да-

тируемых восемьдесят восьмым и девяностым годами, "за инициативу при розыске, и "смелость и решительность при задержании". Нет, сыщиков не забывали отмечать: и за отличную стрельбу, и за активную общественную работу, и за успехи в боевой и политической подготовке, но будто и не было десятков задержанных, рискованных погонь и единоборств с вооруженными преступниками. Вот вам и критерий престижности столь опасной работы. А может, это первые "потери" розыска? По цифри — вроде бы нет, все гладко, а по оценке труда...

Год 1992 для сыщиков оказался самым урожайным. Вследствие проведенных оперативно-розыскных мероприятий они задержали больше беглецов, нежели за предыдущее десятилетие в целом. Казалось бы, есть законный повод гордиться своими заслугами. Но диссонансом звучат слова бывших наших служивых Холмсов, теперь — сотрудников уголовного розыска. "Захирел нынче войсковой розыск", — обронил лейтенант Яншин, словно приговорил. Резко, однозначно и, согласитесь, обидно и неясно: с такой-то профессиональной базой, с раскрепощенными результатами — около трех сотен задержанных в год. Что ж, наверное, вправе давать такую оценку человек, прослуживший без малого пятнадцать лет в подразделении розыска. И все же не верится с ходу. Да тут масла в огонь подлил его сослуживец. "Если бы в прошлом году я не перешел в угро, то вообще уволился бы, — откровенничает лейтенант милиции Плотников. — Сейчас там не интересно, маринуют людей бездельем. Когда охотничью собаку постоянно держат на привязи, она в конце концов превращается в сторожевую. Точно так же и прапорщик-розыскник без серьезной оперативной работы становится просто старшим машины. Или того хуже — мальчиком на побегушках. Вы вот поинтересуйтесь, когда они последний раз получали радиостанции, бинокли? Об оружии и бронезилетах и не говорю. Многое поймете..."

КАК В ВОДУ смотрел бывший прапорщик Плотников, поведав о наболевшем. Под толстым слоем пыли забвения находятся не только оружие, но и традиционные для детективов "боевые порядки": засада, секрет, пост наблюдения. Закономерный вопрос: откуда же такие высокие результаты? На поверку все оказалось довольно просто. Дело в том, что среди более полутора тысяч задержанных в последние два года нет ни одного из тех, кто совершил побег из колоний. Все они, как ни прискорбно, военнослужащие, самовольно оставившие места несения службы. Вот на кого смещен сейчас центр тяжести. Может, потому столь категоричны суждения бывших прапорщиков Яншина и Плотникова. Им, почти ежедневно имеющим дело с крутыми мафиози, кажется, что войсковые розыскники в бирюльки играют, ибо поиск и возвращение в части беглецов от службы считают занятием,

недостойным для себя. Не мне судить, возможно, они и правы. Но что поделать, если скорее с социальной, чем с армейской проблемой войска оказались наедине. Из-за непомерного роста преступности у правоохранительных органов не всегда руки доходят до дезертиров (уж и не знаю, применимо ли это слово теперь), не представляющих такую общественную опасность, как уголовники. Прапорщики Горченко, Горбачев, Оксютя и другие, с которыми удалось побеседовать, особого восхищения своими громадными достижениями не выказали. Скорее, наоборот: ощущалась внутренняя неудовлетворенность и от результата, и от самой работы.

— Какая-то игра в пинг-понг получается, — возмущается Горбачев. — По некоторым беглецам приходится проводить до десятка розыскных мероприятий. Причем по полной схеме. А в итоге — солдаты опять ударяются в бег. Если они дезертиры, необходимо применять соответствующие правовые меры. А не превращать розыскников в пионервожатых.

Хоть и хлопотно это — проводить работу с родителями, убеждать их вернуть своих чад на службу, не усугубляя вину, но все же менее опасно, чем брать какой-нибудь притон с отпетыми бандитами. А посему — зачем оружие, бронешилет и бинокль для решения рядовой, обыденной задачи? Следовательно, можно сделать всех (всех ли?) устраивающий и вполне утешительный вывод: не стоит попусту тревожиться — нет «потерь», у войскового розыска, люди при деле, и нечего, мол, возводить напраслину. А если задуматься?

Да, их реже стали привлекать для розыска бежавших осужденных, и порой кажется, что эта боевая единица попала под беспощадный молот своеобразной конверсии. Будто сняли с ракеты боеголовку, превратив в обычную болванку. И играют с нею, перебрасывая с места на место, не утруждая себя какими-либо правилами и «формальностями»: полная импровизация. Скажем, нужно комиссованного солдата отправить домой — сопровождающим посылают розыскника. Возникает острая нужда купить билет на ближайший поезд — вперед, розыскник: «След!». И не беда, что это вроде и не его функция, главное — польза очевидная и человек без дела не мается. Что вы говорите, обязанности по должности? Пустое, сейчас не каноны в цене, а инициатива и расторопность. Пусть даже за чужой счет.

Или вот еще, прошу прощения, «анакренизм». Я долго пытался выяснить, но никто мне так и не дал вразумительного ответа: почему наша сыска служба организована таким образом, что розыскная группа ночует в подразделении, да и в выходные сутками находится в стенах казармы? Я не оговорился: именно находится, а не проводит розыскные мероприятия.

— А как же иначе? — удивленно разводит руками старший лейтенант Королев. — Мало ли что может случиться? Вдруг какой-нибудь жулик сиганет через забор колонии во Владимирской области или, скажем, на Колыме. Вот мы и подадим боевую команду: «В ружье!».

Классика: «кабычевоневышло!». Оправдывает ли себя подобная перестрелка? Может быть, не мне судить. Зато убежден, что однозначно правы прапорщики, сетуя: ночуем на столах — больше негде, нет ни помещения, ни кроватей, как, впрочем, и холодильника, где можно хранить продукты (каким-то сурочное дежурство). Однако...

— Они сюда не спать приходят, — резюмирует начальник штаба части. — Службу должны нести.

Короче — «люминь». А страдает от такой бестолковой организации дело. Мыслимо ли, что ежедневно на отработку розыскных заданий выходят не более восьми-десяти процентов от списочного состава военнослужащих и без того неукomплектованного подразделения. Чем занимаются остальные? Кто в отпуске, кто после «всенощного бдения», отдыхает, а кто отгуливает после «боевого дежурства», в выходные. Разве с такими силами реально организовать мощный отпор бежавшим уголовникам? Вряд ли. На худой конец — бой местного значения. Не в этом ли суть упрека Плотникова — «маринуют людей бездельем»? При полной видимости работы и греющей душу цифири в отчетах — напрасное времяпрепровождение.

Кстати, помнят в подразделении и Плотникова, и Яншина, которые почти полтора десятка лет отдали войсковому розыску.

— Толковые ребята. Сейчас вот и Дронов уходит участковым. На службе черт знает что творится, — говорит прапорщик Горбачев, — жить негде. А в органах служебную площадь обещают.

Опять потери розыска.

ВЗЯВШИСЬ ЗА ПЕРО, дал себе обет: не касаться социальных вопросов, дабы не переливать из пустого в порожнее. Для всех служивых они однотипны: отсутствие жилья, неадекватное денежное содержание, социальная незащищенность. Каюсь: не получилось. Вопросы эти, словно шило из мешка, выпирают. И какую бы сторону деятельности ни зацепил — обязательно наткнешься на них. И уколешься.

— Вы взгляните, какие раньше рукопашники служили, — прапорщик Оксютя показывает фотографию. — Ударом ноги автомат пополам перешибали. Чужой, естественно. Разбежались по «комкам», да СП, охранниками устроились. При деньгах теперь, в почете и в квартирах. К слову, как-то брали одного рецидивиста — «мокрушника»: не менее двадцати человек положил. Крутой — спасу нет: еще бы, чемпион Москвы по каратэ. Пытался он и нам «ки-я», показать. Не успел. Всыпали ему по первое число. В порядке самообороны, конечно. Бросил он тогда свое чемпи-

онское удостоверение на стол и, еле шевеля распухшими губами, проговорил: "Берите на память, мне теперь стыдно его носить".

Где нынче эти рукопашники? Потеряли. Уходят профессионалы, а на смену им не очень-то торопятся молодые супермены: стимула нет. Усилиями тех же государственных мужей реку службы повернули вспять. Раньше из милиции шли в розыск, а сейчас те, кто помоложе, мечтают, как писал один из героев Бабеля, себя "возвернуть в первобытное состояние", а еще лучше в "муниципалку", податься, там, говорят, деньги лопатой гребут. Рейтинг розысников среди прапорщиков самый низкий, оклад — меньше, чем у старшины роты. Потому-то большинство сыщиков — ветераны-энтузиасты, которые не столько служат, сколько дослуживают, вернее — дотягивают до пенсии.

Впрочем, есть в подразделении пять человек с высшим юридическим образованием, которые пытаются получить офицерское звание. Кто его знает, то ли мы с жиру бесимся, учиняя на их пути различные препоны (хотя и офицеров не хватает, а профессиональных розысников практически нет), то ли традиционно следуем правилу: все благодарное пробивается через тернии (невольная ассоциация — "через тернии к звездам", лейтенантским). Пресловутое "не пущать", навсегда выталкивает лучших из рядов розысников, отторгает их, как инородные тела.

Между тем офицеры подразделения розыска, не в обиду им будет сказано, не на своем месте. Так, во всяком случае, мне показалось. Нет, они, конечно, добросовестные служаки, труженики — этого у них не отнять. Но в розыске оказались не по зову сердца, а лишь потому, что пришла пора выдвигать их на вышестоящую должность. И вот они в ожидании очередного продвижения по служебной лестнице равнодушно созерцают, как прапорщики — командиры взводов правят службу и организуют учебный процесс (в журналах — ни одной отметки о проведении занятий офицерами). Правда, есть существенная оговорка: прапорщики эти с высшим юридическим образованием. Ну как тут не повториться: почему бы не присвоить офицерские звания, если и желание у них имеется, и опыт работы? Пусть трудятся на здоровье и на благо Отечества, повышают профессионализм подчиненных, коли теоретически подкованы отменно. Может, хоть тогда розыск перестанет терять то, что, казалось бы, терять и не должен: отличные кадры, тесные контакты с милицмейскими сыщиками... Может быть, тогда люди, всей душой болеющие за престиж своей профессии, будут внимательнее относиться к предложениям с Петровки-38, пока не оскудела рука дающего. Летом прошлого года проводилась крупномасштабная акция "Розыск-93". Задействовали все отделения милиции, нарежали небольшой участочек и нашим пинкертонам, о чем известили руковод-

ство специальным донесением. Чем не учеба в одной упряжке-то с профессиональными, опытными оперативниками, в совместных действиях против преступников? Ан нет, депешу проигнорировали, предложения отвергли. И пусть не очень большие надежды возлагали на "наших" в милиции и без упреков обошлись, а все равно обидно. Потеряли редкую возможность. Опять потеряли...

РАССКАЗЫВАЯ О ДАВНЕМ — о задержании наркоманов, прапорщик Юзвук сказал, что после этого никогда не ходил на "дело", безоружным: себе дороже. А вот спустя тридцать лет сыщики вынуждены (обратите внимание — вынуждены!) повторять шереметьевскую ошибку своего предшественника. Правда, не по своей вине. Уже приняты соответствующие документы, позволяющие офицерам и прапорщикам в определенных условиях постоянно иметь при себе личное оружие. Казалось бы, получение оружия розысниками для выполнения задач службы должно быть значительно упрощено. Не тут-то было. Когда напрямую встает вопрос о получении оружия, до самой последней инстанции пока достучавшись, пистолет может уже и не понадобится. Прошу прощения, но мне кажется, что целесообразно вместе с розыскным заданием спускать сверху и добро на выдачу оружия. Предвижу возражение: коли сейчас для сыщиков главное — возвращение в части бежавших военнослужащих, может, оружие им действительно ни к чему? Протестуют: у розысников при исполнении обязанностей пистолет должен быть постоянно. Часто "самоходчиков", опекают личности с сомнительной репутацией, нередко — просто уголовники. И, отработав адрес, элементарно можно попасть в такую перделку, что только и надежда на оружие. По-моему, не то сейчас время, чтобы с открытой грудью идти на заточенную железку.

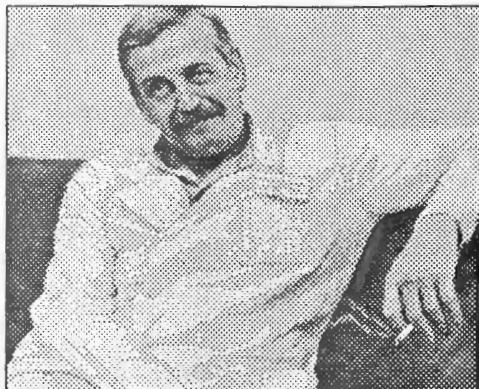
Проблемы, недостатки — мы порой даже не представляем жизни без них, привыкли. В этой связи вспоминается старый армейский анекдот. Начальник инженерной службы проверяет имущество в роте. Осматривая малую саперную лопату, перечисляет недостатки: засохшие комки грязи, не заточена, ручка не зачищена... Командир роты слушал, слушал, взял ее, швырнул за забор и говорит: "Пишите один недостаток: нет саперной лопаты".

Может, так же поступить и с подразделениями розыска: передать их поскорее в органы внутренних дел, тогда и проблемы сами собой исчезнут, даже и одного недостатка не будет, как в случае с лопатой? Одной потерей больше, одной меньше...

Майор И. МУЧАК.

Московский округ внутренних войск.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, ДОКТОР!

— Мне никогда не снился белый халат. В выборе профессии решающую роль сыграл географический фактор. Когда по окончании средней школы мне пришлось задуматься о продолжении образования, я долго не напрягался — выбрал то, что ближе лежало, то бишь Винницкий мединститут...

РАССКАЗЫВАЯ о себе, полковник медицинской службы Олег Александрович Харьковой смущение, вызванное интересом к нему журналиста, прикрывал иронией. Да это и понятно. О себе серьезно рассказывают либо на допросе, либо, как это было раньше, при приеме в партию в ответ на сакраментальное предложение изложить биографию. А как человеку говорить о себе без иронии, когда корреспондент, сунув под нос диктофон, в вопросах своих нападает на «легендарное прошлое», на героико реанимационных будней. Тут поневоле собьешься, как на партсобрании, на кандидатскую скороговорку: родился, учился, трудился... Ну, факт рождения Олега Александровича сомнений не вызывает, подтверждается, так сказать, явочным порядком. О том, как трудился и трудится, — чуть позже. А сейчас — об учебе.

Школу Олег Харьковой закончил с медалью и потому, в соответствии с тогдашними порядками, при поступлении в вуз должен был получить пятерку на первом экзамене, дабы избавить себя от необходимости сдавать остальные. Что он и сделал.

— ...Первые два институтских года, — продолжал свою исповедь Олег Александрович, — дались мне тяжело. Несмотря на свое прошлое школьного отличника, я терпеть не мог сухой зубрежки, а начальный этап медобразования

ния как раз зубрежкой и ознаменован, поскольку призван заложить фундамент для дальнейшей учебы. Понимать-то я это понимал, но корпеть над разящими карболкой фолиантами порой становилось невмоготу. Были даже мысленные поползновения бросить сию науку. Но очень уж не хотелось огорчать маму с папой. Это и удержало от реализации тайных желаний.

На третьем курсе полегчало. Началась клиника. Зубрежка перестала быть самоцелью, она обрела практический смысл. Мы встречались с больными, вникали в их «болячки», и очень хотели каждому помочь. Появился живой интерес к предмету изучения. К тому же студентам третьего курса уже разрешалось подрабатывать. Я подвизался сначала на санитарном поприще, потом — в фельдшерях. Это снимало ряд финансовых проблем и, самое главное, давало практику, зачатки опыта...

Олег Александрович покусал ус, припоминая что-то в том студенческом далеке, и принялся рассказывать дальше:

— По окончании института больше всего боялся увязнуть в текучке: приемы, рецепты, писанина... Но, на мое счастье, в областной больнице открылось отделение анестезиологии и реанимации. При нем начали набирать интернатуру. Ну я и подался туда.

Как потом оказалось, выбор был сделан на всю жизнь...

— Как попал тогда в реанимацию, — смеется Олег Александрович, — так до сих пор и не расстаюсь с ней. Отделение было большое, операций делали много. А анестезиологов — шесть настоящих и четверо вроде меня — зеленых-необученных. Угодили мы в котел, в котором работа кипела не переставая. Все постигалось непосредственно

в деле. Новая специальность была для нас белым листом. В альма-матер на ознакомление с нею программой отводились семь дней, из них четыре пришлись на праздники. Словом, дышите — не дышите. И вся наука. Да и сердце в ту пору представлялось больше источником нежных чувств, чем мышечным насосом для перекачки крови. Профессия еще не одолела юношеского романтизма. Это уж потом все стало прозаичней...

ТУТ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ себя слегка оговорил. Коллеги, знающие его не один год, утверждают, что романтизма в нем и сегодня на все отделение хватит. Один из ветеранов госпиталя сказал о нем так: "Башка седая, а во многом так и остался мальчишкой, даже завидно". Что ж, в одной песне поется: "И хорошо, когда в душе живет кусочек детства". Это оно, неистребимое мальчишество, не дает нам очерстветь, стать равнодушными, заставляет совершать поступки, после которых начальство, переводя дух, ворчит что-то о глупости, у женщин-коллег в глазах появляются теплые улыбки, а подчиненные — у кого они есть — не забывают пригласить на междусобойчик и не стесняются перехватить "прожиточный минимум" до полудня.

Но Харьковского в госпитале уважают не только за легкий характер, готовность поделить последним. Хороший мужик — это не профессия. На мастерстве и зиждется его авторитет в кругах, приближенных к Его Величеству Больному. В управленческих кабинетах и коридорах понятие авторитета порой тесно смыкается с представлением о субординации, а убедительность аргументов прямо пропорциональна высоте занимаемого поста. В лекарском цехе дело обстоит несколько иначе. Другие критерии, другие точки отсчета. Если ты в своем деле знаешь, умеешь и делаешь чуть больше и лучше других, вот тогда тебя будут уважать, а не просто слушаться, тогда к тебе придут за советом, тогда рядом с тобой будут работать на совесть, и не из опасения взыскания или так называемых оргвыводов, а из нежелания подводить, из стремления самому не быть "чайником", в глазах авторитетного для тебя человека.

Профессионализм врача, особенно военного, нередко проявляется и в умении добиться возможности выполнить свой врачебный долг. Харьковой и это умеет. Вот что рассказал мне его сослуживец и коллега Александр Сергеевич Ковалев:

— Как-то в Степанакерте мы получили сообщение, что в Физули в сельской больнице находится наш раненый сол-

дат. За сообщением последовала команда выехать туда, оказать раненому помощь и решить вопрос о его эвакуации. Но тот, кто давал команду, ничего не сказал о транспорте. Чем добираться? Путь предстоял неблизкий. С горячим — напряженка. Ни машины, ни вертолета. Куда ни ткнешь — везде отказ.

В свое время у вашего брата журналиста в частом употреблении была формула "если не я, то кто же?". Так вот это — про Харьковского. Он тогда буквально затерзал телефон. Кого-то просил, кому-то грозил, что-то пообещал, кого-то "послал", потом опять просил и грозил... В результате нам дали вертолет. Но на этом наши проблемы не кончились. Когда прилетели в Физули, выяснилось, что у раненого большая кровопотеря, а донорской крови в больнице нет. Олег Александрович снова сел на телефон и принялся обзванивать окрестные опорные пункты местного здравоохранения. Кровь нашли, послали за ней свой вертолет. Потом перелили ее солдату, подготовили парня к транспортировке. А везти опять не на чем. Лететь нужно было в Баку, но вертолетики говорят, мол, отдохните от этой мысли — горячего нема. И снова пришлось анестезиологу работать завхозом, толкачом, замом по тылу и Бог знает кем еще. Однако вертолет он заправил...

А вот еще эпизод из карабахского периода в биографии доктора Харьковского. Движимый приказом и чувством долга, он исколесил тысячи километров, преодолел немало препятствий, вычеркнув навсегда из своей практики понятие "не хочу". Кто прошел карабахские переселенки, тот знает, каково в последний день перед отправкой домой получить приказ на выезд в какое-нибудь ведомо поместье у черта на куличках. Олегу Александровичу тоже "повезло". Теперь-то он об этом рассказывает посмеиваясь, а тогда, пожалуй, было тоскливо. Итак, слово доктору:

— Май девяносто первого года. Агдам. Штаб ВОГ. Мы, что называется, сидели на чемоданах. На следующий день должны были прийти "вертушки", и увезти нас в Гянджу. Стало быть, завтра к вечеру мы рассчитывали чаевничать уже дома. А пока — тишина, никого нет. Мы с товарищем прихватили бутылку "чая", и направились в штаб, дабы там еще с одним "крестonosцем", осуществить анестезиологическое мероприятие и тем самым скрасить ожидание. Только на пороге, а навстречу нам — начальник штаба. "О! — говорит. — На ловца и зверь бежит". Чую: дело швах. Плакало наше мероприятие. Так и есть. Он нам сообщает, мол, там-то и там-то черепно-мозговое ранение. Так что —

вперед и в темпе марша. А до этого самого "там-то и там-то", — верст шестьдесят и все по серпантину. Времени — десять вечера. Заводи-езжай, а заводит нечего. Пришлось прессинговать. Выбили "броник", и охрану с лейтенантом во главе. Он сел за пулемет, я — рядом с водителем. Дороги никто толком не знает. Тьма — хоть глаз коли! Но поехали. Тут еще туман опустился, а у бэтэра косоглазие: фара светить-то светит, но не туда, куда надо. Пришлось мне накоротке освоить смежную специальность осветителя. Высунувшись из люка, путеводным лучом шарил по дороге. Холодина — зуб на зуб не попадает. Временами то справа, то слева постреливают. Правда, бронежилет и каску мне дали. Каска почему-то то и дело на нос сползала. Потом туман сгустился настолько, что луч фары размазывался белым перед самым носом машины, не доставая до земли. Спрыгнул с борта и взял "броник", под уздцы, то есть шел перед ним и следил, чтобы он не съехал на обочину, ибо обочина у этой дороги располагалась на несколько десятков метров ниже проезжей части. Одно слово — серпантин.

Проехали три КПП, на которых каждый раз убеждались, что, как ни странно, движемся правильно. Когда добрались до раненого, поняли — работы на всю ночь. К утру стабилизировали его и передали подоспевшим коллегам. Те улетели с парнем на вертолете. Нам с ними было в разные стороны, так что мы прежним порядком потащились обратно в Агдам. По пути провезли не то азербайджанца через армянские кордоны, не то наоборот. Мужик потом вдохновенно благодарил, клялся при случае угостить шашлыком из молодого барашка. Тот барашек теперь уже состарился. А жаль!..

Для молодых коллег поездки с доктором Харьковом стали хорошей школой. Да, у него есть чему поучиться, потому что он сам всю жизнь учится и хорошо усваивает уроки, полученные и от людей, и от жизни. Трудно переоценить тот опыт, который Олег Александрович приобрел, работая и участвуя в отделении анестезиологии и реанимации винницкой областной больницы.

— Обстановка требовала от нас оперативных и безошибочных решений и действий, — вспоминает он. — Помощь старшие коллеги оказывали, но назойливой опеки не было. Нам доверяли, и мы учились прямо в деле. И это самая лучшая школа. На спасательном круге плавать не научишься. Через три месяца мы уже самостоятельно давали наркоз, через полгода — вылетали самолетами санавиации в районы, опять же не держась ни за чью полу.

Как-то раз полетел на акушерскую ситуацию самолетом АН-2. Слово "санавиация", звучит внушительно, на деле же это обыкновенный "кукурузник", ничем специально не оборудованный. Все необходимое приходилось тащить с собой из больницы. Прибыл. У молодой роженицы наступила эклампсия — опасное для жизни состояние, сопровождающееся судорогами и целым рядом других отрицательных явлений. Такую больную потерять — проще простого. В поселковой больнице помочь ей было невозможно. Принял решение везти в область. Лету там — минут сорок. Но, во-первых, самолет не поезд, а во-вторых, и эклампсия не насморк. Тем не менее на искусственном дыхании, под мощным медикаментозным прикрытием больную благополучно доставили. Роды у нее были сложные, послеродовое лечение — длительное. Но в итоге и мать, и родившегося мальчика выписали здоровыми.

Помнится еще случай с малышом. Тетка мой, Олежка, трех лет от роду, перенесла шесть (!) клинических смертей. У него был энцефалит — вирусное воспаление мозга. Это заболевание у детей обычно возникает на фоне банальной простуды. Вот и Олежка поступил в городскую больницу с высокой температурой и кашлем. Там начали традиционное при простудах лечение. Состояние ребенка ухудшилось, он потерял сознание, температура оставалась высокой, появились судороги, нарушения дыхания, и его перевели к нам, в реанимацию. Эту кроху положили под капельницу, кололи мощные дозы антибиотиков, но нарушения дыхания прогрессировали, и пришлось подключить аппарат. Оснащение наших областных больниц и сегодня-то оставляет желать лучшего, а тогда, в семьдесят пятую году, было и вовсе — прости Господи. Но все, чем располагали, мы использовали. У мальчика начало останавливаться сердце. Шесть раз останавливалось, шесть раз запускали. Был момент, когда мы почти отчаялись, но и его преодолели. Так тут ведь мало того, что приходится сердце "заводить", есть еще такое понятие, как мозговая реанимация. Мы боялись, что, восстановив сердце и легкие, потеряли мозг. Все-таки шесть клинических смертей — это и для взрослого перебор, а уж для младенца — нечего и говорить. Но природа не только на пакости способна, иногда она и подарки делает. Вот и с Олежкой нам повезло: мозг не пострадал. Сейчас ему двадцать пять лет, здоров, женат, отец двух здоровых детей...

Как же! Жди от природы подарков! На Бога одна надежда: сколь попотеешь, столь и поимеешь. Не знаю, бьет ли Олег поклоны всевышнему за свое выздоровление, а вот земляка своего,

тезку и спасителя, когда тот приезжает в отпуск к родителям, встречает как отца родного.

В СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМ году Олег Харьковой поступил в Москве в аспирантуру при лаборатории, которую возглавлял академик Неговский. Сегодня это институт общей реаниматологии. Работал в реанимации Боткинской больницы — старейшей реанимации в стране. Дело приходилось иметь с очень тяжелыми больными. Довелось тогда молодому врачу принять участие в уникальной акции. Оживили больного после двухчасовой клинической смерти. Применили все что могли: и искусственное дыхание, и прямой массаж сердца... Восстановили кровообращение, привели в сознание. Академик Неговский потом в Соединенных Штатах делал доклад об этом случае. Всех там потряс. Тогда это был первый успех после столь длительной клинической смерти.

На мой вопрос, как он ступил на военную стезю, Олег Александрович ответил:

— Еще более случайно, чем при выборе медицины вообще. В начале восьмидесят второго года в наш институт обратились за помощью из военного госпиталя. У них лежал очень тяжелый больной. После того, как мы там поработали, меня пригласили прочесть лекцию. А потом предложили надеть погоны и занять место в строю. С одной стороны, во мне тогда еще романтики было хоть отбавляй, а система МВД представлялась весьма подходящей сферой приложения сил, а с другой — пришла уже пора и в материально-бытовом смысле обустроиваться. Словом, в тридцать два года я решил стать военным. Правда, несколько позже, вникнув в суть системы, я понял, что нормальные люди в таком возрасте в армию не идут, а порой, наоборот, уходят из нее. Тем не менее вот уже одиннадцатый год служу и ни восторга, ни серьезных разочарований по этому поводу не испытываю. Работа как работа...

Хочу вставить слово по поводу самоиронии Олега Александровича. Так называемые нормальные люди при ближайшем рассмотрении нередко оказываются куда более ненормальными, чем их визави. Помните, у Высоцкого в песне "Чужая колея":

*Отказа нет в еде-питье
В уютной этой колее —
И я живо себя убедил:
Не один я в нее угодил,
Так держать — колесо в колесе! —
И доеду туда, куда все.*

Почему-то сплошь и рядом конформизм воспринимается как норма. А на того, кто не такой, как все, сразу навешивается ярлык — "белая ворона". И если человек сделал какой-то непривычный ход, глупый, с точки зрения обывателя, глядя ему в спину, крутят пальцем у виска. Высоцкий, кстати, и это подметил: "И начал спорить с колеей ПО ГЛУПОСТИ...". А дальше:

*Он в споре сжег запас до дна
тепла души —
И полетели клапана и вкладыши.
Но покорежил он края —
И шире стала колея.*

Да, сегодня это непопулярно — жечь запас тепла души ради того, чтобы показать выход другим, чтобы не отводить глаз при взгляде в зеркало. И если один связал свою жизнь с армией, когда десять других из нее побежали, так это еще не значит, что глупость сделал он, а не беглецы. Большинство далеко не всегда право. Да и не большинство те десятеро, ведь тысячи-то остались в строю.

Вот и Олег Александрович в этом строю с 1982 года. А с 87-го начались его командировки в места экстремальных ситуаций. Когда страна додемократизировалась до анархии и беззакония, до междоусобиц и гражданских войн, он объехал все горячие точки. Но началось все с вылета в Гардубани под Тбилиси, где потерпел крушение воинский эшелон. Много солдат погибло, получило тяжелые ранения... Впрочем, об этом случае лучше расскажет участник событий, коллега Олега Александровича Евгений Петрович Гордеев:

— Целую ночь мы колесили по округе в поисках пострадавших солдат. Их с места катастрофы развезли по разным населенным пунктам, где были хоть какие-то больницы. Многие из них нуждались в медпомощи такого уровня, какой невозможно было обеспечить в сельской больнице. Следовательно, требовалась эвакуация. Но чтобы эвакуировать, надо сначала найти, опираясь как на точные сведения, так и на слухи. И в том, что нам это удалось, огромная заслуга Харькового. А каково было везти самолетом тяжелых, с повреждениями позвоночника и другими увечьями?! По просьбе Олега Александровича в тбилисской воинской части сколотили из досок щиты. Их мы уложили поперек салона самолета и на них разместили раненых. А сами всю дорогу от одного бойца к другому перемещались ползком на четвереньках вдоль бортов. То укол надо сделать, то капельницу поставить, то просто словом подбодрить... Вот и ползали. Тут надо отметить смелость Харькового как врача: ведь он взял в самолет и таких по-

страдавших, которых страшно было даже с места стронуть. Взял и довез!

Что касается его личной отваги в бою, то об этом я могу судить лишь по рассказам других. Мне с ним под пули попадать не доводилось, хотя знаю, что он и в таких передрягах побывал и не спасовал. Но это и не дело врача — в атаку ходить. По международным Женевским конвенциям медикам даже оружие иметь не положено. Если доктору приходится брать в руки автомат, это означает, что строевые офицеры и солдаты не справились со своей задачей. А мужество врача заключается в смелости принимаемых им решений, в оправданной смелости. Ничтоже сумняшеся хвататься за скальпель, когда в этом нет необходимости, или пичкать больного не тем, в чем он нуждается, — это не смелость, а головотяпство, а то и преступление. Харьковского отличает и способность взять на себя ответственность в ситуациях очень неординарных. Там, под Гардабани, в одной из сельских больниц мы нашли нашего солдата лежащим на голом матрасе, без белья, в глухом полумраке и на собачьем холоде. Ему нужно было катетеризировать магистральную вену, а у него даже капельница не стояла. Олег Александрович первым делом пропунктировал подключичную вену. В темноте на это далеко не каждый решится. Но парень-то загибался, брошенный на произвол судьбы. Влили ему все что полагалось, подняли давление, сердце к нормальному бою привели. Всю ночь от него не отходили. К утру мальчишка у нас был как огурчик!..

В ТЕЧЕНИЕ ШЕСТИ ЛЕТ полковник Харьковской возглавлял отделение неотложной помощи. За это время он и его сослуживцы доставили в госпиталь с разных концов страны больше 260 человек, больных и раненых, и ни одного не потеряли в пути.

— А каких приходилось возить! Вспомнишь — сам себе не веришь, что довез. — Олег Александрович качает головой. — Один Бурдинский чего стоил! Этот солдат был ранен в Махачкале при нападении бандитов на судебный караул. Сложнейшее ранение брюшной полости. Повреждены печень, двенадцатиперстная кишка, поджелудочная железа, нижняя полая вена, контужена почка. Дагестанские врачи многое для него сделали, но при операции пропустили, не ушили в одном месте двенадцатиперстную кишку. Когда мы за парнем прилетели, после той операции прошло чуть больше суток. Беда в том, что уровень оснащения отделения неотложной помощи далек от необходимого. Мы чувствовали бы себя намного увереннее и риск свели бы до минимума, если бы у нас был современный аппарат искусственного дыхания, с баллоном, с

автономным питанием, но мы располагали лишь примитивным устройством, приводящимся в действие вручную. А имея я портативный электрокардиоскоп, подключил бы его к пострадавшему и в любую секунду знал бы, как ведет себя его сердце. Но, увы, нет у нас этого "буржуазного излишества". С одним же фонендоскопом не много наврачуешь. Попробуй через него что-либо услышать, когда друг до друга-то не докричишься сквозь грохот самолетных двигателей. Ну и что было делать? Оставить мальчишку в Махачкале? Я мог поступить и так. И никто бы меня не осудил. И мне, и коллегам было ясно, что надежды довезти парня до Москвы гораздо меньше, чем шансов потерять его в пути. Однако возможности нашего госпиталя давали ему надежду на будущее, а откажись мы от транспортировки — и все, не было бы сейчас на белом свете Славки Бурдинского. Без преувеличения! Мы с нашим самолетом были для него единственным спасением. Которое, в тот же день парень уже лежал в госпитале. Потом его неоднократно оперировали. Только в реанимации он пролежал около сорока суток. От врачей и сестер потребовалось очень много сил, энергии, внимания, веры. Наш госпиталь вообще отличается атмосферой тепла и заботы по отношению как к больным, так и друг к другу. А те пациенты, с которыми долго возишься, в которых много вкладываешь, становятся почти родными. Вот и Вячеслава сообщая на ноги поставили. Кстати, ногу тоже пришлось лечить — и в нее пуля попала. Натерпелся хлопот!..

Притчей во языцех в госпитале стала еще одна история, достойная занесения в анналы медицины. И в ней главным действующим лицом опять же был Олег Александрович Харьковской.

В восемьдесят пятом году в Бабушерах утонул сын одного из войсковых офицеров. Его вытащили на берег, но под водой мальчик пробыл больше семи минут. Отдыхавшие в санатории врачи сумели восстановить парню дыхание, работу сердца, но в сознание привести его не удалось. Мальчишку увезли в районную больницу. В тот же день в Москве доктор Харьковской получил задание вылететь в Сухуми, разобраться на месте в сложившейся ситуации и принять необходимые меры.

Поздно ночью, шагая по пустым коридорам больницы, Олег Александрович поначалу был приятно удивлен обилием табличек на дверях, надписи на которых свидетельствовали об ученых степенях и научных званиях хозяев кабинетов. "Доктор наук...", "Кандидат наук...", "Профессор...". Правда, уже утром, после общения со "светилами", он глубоко разочаровался, убедив-

шись, что их, с позволения сказать, научный потенциал, а вернее — профессиональная инфантильность, если не убожество, не позволил бы принять их на работу в войсковой госпиталь даже в качестве фельдшеров. В ночной больнице Харьковского встретил анестезиолог. На табличке его кабинета значилась только фамилия с инициалами. Но это именно он сумел до приезда москвича обеспечить пострадавшему более-менее приличную гемодинамику, то есть работу сердца и так далее.

На следующий день, поимев “удовольствие”, беседы с местными эскулапами, Олег Александрович не испытывал никаких сомнений в том, что парнишку надо отсюда забирать. Но как? Чем везти? Поездом — долго. Самолетом? Позвольте напомнить, что в восемьдесят пятом году Кавказ еще был всесоюзной здравницей, а не братской могилой, и в разгар курортного сезона попасть на рейсовый самолет да еще с лежащим больным...

— ...мог только Олег.

Мой рассказ продолжает Андрей Андреевич Ткаченко, тоже доктор, тоже реаниматолог-анестезиолог:

— Да, это уму непостижимо. Но он сумел. В загруженном под завязку самолете, без аппаратуры, отбиваясь от любопытных, как от мух, доставил больного в Москву. И какого больного! Который в сознание пришел лишь через две недели пребывания в реанимации и оставался там столько, что побил все рекорды долгожития в реанимационном отделении. И по сроку зависимости от аппарата искусственного дыхания он тоже превзошел всех, кто когда-либо лежал в госпитале как до него, так и после.

Сколько бессонных ночей провел у постели этого мальчишки Олег! Да и не он один. А сколько с парнем занимались потом, когда уже угроза смерти миновала! Ведь в Бабушерах он нырнул в море четырнадцатилетним, а вынырнул на госпитальной койке младенцем. Семь, а то и больше минут без дыхания и кровообращения не прошли бесследно для мозга. Память сдала. Хлопца всему учили с нуля: ложку держать, говорить, шнурки завязывать, читать-писать — по полной программе, как маленького ребенка. Правда, процесс восстановления шел быстрее, чем обучение в детстве: все же дорожка у него уже была наезжена. Да и психологи поработали.

Сейчас парень абсолютно здоров, учится на втором курсе института. Это ли не бесспорное свидетельство мастерства врачей? И особенно — Харьковского. Конечно, Олег будет утверждать, что здесь заслуга не только его. И это действительно так: мальчишку выхаживали

всем миром. Однако то, что сделал Харьковской, кроме него, пожалуй, не сделал бы никто. Он от этого будет отнекиваться, но... Скромность, кстати, тоже не последнее проявление мастерства. Вам, наверное, его героем показать хочется, а он не герой, он чернорабочий. Что такое отделение неотложной помощи? С чем оно имеет дело? Кровь, грязь, вонь, пот, примитивное оснащение, бессонные ночи, сумасшедшие дни и молоток по голове стучащая мысль: “Успеть! Успеть! Успеть!”. Вот такая романтика. Сейчас Олег по праву возглавил реанимационное отделение. Но и здесь он остается ломовой лошадкой, да простится мне грубое сравнение. В реанимацию, как известно, попадают самые тяжелые больные, а Харьковскому достаются тяжелейшие из них. Увы, талант обязывает. Его талант не дает людям покинуть этот мир...

СЛУШАЯ РАССКАЗЫ товарищей Олега

Александровича, я все время ловил себя на мысли, что мучительно пытаюсь выудить откуда-то из подсознания образ, ассоциирующийся у меня с тем, что я узнал об этом человеке. И последние слова доктора Ткаченко сразу все прояснили. Однажды в альбоме с репродукциями фресок и картин я увидел такой сюжет: река забвения, у самого берега — лодка, в ней — Харон (лодочник, перевозящий души умерших в царство теней) с очередной своей добычей; Харон с усилием упирается веслом в камень на берегу, пытаясь оттолкнуть лодку, но ее за корму крепко держит человек, которого художник по контрасту с мрачными тонами картины написал светлыми красками. Так вот именно его образ не давал мне покоя, когда я думал о докторе Олеге Александровиче Харьковском, — образ противника самого Харона, последней силы, противостоящей смерти. Сравнение, может быть, отчасти высокопарно, но по сути, по-моему, верно.

А героем изображать Олега Александровича я и не намеревался. Просто хотел показать его таким, каким узнал. Его стараниями на белом свете задержалось немало людей, вспоминающих доктора Харьковского с благодарностью, которую трудно выразить словами. Эти люди от всей души желают своему спасителю самого главного — здоровья. А уж они-то знают, что в жизни дороже всего. И я вместе с ними хочу сказать: “Будьте здоровы, доктор!”

Подполковник **Б. БУЛГАКОВ.**
Фото автора.

На злобу дня

“НЕШТАТНАЯ” ШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — одна из горячих точек... После бурного митинга заведенная экстремистами толпа, вооружившись палками и камнями, смяла милицейский кордон и хлынула к зданию центрального органа власти. На ее пути живой стеной встали солдаты внутренних войск. Для охлаждения пыла агрессивно настроенных демонстрантов командир части решил применить спецсредства.

Увы, несколькими дымовыми шашками это далеко не карнавальное шествие остановить не удалось — комариный укус для слона. В тех местах, где на пару секунд появляется сизое облачко со слезоточивым газом, мятежники расступаются, короткие минуты топтания на месте, затем очередной “артиллерийский обстрел”, щитов — и толпа решается на отчаянный рывок, ломает боевые порядки подразделений, прорывает цепочку и, опьяненная легкой победой, захватывает “дворцовую” площадь...

Позднее, анализируя эту драматическую ситуацию, я задался непростым вопросом: почему, имея за плечами богатый опыт и солидную подготовку, войска все-таки не локализовали, не пресекли противозаконную акцию? Будучи подготовленными — оказались неготовыми! По меньшей мере странно, не правда ли? Ведь считаем себя асами, профессионалами в борьбе с экстремистами, чай, не новички: Сумгаит, Фергана, Нагорный Карабах, Северная Осетия — тому веское подтверждение.

Солдаты и офицеры не боялись ни града камней, ни пуль боевиков, не пасовали, даже будучи окруженными со всех сторон беснующимися молодчиками. Не дрогнули они и на этот раз, не отступили, держались до последнего шанса устоять.

Средства массовой информации, которые, естественно, не обошли своим вниманием действия внутренних войск, всячески пытались разложить по полочкам причины случившегося. Одни, защищая, с сожалением и удивлением говорили о том, что безоружных молодых ребят подставили под камни и металлические заточки боевиков. Другие, в очередной раз обливая грязью военных, обвиняли их в профессиональной непригодности и неспособности к отпору экстремистам. Сами же мы вывели математическим методом от противного обтекаемую формулу, окрестив ее “нештатной ситуацией”, тем самым как бы призна-

вая, что, мол, просто не знали, как иначе поступать в таких случаях.

ПРИЗНАЮСЬ, поначалу нашу неудачу в упомянутой ситуации я воспринял как следствие пробелов в боевой учебе, поэтому попытался извлечь уроки на будущее. Но вскоре понял: не так все просто. Оказывается (вот уж действительно открытие), что кроме профессиональной выучки немалую роль играют и морально-психологическая подготовка (концепция которой туманна), и научно обоснованная, опытом проверенная тактика, и, естественно, материально-техническое обеспечение.

Да и сама боевая подготовка в последние годы претерпела значительные изменения. Вспомните заезженный лозунг: “Учить солдата тому, что необходимо для выполнения служебно-боевых задач в мирное и военное время”. Он всегда воспринимался как аксиома: в директивных указаниях звучал настоятельный требованием, на местах служил непрерываемым ориентиром, дабы разбудить у каждого военнослужащего стремление “учиться военному делу настоящим образом”. Но если говорить начистоту, нередко организаторы боевой учебы не совсем ясно представляли, а что же все-таки нужно солдату и каких жертв от него потребует служба в экстремальных условиях. Да и кто мог спрогнозировать эти условия? Казалось бы, четкое разграничение на “мирное” и “военное” время и определяло характер задач. Война — дело понятное, агрессор посягает на Отечество, и все берут в руки оружие. А в мирное время? Войсковая цепочка в парадной форме? Очень впечатляет... Но, с другой стороны, никто и не предполагал, что придется когда-нибудь стрелять на городских улицах. Поэтому как-то подсознательно считали, что оселком, на котором проверяется профессиональная подготовка, является итоговая проверка за период обучения. Несколько позже пришлось держать иные экзамены на служебную зрелость — горячие точки межнациональных конфликтов огнем и безвозвратными потерями проверяли, чему и как мы учим наших солдат.

Организуя специальную подготовку, мы никогда не пытались бездумно использовать клише общевойсковой тактики, следовательно, ни на каких занятиях не рассматривали вопросы обороны зданий, ведения уличного боя. Учили иному. Применяя силу против бесчинствующих групп в населенных

пунктах, прибегали к более гуманным методам: локализации очага массовых беспорядков, изъятию зачинщиков, "грозному, воздействию на толпу постукиванием резиновых палок по щитам-витражам и в крайнем случае — применению спецсредств. Вот и вся наша немудреная методика, проверенная практикой еще на энной стадии развитого социализма, когда мы надеялись, что лишь намеки на применение силы заставит сознательных, законопослушных граждан мирно разойтись, и в то же время опасались, что любой взмах резиновой палки наши идеологические оппоненты расценят как нарушение демократии, прав человека. Поэтому и действия были робкими, с оглядкой на зарубеж и общественное мнение. Не случайно в горячих точках бывшего Союза (особенно на первых порах) войска зачастую попадали в ситуации, когда отсутствие универсальной методики не только не способствовало успеху, а, напротив, провоцировало правонарушителей к активным контрмерам.

А действительно ли ситуация столь непредсказуема, а мы беспомощны перед ними? Отнюдь нет, на мой взгляд. Прелюдией физической сшибки всегда является противостояние: по одну сторону — войсковой наряд, лицом к нему — группа манифестантов, положение и типично, и универсально. Эту классическую схему приходилось наблюдать при любых массовых беспорядках, независимо от настроения людей и целей, ими движущих. Как правило, характерны и другие общие признаки: степень агрессивности или готовность к диалогу, наличие оружия или иных средств для оказания активного сопротивления. Имея необходимые исходные данные и обладая апробированной методикой, можно и должно прогнозировать развитие последующих событий, по принципу шахматной комбинации просчитать все ходы вперед, как свои, так и чужие.

Заметил: молодые лейтенанты, уверенно действующие в стреляющих регионах под огнем боевиков, оказавшись в отрыве от основных сил подразделения в условиях горада, испытывают трудности в принятии решения, управлении подчиненными, организации связи и взаимодействия с другими группами. В училище этому учат мало, да и с опытом негусто. Вот и теряются. Естественно, если перед ними поставить "глобальную" задачу вовремя покрасить бордюрный камень и вывезти мусор с закрепленной территории — у них не возникнет нужды в совершенствовании своих знаний. Другое дело — реальная боевая обстановка.

В прошлом году, возвратившись к месту постоянной дислокации после шестимесячной спецкомандировки в Северную Осетию, офицеры резко изменили свое отношение к занятиям на боевой технике. Улавливаете? Значит, все-таки убедились, что там, в бою, без глубоких знаний и практических навыков действительно не обойтись, это не училищный зачет: сдал — не сдал. Тут о жизнях человеческих речь.

И если придется управлять бэтээром или стрелять из бортового оружия, а умения не достанет — до гробовой доски каяться будешь, коли сам уцелеешь, что солдат не сберег.

Или вот еще проблема: командирская подготовка. Ведь что получается: два командира батальона, один с академическим образованием, другой — с училищным. Но оба постигают военную науку в одной группе, из года в год размещают на карте и местности "мостострелковый батальон в обороне". Естественно, комбат, который "академик" не кончал, профессионально растет. Зато другой, коему в пору готовить себя на вышестоящую должность, со временем забывает, чему учили в академии, то бишь больше теряет, нежели приобретает. Подобная уравниловка в системе подготовки, к сожалению, ориентирована не на "академиков", а на середнячков, учившихся "понемногу, чему-нибудь и как-нибудь".

Сколько себя помню на службе, ежегодно директивно провозглашалось, что основной вид учебы — самостоятельная работа. Отчасти это, может, и верно, ежели тесно увязать профессиональное мастерство с продвижением по службе, а сейчас — и с возможностью заключения контракта. Но поскольку такое единство зыбко, а само положение о контрактной службе временно и пока малопривлекательно для офицеров, то и самостоятельная учеба есть не что иное, как попытка снять с себя головную боль за качество командирской подготовки подчиненных. С одной стороны, вроде как бы и занимаются люди, а с другой — переливают из пустого в порожнее. В лучшем случае.

Ну ладно. Предположим, решил я сейчас самостоятельно подучиться. Что мне для этого нужно? Как минимум, чтобы все офицеры штаба занимались со мной параллельно или, на худой конец, не мешали мне: не подходили с вопросами подчиненные, не вызывали с рапортами начальники. В нынешних условиях, когда с великими потугами пытаемся наладить плановую работу, — это по меньшей мере нереально. И потому, откладывая в сторону конспекты, мы успокаиваем себя классическим оправданием: "Жизнь не остановишь. Зато уж в следующий раз...". А что в следующий раз? Если мне, офицеру управления соединения, не выкроить времени на личную подготовку, каково комбатам и ротным, у коих тоже забот полон рот?

Кстати, мы предложили "верхам" санкционировать ежегодное аттестование офицеров по основным дисциплинам — определить конкретные нормативы по возрастным категориям и постараться не свести его к обыденной итоговой проверке, где достаточно не ударить в грязь лицом. К нашему мнению не прислушались. Думаю, напрасно.

И ВСЕ-ТАКИ с офицерами проще. Куда сложнее с рядовыми бойцами. Последний солдат осеннего призыва поступит в части только в середине марта. Кто возьмется объяснить этому молодому человеку, которому еще

предстоит надеть военную форму и который пока еще постигает азы рыночных отношений на гражданке, что уже с первого марта, как того требуют руководящие документы, он должен быть готов к выполнению задач в составе подразделения? А таких мы получим почти треть от списочного состава! И в апреле — очередное увольнение и новый призыв. До качества ли тут боевой подготовки?

Деорганизует учебный процесс и большой некомплект офицерского состава. Особо это ощущается в учебной части, выпускающей командиров отделений и водителей: взводы по количеству личного состава роты догоняют. Попробуйте разместить всех на трех учебных автомобилях. Вопросы: сколько часов практического вождения они смогут «накатать», и специалисты какого класса сядут за руль боевых машин?

Естественно, наши сетования на объективные трудности никто в расчет принимать не будет. И нигде мы не денемся от конкретной работы по совершенствованию индивидуальной подготовки военнослужащих, от отработки тактики действий в составе подразделений. Стара истина: поле — академия солдата, следуем ей неукоснительно. Проводим полевые выходы всех частей, где изучаем тактику действий в условиях отрыва от пунктов постоянной дислокации. Но все ли удается нам даже в таких идеальных условиях?

Нынешний план подготовки войск в сравнении с предыдущими организационно-методическими указаниями — новаторский, но и он мало что дает безынициативным руководителям, привыкшим слепо выполнять директивные указания, ибо требования «в организации учебного процесса использовать опыт действий личного состава при поддержании режима чрезвычайного положения», «занятия проводить в условиях, приближенных к реальным», — для них пустой звук. А вся «реальная обстановка», по их мнению, заключается в том, чтобы облачить солдат в надлежащие доспехи и вывести на плац. Поэтому-то и приходится нередко наблюдать занятие, которое и по содержанию, и по настрою максимально приближено к предвоенному лозунгу: «Воевать на территории неприятеля и малой кровью». Солдаты идут цепочкой, палками машут, по щитам постукивают. Дают вводную: толпа применила камни. Отлично — мигом соорудили сплошную линию, прикрывшись щитами. И все получается так гладко и красиво, любо-дорого смотреть. Офицеры научились четко команды подавать, солдаты — быстро выполнять их. С тем и встретили нештатную ситуацию, о которой поведал выше. И оказались бессильными перед вооруженными экстремистами.

Какие же действия могли остановить толпу, двигавшуюся к «дворцовой» площади? — такой вопрос я задавал себе неоднократно. Пулеметы на флангах войсковой цепочки, танки в скверике? Наверное, да. Но упаси нас Боже от этого. Действия против зачинщиков массовых беспорядков должны быть высокопрофессиональны и гуман-

ны. Побывав в горячих точках, уяснив бессмысленность братоубийственной войны, мы начинаем понимать истинную ценность человеческой жизни. И напрасно в свое время армяне и азербайджанцы, а сейчас ингуши и осетины ломали и ломают головы над вопросом: за кого мы, за тех или за этих? Мы между опьяненными националистической злобой людьми, которые вцепились в глотку друг другу.

Да, мы гуманисты. И порой, даже димея надежное оружие в руках, сами страдаем чаще, нежели те, кто поливает нас свинцом, не обременяя себя никакими гуманными соображениями. Кто-то ошибочно расценивает это как слабость служивых и ничтоже сумняшеся провоцирует новые акции против войсковых нарядов. Но гуманизм — проявление не слабости, а силы. Другой вопрос: как из многотысячной толпы выделить людей, сознательно идущих на столкновение, и оказать им адекватное противодействие, не причинив вреда случайным прохожим и зевакам? Давно пора оснастить войска технически, чтобы воздействовать на толпу на расстоянии, фиксировать ее реакцию и предвидеть дальнейшее развитие событий. Самый лучший бой для внутренних войск — это тот, которого удалось избежать. Наверное, поэтому силы, применяемые против зачинщиков массовых беспорядков в западных странах, располагают высокочувствительными психологами, дипломатами, умеющими разговаривать с людьми, убеждать. Глядишь, кто-то и одумается, любопытные разойдутся, не желая воевать с правоохранительными органами. Ну а для непримиримых найдутся более убедительные аргументы, типа «банановой шелухи», химических веществ, электрических и акустических устройств. А что имели мы? Предвижу возражение: не до журу, нам ли равняться на капиталистов? Ладно. Но ту же «черемуху», водометы мы в состоянии были использовать!

Да вот беда, все специальные подразделения вместо того, чтобы организовать инженерное и химическое обеспечение, ведение разведки, находились в боевых порядках мотострелков и выполняли несвойственные им функции. Что это, показатель их непрофессионализма или неумения офицеров использовать подчиненных по назначению? Возможно. Но главная причина до банальности проста: не хватает личного состава. А если всем подряд выдавать специальные гранаты со световым и звуковым эффектом, толку тоже немного будет. Тут уж точно неприятностей не миновать.

И вот мы опять в спецкомандировке в горячей точке. Подразделение на бронетранспортерах заблокировано на перекрестке. Прямо на нас движется толпа: впереди — женщины с детьми, следом — группа до зубов вооруженных боевиков.

Опять «нештатная, ситуация?».

Полковник В. НАУМЕНКО,
начальник отделения
боевой подготовки соединения.

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

*Наш корреспондент
подполковник
Александр УШАР
беседует
с известным
тележурналистом
Владимиром
МОЛЧАНОВЫМ*

ВСЕ МЫ – “СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ”...

– Владимир, у вас давний и довольно прочный имидж независимого журналиста. Долгое время вы независимо (но предвзято) относились к деятельности МВД в целом и внутренних войск в частности. Теперь же независимо (но с явной симпатией) неожиданно поведали об их миссии всему народу – я имею в виду “Скованных одной цепью”. Чем вызвана такая метаморфоза в ваших независимых взглядах на зависимые от многих факторов войска?

– Категорически с вами не согласен, что доселе предвзято относился к МВД и внутренним войскам. Вы, вероятно, исходите из того, что за те семь лет, на протяжении которых я вел передачу “До и после полуночи”, мы не показали ни одного сюжета на армейскую тему, кроме небольшой беседы с отставным генералом года четыре тому назад. И еще, пожалуй, был короткий рассказ о российском ОМОНе – он только-только сформировался и, естественно, вызвал своим появлением общественный интерес – мог ли я пройти мимо? А досужее и в корне ошибочное мнение о моем неприятии Вооруженных Сил, видимо, родилось в кулуарах Генштаба в ту пору, когда я вел информационную программу “Время”. В день вывода последних частей Советской Армии из Афганистана я начал ее такими словами: “Добрый вечер! С праздником вас – война окончилась...”. Как на духу: был искренен и никакой иронии в эту фразу не вложил, посему абсолютно невиновен в том, что кое-кто истолковал ее превратно, нацепив на меня совершенно чужой ярлык.

– Вы говорите: за семь лет – практически ничего о людях служивых. Что ж, молчание тоже бывает красноречивым, и каждый понимает его по-своему. Возможно, были и такие, кто полагал (пусть заблуждаясь, не спорю): коли Молчанов упорно не замечает огромную часть нашего общества – Вооруженные Силы, значит, не любит их, не ценит. Другие, в ряду которых, признаюсь, находился и я, считали: войсковые, армейские будни вам попросту неинтересны, скучны, как, допустим, меня мало привлекают проблемы кролиководства.

– Поверьте, Александр, здесь нет никакой социальной и политической подоплеки: в ночное шоу, на мой взгляд, никак не вписыва-

ются серьезные армейские темы. Со-гласитесь, поздним субботним вечером измотанные, уставшие за неделю люди удобно располагаются у телеэкранов, дабы отдохнуть, посмотреть и услышать что-нибудь легкое, развлекательное. А я взял бы и шарахнул по ним той же набившей оскомину проблемой неуставщины.

— А почему же тогда вы решили высказаться именно сейчас, а не после событий в Фергане, Баку, Нагорном Карабахе? Был какой-то субъективный толчок, побудивший к этому шагу?

— Пожалуй, да. Работая ведущим программы "Время" и утренних новостей, был убежден, что самая страшная из всех тем — межнациональные отношения (так я думаю и сегодня). И как-то даже обжегся на турках-месхетинцах.

— То есть?

— Ну пришла ко мне делегация турок-месхетинцев, попросила снять сюжет об их бедственном положении. Я дипломатично отказал. Тогда они обратились к председателю Гостелерадио: поспособствуйте и распорядитесь, пусть де Молчанов расскажет о нас всю правду. Тот заверил их: "Хорошо, хорошо, непременно снимет", а мне позвонил и предупредил: "Не вздумай сделать!". Три месяца я уходил из "Останкино" подземными переходами, разве что не гримировался. И все же... Короче, подготовил небольшой кусочек, показал его, и первая же реакция буквально потрясла меня — из Тбилиси пришла телеграмма в лучшем стиле стукачества советских времен от выдающегося кинорежиссера Тенгиза Абуладзе, автора знаменитого антисталинского "Покаяния": "В ЦК КПСС, копия — в газету "Правда". Какое право имеет Молчанов, сидя перед телекамерой, раздавать исконно грузинские земли?".

Я был в шоке и зарекся когда-либо вообще касаться вопросов, имеющих мало-мальски национальный оттенок. Тем паче что их действительно невероятно сложно анализировать: настолько все запутано и завуалировано, поди разберись, кто прав, кто виноват.

— И все же судьба привела вас на землю, израненную взрывами межнациональных отношений, уж извините за клишированную эмоциональность фразы.

— Я не нарушил обета и задался единственной целью — рассказать о войсках. И только. Знаете, в какой-то момент я вдруг отчетливо понял, что именно внутренние войска остались, возможно, последней организованной силой, которая способна уберечь нацию от гражданской войны.

— Как-то уж обтекаемо, Владимир: "в какой-то момент", и "вдруг"?

Наверняка с вами случилось нечто неординарное, личное? Беда?

— Личное? Да нет, пожалуй, беда — общая, одна на всех. Просто каждый по-разному и далеко не сразу осознает меру своей ответственности за происходящие вокруг события, необходимость вмешаться. Не делом, так словом, кадром. Это может прийти постепенно или неожиданно, словно озарение. Кстати, понять — еще не значит облегчить свою участь и тяжелую ношу соотечественников, балансирующих на краю пропасти. И не буду кривить душой: внутренние войска не избавили меня от неприятностей, а страну — от трагедии. Все равно война произошла. И все равно я не верю официальной цифре погибших в черные октябрьские дни 93-го, как, впрочем, и тому, что за девять лет мы потеряли в Афганистане немногим больше 13 тысяч человек. Генерал Громов авторитетно заявил, что только за 1992 год в стране (речь шла об СССР) погибло в национальных конфликтах 250 тысяч человек. Представляете, на войне за девять лет — 13 тысяч, а у нас в междоусобицах — 250 тысяч за год! В голове не укладывается.

— По-моему, мы несколько отклонились от темы.

— Да-да, вы правы. Так вот, повторюсь, внутренние войска не уберегли нас от катастрофы. Но если бы не они, последствия могли бы стать куда более страшными, необратимыми. Это однозначно.

— Владимир, вы оценили работу над телепрограммой "Скованные одной цепью", как очередной спуск на дно жизни. Серьез или ради красного словца?

— Откуда вы черпаете информацию? Честное слово, не припомню такого высказывания!

— Об этом поведала пресса. Ох уж эти журналисты!

— Либо передернули, либо неправильно интерпретировали мою мысль. Видите ли, я сравнил съемки телепрограммы со спуском в шахту, ибо ранее самой дорогой для меня работой был фильм "Забой", которым я и простился с государственным телевидением. Контраст — разительнейший: после изысканно оформленной студии, светских бесед с князьями, баронами и иной элитарной публикой моя группа спустилась в шахту, дабы показать всем, в каких нечеловеческих условиях прозябают люди, от тяжелого труда которых в колоссальной степени зависит экономика страны, поведать о том, что как были они рабами до революции, так рабами и остались.

"Скованные одной цепью", — новое приобщение к ужасу, в котором мы повседневно и привычно находимся и истоки которого должны ясно осознавать,

так как внутренние войска — не обособленная структура, не государство в государстве, а неотъемлемый компонент нашего с вами бытия. И даже не компонент — комплекс.

— А приступая к съемкам, вы не опасались, что командование, естественно, заинтересованное в повышении престижа службы во внутренних войсках (чем черт не шутит?), покажет вам потемкинские деревни и ненавязчиво направит видеооко, скажем так, в нужную нам сторону?

— Ничуть. Генерал-полковник Анатолий Куликов, командующий внутренними войсками, прекрасно понимал, что я снимаю только голую правду и обмануть меня довольно трудно. На счастье, его, как и нас, не устраивала лубочная картинка. Ведь при желании командование могло ангажировать любого профессионального тележурналиста, допустим, из бывшей передачи «Служу Советскому Союзу!», и нынешней — «Аты-баты...», предложить свой сценарий, сделать рекламную конфетку не хуже, чем у ОЛБИ: «Послужи немножечко во внутренних войсках. Сделай это сегодня!». Конечно же, соглашаясь сотрудничать со мной, ваше руководство рисковало, заведомо зная, что в итоге никакой пропаганды и героики не будет. И это делает ему честь, как и то, что никто не попытался показать съемочной группе потемкинские деревни. Нас можно обвести вокруг пальца, объясняя устройство атомного реактора, но уж в жизни-то повидали немало и липу чуем за километр. Кое-какой журналистский опыт имеется.

— Однако не военный же, ведь вы не служили в армии?

— Это абсолютно неважно. Когда приезжаешь в офицерское общежитие, общаешься с его обитателями, армейская подготовка не нужна. Только слепой не увидит убогости их существования, только глухой не услышит, какой болью и безысходностью проникнуты монологи офицеровских жен.

— С интересом посмотрев вашу авторскую программу, к слову, честную, высокоэмоциональную и публицистичную, я, к своему сожалению, так и не уяснил, что же больше всего потрясло вас, когда вы столкнулись вплотную с откровенно суровыми буднями военнослужащих?

— Многое. Особенно — образ мышления и психологический настрой людей. Очень трудно, присягнув на верность одной стране — СССР, отстаивать интересы, по сути, другого государства, ежеминутно рискуя жизнью. Скольких из них миновали пули-дуры и осколки гранат? Единицы. Жестоких шрамов на теле почти каждого спецназовца, контузий — не счесть. И практически невозможно уяснить до конца: ради чего они делают свою работу?

Раньше — да, было проще: сверхдержава, единственно верная идеология, непогрешимая и прогрессивная, в реальности — дружба народов, равенство и братство, в перспективе — коммунизм с немыслимыми благами. А теперь? Любый лавочник, торгующий водкой, получает в несколько раз больше командира «Витязя», полковника Лысюка. Но психологию лавочника я понимаю: набить мощну, улучшить свою жизнь бытово. А психология спецназовцев — загадка. Они стоят стеной — простите за избитый штамп — между враждующими народами, нередко чуждыми им и по укладу жизни, и по идеалам, и по традициям. Причина — приказ, цель — не позволить бывшим соседям перебить и искалечить друг друга на поле брани. Итог — ранения и смерти миротворцев в погонах, получающих автоматные очереди и гранатные обстрелы с обеих сторон. За гроши. Без жилья для семей. Вдали от жен, детей и родителей. Не зная ни сна ни отдыха. Хулимые местными властями и забытые центром. Ради чего?

— Неужто теперь, Владимир, вы нашли ответ на этот непростой вопрос?

— Увы, нет. Есть, разумеется, среди ребят, как, впрочем, и в любом деле, фанаты. Но их можно по пальцам пересчитать. А остальные? Кто его знает, может, от безысходности и идут под пули?

— Вряд ли. От безысходности чаще сводят счеты с жизнью, а не сражаются — в буквальном смысле — за жизни совершенно незнакомых людей.

— Пожалуй. Но я здорово беспокоюсь за их будущее. Попробуйте возразить: самое страшное в боевой сшибке встретиться лицом к лицу со своим другом, сослуживцем. Пусть врашним, уволившимся (мало ли объективных причин для этого?) из войск, но боевым товарищем. Представляете, спецназ или ОМОН блокирует и обезвреживает бандитскую группировку, а в ней — бывшие «братишки», рискующие ныне примерно столько же, но получающие в 20–30 раз больше?!

— Добро бы лицом к лицу, а то ведь стволом к стволу! И у тех, и у других пальцы на спусковых крючках и приказ: в случае необходимости — огонь на поражение. Выход?

— Только один: нужны профессиональные и высокооплачиваемые войска, силы правопорядка, армия. Плюс мелкое сито при отборе людей. Не при больших, а при громадных заработках есть смысл подставлять грудь под пулю за туманные цели (ей-Богу, кошунственную: какой смысл в смерти?!). Хотя бы за уверенность, коли иного не дано, что в лучшем случае тот же «витязь», обес печит и себя, и детей, и внуков своих

на годы вперед, а в худшем — заботу о его семье возьмет на себя государство, за малопонятные интересы которого он, не приведи Господь, сложил голову.

— Притча во языцех. Едва ли не в каждом номере журнала мы пишем об этом, а воз и ныне там. Во рту слаще не стало. Зато все задаются вопросом: ради чего? Перефразируя слова известного поэта «умом Россию не понять», скажем так: и защитников России умом понять немислимо. А что откровенно не понравилось вам в войсках, Владимир?

— Гражданскому человеку вообще мало что может понравиться во внутренних войсках. Не в этом суть, возмутило отношение власти к людям военным. Если бы не этот внутренний протест, я бы не стал выносить на суд общественности «Скованных одной цепью». Те, кто посылает на смерть людей, обязаны денно и ночно думать об их элементарных нуждах, создавать человеческие, а не, прошу прощения, скотские условия существования.

— Тогда закономерен такой вопрос. Само собой разумеется, что журналист, поднимая острую проблему и привлекая к ней общественное внимание, рассчитывает не на сиюминутный резонанс, так называемый шумовой эффект. Он стремится помочь людям. Конкретным и конкретно. А чем полезна ваша работа именно внутренним войскам?

— Мне кажется, что такие исповеди из уст солдат, офицеров, их жен впервые столь открыто и без купюр прозвучали перед громадной аудиторией. А по каким критериям оценивать полезность правды? Не знаю. В одном был уверен изначально, еще до съемок: наверняка потеряю часть своих поклонников, зато приобрету немало настоящих друзей, верных и надежных. Так, в принципе, и произошло. Многие мои знакомые испытывали состояние, близкое к шоку.

Конечно, легко рассказывать, допустим, о ракетчиках и пограничниках. И выгодно, и эффектно: и те и другие в ореоле славы и любви народной. Внутренние войска особыми почестями и уважением публики не избалованы, ибо ассоциировались они у нас всегда в первую очередь со сталинскими «вертухаями». Вы не поверите, но мало кто представлял, что спецназ вообще имеет какое-то отношение ко внутренним войскам. И потому не случайно некоторых фильм здорово напугал. Напугал, когда они осознали, какие парни брошены властью на произвол судьбы. Черт его знает, что им придет в голову завтра?

— Но вы же не задавались целью напугать публику?

— Безусловно. Хотелось показать людей и не солгать.

— И все-таки повторюсь: что выиграли войска после выхода телепрограммы в эфир?

— Увы, Александр, понятия не имею, видели ли фильм те, кому он напрямую адресован. Если раньше я точно знал, что мои программы смотрели Шеварднадзе, Лигачев, Яковлев и другие — их помощники звонили и высказывали позитивные или негативные мнения шэфов, то сегодня никакой обратной связи нет. Министр внутренних дел, надеюсь, в курсе — мне сообщили, что совсем недавно некоторым офицерам, проходящим службу на Северном Кавказе, выделили квартиры (правда, я не связываю это с телепрограммой, возможно, совпадение). Но видел ли Президент, члены правительства?

Во всяком случае после «Забоя», шахтеры не стали жить лучше. Благодарил, разумеется, за откровенность, искренность. Но ныне их положение ухудшилось.

— Стало быть, вы и не питали иллюзий, что сумеете поднять уровень жизни военнослужащих войск?

— Это наивное заблуждение свойственно лишь начинающим журналистам. Любопытный факт: будучи в командировке в Голландии, я показал примерно часовой кусочек из программы в Лейденском университете. Собралось немало зрителей, но в зале стояла мертвая тишина.

— Что ж тут удивительного?

— Обычно голландская публика, довольно эмоциональная и активная, на редкость бурно обсуждает увиденное и услышанное, мало беспокоясь о том, мешает это действу или нет. Главное — побыстрее поделиться мнением с коллегами, выразить свою позицию. А здесь зал безмолвствовал, пораженный невероятным для них зрелищем. Они и представить себе не могли, что элитные части существуют и более того — профессионально совершенствуются в подобных условиях. Очередной русский феномен, российское чудо!

Не скрою, очень бы хотелось, чтобы сильные мира сего нашли возможность поближе познакомиться с жизнью внутренних войск. Не просто посмотреть на показательные занятия, получить в подарок краповый берет и уехать, пребывая в уверенности, что в войсках — порядок. Много ли увидишь с высокой трибуны или с командного пункта?! Только обший фон.

— Вы и без меня прекрасно знаете, что критика неоднозначно оценила новую авторскую программу Молчанова. Увы, немало нашлось и желающих бросить камень в ваш огород. Среди последних, к примеру, Владимир Бондаренко, назвавший вас в «Литературной России» проповедником наемнической морали и едва ли не угодником правительственных

структур, конъюнктурщиком, адвокатом гвардейцев-мясников».

— Да?!

— Да.

— Не в обиду Бондаренко будет сказано (немало слышал о нем), к сожалению (или к счастью?), его критических статей о своей программе я не читал. И не хочу: меня это мало задевает. Лет десять назад я воспринимал все иначе. Привык, что ли?

Критик — не творец. Анализируя произведение, он пишет о том, что желал бы увидеть сам, да не может создать — не умеет, не хочет или боится. Стоит ли на него обижаться? Мне запомнилась другая рецензия, в «Экране и сцене». Называлась она «Без царя в голове»...

— Это вы-то?

— Нет, слава Богу, речь шла о властях, но, признаюсь, лишь после третьего прочтения до меня дошло, что автор публикации — мой сторонник. А от этого элитарного, интеллигентного издания трудно дожидаться доброго слова. И все же похвалили. Значит, было за что... Так как вы там говорите: Молчанов — проповедник наемнической морали?

— Не я — Бондаренко.

— Это, по-моему, явная глупость. Я не стану тратить свои силы и время читателей журнала на контраргументы. Скажу одно: в ночь с 3 на 4 октября мне довелось снимать арест газеты «День», последнего пристанища Бондаренко. Немало нашлось доброхотов различного толка из толпы, пожелавших разнести там все в пух и прах, сровнять редакцию с землей. И если бы те же Проханов и Бондаренко находились на рабочих местах, а сил правопорядка с их «наемнической моралью», поблизости не оказалось, я не уверен, что нам посчастливилось бы почитать еще какие-либо статьи за подписью господина Бондаренко. Пусть радуется, ведь благодаря этим «наемникам», он и имеет ныне возможность излагать свои мысли в печати. Даже путая грешное с праведным.

Без внутренних войск ни одно цивилизованное государство не обойдется. Мрачное пророчество, но мне кажется, что в недалеком будущем они станут нам еще нужнее, нежели сейчас.

— Тем не менее, Владимир, в последние годы, увы, нередко военнослужащих войск, рискующих жизнью, примитивно и подло предавали власти предержавные, используя в качестве мальчишек для битвы или громоотвода, оправдывая таким образом свои политические просчеты или бездействие.

— Такова уж их незавидная доля. Первое проявление нестабильности, слабости руководства — поиски козлов отпущения в «низах», среди исполнителей

его воли. Закономерность. Сначала путчисты или мятежники обязательно идут громить телевидение. Не Кремль, не дачи правительственных чиновников, а телевидение.

— Раньше вроде бы брали банки, телеграфы, разводили мосты...

— Телевещания не было, на которое можно свалить все. Следующие на очереди — вы. Здесь мы с вами скованы одной цепью, коллеги по несчастью. Любая заварушка, в которую втягивают войска, оборачивается для них общественным презрением, а для командования — крутыми оргмерами. Проверено практикой. Таков их тяжкий крест, а сетовать и роптать бесполезно и бессмысленно. «Охота на ведьм», создание образа врага — и отдушина, и палочка-выручалочка, и элемент политической стратегии многих сменивших друг друга лидеров России.

— Я не люблю аналогий и сравнений с зарубежными государствами, но бывает, что и без них не обойтись. Вы не хуже меня знаете, что на американский или австрийский спецназ даже при самых тяжелых обстоятельствах не обрушивается гнев народный. Эти люди просто выполняют свою работу, свой долг, приказ, наконец.

— Их посылает на жаркое и рискованное дело президент. С него и спрос. У нас же истинных ответственных отыскать не просто. Крайних находят сразу — и по шапке! А подлинных виновников — нет. Неужто войска сами, по своей инициативе рванули на Кавказ? Пострелять скуки ради? Или, может, командиру отряда «Витязь», ни с того ни с сего пришло в голову прокатиться в Останкино, чтобы толпа не превратила телецентр в руины? До тех пор, пока элитные части — спецназ — не получат статус президентской гвардии, их будут бутузить и пинать все, кому не лень, от заводской многотиражки до «Литературной России», от лифтера до министра.

— Владимир, усилиями отдельных деятелей от журналистики и литературы в обществе сложилось впечатление, что военные, мягко говоря, люди недалекие, серые, с низкими интеллектуальными способностями и никудышным духовным потенциалом. Привычно охают «знатоки»: то ли дело, мол, в прежние времена, дореволюционные. У вас не возникло такого ощущения, когда вы общались с нашими военнослужащими? Что вы думаете об офицерах войск?

— Они, безусловно, интересные, но очень уставшие (и есть от чего) люди, правда, немного закомплексованные. Среди так называемой творческой интеллигенции и охавателей армии, как вы говорите, серых и малокультурных индивидов больше, нежели в офицерском корпусе войск. Я не утверждаю,

что все военнослужащие без исключения, с которыми познакомился, чрезвычайно гармонично развитые люди, высокообразованные и просвещенные, но совершенно не ощущал никакой полусы отчуждения. Рассказы о невежестве современного российского офицера — досужие сплетни, не имеющие под собой никаких оснований.

— А почему же наши дети, молодежь упорно героизируют лишь западных армейских суперменов типа Рэмбо? Ведь это социально-психологический феномен! Раньше хоть у Чапая играли... Реальные герои у нас есть, а их художественных образов, абстрактных идеалов нет?!

— А где хорошее отечественное кино? Почему Рэмбо — идеал супермена для российского парня? Потому что красиво снят фильм. Герой и силен, и обаятелен, и умен. Это — искусство. Я тут вечером в День милиции посмотрел по телевизору наш доморощенный двухсерийный якобы детектив, приуроченный к празднику. Худшей рекламы не придумаешь. Ничего, кроме презрения к работе правоохранительных органов, безнадежности и тоски, картина не вызывает. Убожество. А какие образы офицеров и солдат нередко подсовывают зрительской аудитории наши уважаемые режиссеры? Диву даешься! Хотя на фактическом материале того же спецназа внутренних войск можно делать эффектистские боевики, глубоко патристичные, с широким воспитательным диапазоном. Но художественное кино не по моей части.

— А жаль.

— Каждому свое.

— Любопытно, как бы вы охарактеризовали моральное состояние военнослужащих войск: со стороны, говорят, виднее?

— Безусловно, как минорное. Но сегодня это нормально. Я сам по натуре пессимист и считаю, что оптимистом в теперешние времена может быть человек недоразвитый. Полнейший идиотизм: видеть то, что тебя окружает, сознавать, что в ближайшее время позитивные перемены маловероятны, и безудержно радоваться. Стало быть, моральное состояние войск ничем не отличается от настроения всего народа. И депрессия лишь усиливается от непредсказуемости развития событий в стране. Кто даст гарантию, что завтра российский спецназ не бросят на усмирные российские шахтерсы?

— Насколько мне известно, ваши телепередачи нередко приносят вам неприятности на житейско-бытовом уровне: от мелкопакостных проколов шин автомобиля до неприкрытых угроз. А чем обернулись "Скованные одной цепью"?

— Слава Богу, ничего серьезного не произошло. Конечно же, пришло огромное количество писем с совершенно полярными точками зрения: одни ругают меня, называя сообщником бандитов, другие благодарят за правду о жизни "несчастных людей", намеренно цитирую, именно так и пишут — "несчастных людей".

— Владимир, возможно, вам неприятно будет узнать, но многие офицеры тоже испытывали и горечь обиды, и недоумение, и разочарование после просмотра фильма, которого долго ждали. Почему в кадре только спецназ, элитные части? Это еще не все войска. Основная масса несет службу в невероятно сложных условиях малоцивилизованной глубинки. Правду, жесткую и неприглядную, об их непростой, но крайне необходимой работе мало кто знает. О жгучих проблемах в открытую говорят редко. И ваша программа вопреки ожиданиям не стала приятным исключением. Не хотелось бы вам восполнить существующий пробел новой творческой удачей и рассказать о "конвойе", не столь блестящей и гордой, как спецназ?

— Упреки справедливы. Но вряд ли реально показать сразу весь самый сложный войсковой механизм. Я, к слову, очень много снял из того, о чем вы говорите: проехался с караулом в спецвагоне, побывал в конвойных подразделениях, в зонах. Но поскольку сценарий сел писать 2 октября, то уже следующий день внес свои коррективы в мою работу. Потому и решил заострить внимание зрителей именно на тех силах, в компетенции которых обеспечение общественной безопасности. Логика жизни подсказала, что актуально сегодня, а что потерпит до лучших времен.

— Надеюсь, отснятые пленки не залежатся на стеллажах, не покроются толстым слоем пыли?

— Ну что вы, я обязательно вернусь к ним позднее.

— Ну и традиционный вопрос: что бы вы пожелали военнослужащим внутренних войск — вашим новым друзьям и поклонникам?

— Эти люди надолго вошли в мою жизнь, обогатили ее. Хочется снова и снова встречаться с ними, общаться. А что пожелать? Выжить! Выдержать, перенести этот кошмар. И главное — чтобы их дети жили не так, как живут они сами, вы или я!

— Спасибо большое.

Рынок и мы

“АФГАНЕЦ” НА ВОЛНАХ ПРИВАТИЗАЦИИ

Акции, ваучеры, дивиденды — эти термины властно вторглись в жизнь россиян.

Проблемы приватизации волнуют и военнослужащих наших войск, имеющих равное право с гражданами России на получение собственности. Но как это право полнее реализовать? Кто наиболее способен защитить людей в погонах в сложный период перехода к рыночным отношениям?

Одним из таких гарантов называет себя фонд «Афганец» Ассоциации ветеранов-интернационалистов органов внутренних дел и внутренних войск.

Эта ассоциация была образована в 1992 г. Ровно через год она выступила инициатором создания, а затем и учредителем специализированного чекового инвестиционного фонда «Афганец».

О том, что представляет собой этот фонд и в целом российская приватизационная «кухня», рассказывает член совета директоров, вице-президент инвестиционной компании «Прайм Рейт», управляющий фондом Андрей Александрович КОРЕПИН.

Ассоциация ветеранов-интернационалистов органов внутренних дел и внутренних войск, имеющая статус Всероссийской общественной организации, была образована с целью социальной защиты семей погибших воинов-интернационалистов, проходивших службу в органах МВД и внутренних войсках. Для большей эффективности ее деятельности и был учрежден чековый инвестиционный фонд.

«Афганец» является единственным фондом в России, который проводит

операции с приватизационными чеками только сотрудников и военнослужащих МВД.

В первой половине 1993 г. ассоциация заключила договор с инвестиционной компанией «Прайм Рейт», и стала управляющей фондом. После того как «Афганец» получил статус фонда социальной защиты и государственную лицензию на операции с ценными бумагами, мы начали свою активную коммерческую деятельность.

Открытая подписка на наши акции ведется с мая 1993 г. За это время фондом размещено свыше двух миллионов акций, собрано более 200 тысяч приватизационных чеков. Активную часть портфеля ценных бумаг мы формируем из высоколиквидных акций промышленных и торговых предприятий, которые будут обращаться на рынке и пользоваться спросом инвесторов. К этой категории относятся приобретенные фондом акции: в Москве — ЦУМа, магазинов «Русский каравай», и «Центр-ювелир»; в Санкт-Петербурге — завода «Красный выборжец», (переработка цветных металлов) и гостиницы «Советская»; в Республике Коми — предприятия «Коминетфть» и «Тэбукнефть».

Другая статья доходов, на которые мы рассчитываем в ближайшие годы, — это приобретение фондом акций промышленных предприятий: «Акрихина» (производство лекарственных препаратов) в Московской области, Сафоновского электромашиностроительного завода в Смоленской области, «Трубостали», масложиркомбината в Санкт-Петербурге...

К категории высокодоходных и ликвидных можно отнести акции коммерческих банков. Дивиденды по акциям большинства из них выплачиваются ежеквартально, уровень доходности колеблется в диапазоне 130—200 процентов годовых. Торговля акциями на фондовом рынке на данный момент носит наиболее активный характер. Поэтому фонд предполагает в ближайшее время наряду с приобретением акций про-

мысленных предприятий вложить денежные средства в акции банков Кредит-Москва, Уникомбанк и Тверьуниверсалбанк.

На что может рассчитывать наш акционер в ближайшее время? Скажу прямо — не на многое. За столь короткий период существования фонда было бы навивно сразу ждать от нас каких-то больших дивидендов. Дело в том, что по современному законодательству все чековые инвестиционные фонды работают в очень узких рамках. Достаточно заглянуть в проспект эмиссии любого из них. Мы не исключение. Конечно, клиенты заинтересованы получить дивиденды сейчас, немедленно, поквартально. Мы тоже в этом заинтересованы, но откуда их взять? Пока мы видим следующие

ПУТИ ПОЛУЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ

Вложение в предприятия

В нынешних условиях ждать «навара» от предприятий абсурдно. Даже те из них, которые вроде бы и не прогорают, все равно находятся в крайне тяжелом положении. Они убыточны, так как их основные фонды практически изношены.

О чем ныне думает руководитель конкретного предприятия? В первую очередь о своем производстве и уж, разумеется, не о выплате дивидендов. Значительные средства из своей прибыли он, естественно, пустит на перевооружение производства, а постоянно растущая инфляция заставит его, и вновь за счет прибыли, поддерживать достаточно высокий уровень заработной платы своих работников. Поэтому надеяться на данный, в идеале основной источник чековых инвестиционных фондов нереально.

Биржевая деятельность

Другой источник прибыли — работа непосредственно на бирже. Она подразумевает активные операции, арбитражные сделки с ценными бумагами. Приватизационные чеки таковыми и являются, с той лишь разницей, что срок их действия ограничен. Поэтому ими торгуют сейчас очень интенсивно, ведь чеки предприятиям нужны. Отсюда и постоянное увеличение стоимости ваучеров, дающее шанс различным инвестиционным фондам сделать выгодные вложения.

Однако в биржевой деятельности имеются свои противоречия и серьезные недостатки. Причина тому — слаборазвитость первичного биржевого рынка. Бирж в России великое множество, но из них эффективно работают лишь единицы. В основном это биржи в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Объемы операций остальных ни-

чтожно малы. Чтобы в такой обстановке получить даже невысокую прибыль, необходимо вывернуться и приложить максимум усилий. К слову, и вторичный фондовый рынок по своему состоянию ненамного отличается от первичного.

КОЕ-ЧТО О ФОНДАХ

Что в таком случае делают другие фонды? Крупные, калибра Первый ваучерный или «Альфа Капитал», поступают очень просто — вбрасывают необходимое количество ваучеров в интересующий их объект и добиваются получения контрольного пакета акций. И даже если у них нет времени провести разносторонний анализ своих приобретений, банкротство им не грозит. Благодаря контрольному пакету они могут вносить существенные коррективы в политику этого предприятия — менять руководство, тактику и стратегию производства, объявить, наконец, само предприятие банкротом. Крупные фонды и здесь будут в выигрыше, так как недвижимость стоит очень дорого. И можно будет не удивляться, если в один прекрасный момент они объявят себя самыми крупными владельцами недвижимости в мире. Уже сейчас Первый ваучерный по числу акционеров может превзойти любую компанию типа «Форд», «Крайслер», а это мировые монстры.

Для того, чтобы заниматься приватизацией в крупном масштабе, необходимо иметь деньги. Заработать их сегодня, в общем-то, не так уж и сложно. Для этой цели, например, тот или иной фонд может использовать рекламную информацию о быстрых выплатах солидных дивидендов вкладчикам акций. Люди доверчиво клюют на подобную наживку, не догадываясь, что это не что иное, как чистой воды рекламный трюк. Вспомните рекламу фонда «Нефть-Алмаз-Инвест», который гарантировал своим акционерам 750 процентов годовых. На поверку же оказалось (об этом, кстати, писала газета «Коммерсантъ»), что на обещанные годовые могут рассчитывать только 12 учредителей этого фонда. Вот и весь фокус. Но не они были первыми. Подобным образом отличился вначале «Гермес-Союз», затем «Экспер-Инвест». Поэтому даже если какой-то фонд и выплачивает на первых порах обещанные дивиденды — это плод нечистой игры. Что в дальнейшем произойдет с подобными фондами, предположить пока трудно, но мы уже убедились: те, кто широко и много обещают, как правило, делают это с определенным умыслом и не держат своих слов.

«АФГАНЕЦ»

«Афганец» в этом отношении поступает честно. Мы на свои возможности смотрим трезво и никому ничего сверхъестественного не обещаем. У

О ПРИВАТИЗАЦИИ

нас нет огромных финансовых возможностей, и потому каждому нашему вложению сопутствует скрупулезный анализ. Наши представители ездят по всей России, встречаются с руководителями интересующих нас организаций, и только после снятия всех вопросов принимается решение о денежном вкладе. Обещаний типа: "Дайте нам ваши приватизационные чеки, а мы за счет вложения их в предприятия, добывающие нефть, газ, драгметаллы, сделаем ваучеры бриллиантовыми," — мы не делали и не сделаем.

Да, нефти, золота, алмазов в России много, да, это сырье стоит дорого, да, оно идет на экспорт и приносит прибыль. Вот только себестоимость этих самых ископаемых огромна. У нас в стране зачастую добывается только верхний слой полезных ископаемых, а достать их из глубины, где месторождения побогаче, не всегда удается. Нужны более совершенная техника и технология. А главное — средства. Но не приватизационные чеки, а деньги. Одно дело — чек, дающий право стать собственником, и совсем иное — финансы, приводящие весь механизм производства в движение. Только после этого предприятие может рассчитывать на доходы, а вкладчик — на дивиденды.

В конце прошлого года с легкой руки еженедельника "Аргументы и факты", мы столкнулись с антирекламой. Это популярное издание сообщило своим читателям о ряде чековых инвестиционных фондов, которые не представили вовремя свою отчетность на суд Госкомимущества и потому, по мнению редакции, они являются неблагонадежными, иными словами, нечистыми на руку. Среди прочих фигурировал и "Афганец".

Но слухи о нашей кончине были, мягко говоря, сильно преувеличены. Задержка с отчетностью произошла совсем по другой причине, чем указывали "АиФ". Дело в том, что в Госкомимущество представляется ряд документов, основным из которых является справка о чистых активах или отчет фонда о проделанной работе, выраженный в цифрах. Этот отчет-справка составляется только на основе баланса, который был нами сверстан в срок. Однако существовавшая с начала 1993 г. методика его составления, согласно Указу Президента Российской Федерации, была изменена. Нам пришлось все пересматривать и пересчитывать по новой методике, а на это ушло много времени, и потому "Афганец" несколько опоздал с отчетом. Чтобы пресечь порочащие нас слухи, мы настояли на проведении Госкомимуществом инспекционной проверки, которая однозначно признала деятельность нашего фонда успешной и соответствующей российскому законодательству.

Приватизация нашей стране необходима как воздух. Тем более что дело это довольно перспективное. Разгосударственные предприятия в руках конкретного хозяина заработают намного эффективнее. Да и создание рыночных отношений без частной собственности на средства производства — маниево-щина. Но посмотрите, в каких условиях проходит у нас эта самая приватизация! Простите за сравнение, мы, люди, которые профессионально этим занимаемся, походим порой на самоубийц, добровольно решившихся лечь на рельсы при виде мчащегося навстречу поезда.

Посмотрите, сколько вокруг проблем! Чего стоит хотя бы финансовая нестабильность, порождающая кризис неплатежей огромного ряда промышленно-экономических подразделений. С одной стороны, предприятие из этого звена банкрот, но с другой — и у него есть свои должники. В таких условиях банкроты вскоре будет подавляющее большинство, и рано или поздно их имущество пойдет с молотка. Не сладко придется и фондовому рынку.

У нас стало модой сравнивать отечественное с зарубежным. Так вот, если говорить о приватизации, то подобное сравнение просто невозможно. В России в соответствии с государственной программой действует три варианта приватизации. В ряде зарубежных стран этот вопрос рассматривается в комплексе и решается самыми нетривиальными путями. Всего же в мировой практике существует около 6 тысяч способов приватизации, где к каждому конкретному объекту можно найти совершенно индивидуальный подход. Там за ваучеры крупное, высокоэффективное предприятие не приобретишь, а у нас, к сожалению, можно, и очень даже дешево.

Как будет складываться наша деятельность, покажет будущее. Но мы настроены оптимистично. Сейчас в сравнении со своими конкурентами, специализированными фондами, "Афганец" находится в лучшем положении. И что самое главное — нам доверяют люди, а это ко многому обязывает. Конечно, проблем у нас не поубавится, но мы надеемся на понимание и поддержку как руководства МВД и внутренних войск, так и своих акционеров.

Записал В.АВСЕНЬЕВ,
специально для журнала
"На боевом посту".

Кто такой Михаил Андронов? Глядя на его фотографию, а тем более с ним общаясь, ответить иначе просто невозможно: конечно же, родной брат Сергея Михалкова, классика советской литературы, автора знаменитого "Дяди Степы" и Гимна Советского Союза. Андронов — это литературный псевдоним. Михаил Владимирович — член Союза писателей, тоже поэт, пусть и менее известный, чем его брат, но зато более "широкодиапазонный", как отмечал недавно один из критиков.

Кроме одного литературного псевдонима у него еще десять псевдонимов... разведчика — Николай Соколов, Цвейс, Швальбе, Сыч, Шарко, Виценхаммер, Дюпо, Люцендорф, Мюллер, Доннер. Всю войну провел он во вражеском тылу, действовал на нашей временно оккупированной территории, а также в Румынии, Венгрии, Швейцарии, Турции, Латвии, Польше, Германии. В переиздании его книги "В лабиринтах смертельного риска", вышедшей в издательстве "Художественная литература", будут еще его приключения во Франции и Бельгии, а также два десятка фотографий очевидцев и прямых участников тех далеких событий, что сделает эту повесть еще более достоверной и захватывающей.

Михаил Владимирович Михалков родился 28 декабря 1922 года в Москве. Закончив спецшколу НКВД, служил переводчиком в контрразведке. Судьба распорядилась так, что стал агентом-нелегалом. После войны работал в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота. С 50-х годов — в журналистике. Как поэт-песенник сотрудничал с композиторами Мурадели, Покрассом, Туликовым, Долуханяном, Листовым, Лепиным. Автор слов многих сюит, ораторий, кантат, нескольких книг поэзии и прозы.

С человеком интересной судьбы Михаилом Михалковым (Андроновым) по нашей просьбе беседует журналист Дмитрий КОРОЛЕВ.

Михаил МИХАЛКОВ (АНДРОНОВ):

"Я СТАЖИРОВАЛСЯ В ДИВИЗИИ СС"

— Михаил Владимирович, давайте начнем с самого волнующего момента в вашей биографии — возвращения на Родину. Зная характер зловещего Лаврентия Павловича, предположить можно всякое...

— Да уж, возвращение мое было нелегким. В феврале 45-го, перейдя к своим через линию фронта, я попал в Смерш 8-й гвардейской армии к генералу Виткову. Прибыл я из фашистской спецшколы города Познани с ценными оперативными сведениями. Был в таком состоянии после вживания в образ, что не мог... говорить по-русски. Вам трудно представить? Но это было так — настолько натурализовался. Только недели через две успокоился, психика реабилитировалась, стал общаться с генералом без переводчика. Помогло и то обстоятельство, что мой старший брат к тому времени уже написал Гимн Советского Союза (сам я, кстати, узнал об этом факте только в Смерше, от генерала Виткова).

А потом я улетел в Москву на госпроверку, причем в одном самолете с генералами Шкуро, Красновым и его внуком, майором немецкой армии — такие вот были попутчики. Для начала на Лубянке написал отчет. В конце концов — через несколько лет — меня наградили двумя орденами и семью медалями.

— «В конце концов», — это, видимо, то, о чем вспоминает Сергей Владимирович Михалков в книге «Я был советским писателем»: «По распоряжению Абакумова привезли с фронта на Лубянку моего младшего брата Михаила. Ему, прошедшему немецкие лагеря и организовавшему в лесах Латвии партизанскую группу, предьявляется обвинение в измене Родине...»

— Увы, это так. Около четырех лет пробыл я в «Лефортово», в одиночной камере, работая «по совместительству», переводчиком у Берии и Абакумова.

— А почему главного героя вашей военно-мемуарной повести зовут Николаем Соколовым?

— Это мой самый первый псевдоним, под ним меня знали в лагере советских военнопленных в Кировоградской области. В книге описана его — то есть моя — судьба с момента пленения до возвращения к своим.

В моей повести чередуются события очень разные. Николай Соколов выбирается из-под трупов расстрелянных в Кировограде евреев, в форме немецкого офицера он вместе с разведчиками-десантниками накануне Ясско-Кишиневской операции изымает ценности у румынской генеральши в городе Яссы, потом на закрытом рауте венгерского генералитета в Будапеште сидит за столом напротив Отто Скорцени, рядом с заместителем Геббельса Функом, далее — помолвка в Женеве с дочерью швейцарского миллионера, дерзкий побег из полевой жандармерии в Латвии и, наконец, капитаном танковой дивизии СС читает «своим» солдатам «Майн кампф», Гитлера и «XX век», Розенберга. Это может показаться невероятным, но все так и было в действительности.

— Я с большим удовольствием прочитал вашу книгу. В детстве у вас была бонна немка, благодаря которой вы хорошо знали немецкий язык. Потом — спецшкола НКВД, где языку тоже интенсивно обучали. И все же, могли лишь эти знания дать вам возможность безупречно сыграть роль командира танковой роты СС?

— Нет, конечно. Я ведь в спецшколе НКВД готовился лишь к охране государственной границы, а не к заброске во вражеский тыл. И языковая атмосфера в семье только основу заложила. Прекрасную «стажировку», я прошел в плену, когда работал в немецком госпитале в городе Александрия на Кировоградчине, а затем в Днепродзержинске, где старый и ленивый санитар Пауль позволял мне заходить в палаты высшего командного состава вермахта и войск СС. За полтора года я там очень многое познал: субординацию, диалекты и жаргон, воинский устав, немецкие анекдоты и карточные игры. Я слушал разговоры гитлеровцев о Германии, положении на фронтах...

— Все это, несомненно, помогло вам сыграть роль фольксдойче с Кавказа (по вашей легенде), когда после побега из госпиталя в форме немецкого солдата вы пробрались на север к фронту и, оказавшись в зоне немцев, преспокойно влились в состав штабной роты капитана Берша из танковой дивизии СС «Мертвая голова»...

— О, в этой роте я тоже «стажировался», полтора года! В результате подготовился так, что в 45-м в городе Лисса мне самому удалось возглавить танковую роту СС и меня не раскусил даже их генерал. Там у меня уже родилась другая легенда. Я стал Мюллером из Дюссельдорфа. Знал из газет, что этот город был полностью разбомблен американскими «летающими крепостями», и навести какие-либо справки обо мне было практически невозможно. Легенду я рассказал в госпитале в Салдусе, куда попал раненым после побега из тайной полевой жандармерии в Латвии. В мундире немецкого офицера был эвакуирован из Либавы в Кенигсберг на теплоходе «Герман Геринг». Далее — госпиталь города Польцин, где после излечения мне выдали чистые немецкие документы, с которыми я и приехал в город Лисса на должность командира танковой роты СС. Но через некоторое время, когда у меня начались проколы, исчез...

— Михаил Владимирович, вы были разведчиком, неизвестным Центру. Следовательно, вы сами себя «назначали», на должности, себе же и задания давали?

— Выходит, так. Когда, прорываясь из окружения в 41-м, я попал в плен, это было жестоко и трагично. Пытаясь вырваться к своим, я совершил несколько побегов из лагерей и пережил два расстрела. Остался жив и задумался: как быть мне, человеку, принявшему при-

сягу, но совершенно не подготовленно-му к работе в тылу врага? Я знал, что защита Отечества — самая святая и высокая истина. И, как сказал Достоевский, она постигается только муками и страданиями. И я страдал, мучился, унижался, но всегда верил, что мои жизненные силы помогут мне выстоять. И я верил в нашу победу. Решил стать разведчиком, потому что видел в этом хорошую возможность для борьбы с врагом. Я нашел свое место. Но я был слишком молод и неопытен, мне необходимо было узнать фашизм изнутри. Поэтому я решил попасть в команду, обслуживающую немецкий госпиталь. И придумал себе кличку Сыч.

— А в чем заключалась ваша разведдеятельность?

— В течение полутора лет пребывания в роте Берша я организовывал партизанские группировки, снабжал их оружием, активно слушал Совинформбюро, вел пропаганду среди населения, читал советские листовки. Все это было для меня хорошим экзаменом на чекистскую зрелость. А в Лиссе, когда я был капитаном, собирал сведения о моральном духе фашистских войск, о настроениях высшего командования, о вооружении, о немецких оборонительных линиях. Все это я полностью передал своим после перехода линии фронта.

При освобождении советской территории от оккупантов были созданы проверочные лагеря, чтобы узнать, кто и как жил под властью врага. Поэтому люди, которым я помогал, сообщали органам, что молодой солдат в немецкой форме спас их от фашистской казни, агитировал за Советскую власть, раздавал листовки, снабжал оружием. И кличка его была Сыч. Таким образом этот мой псевдоним стал известен всем особым отделам и оказался в Смерше у генерала Виткова.

— А когда вы решили написать книгу, как она прошла соответствующие инстанции?

— Над повестью я стал работать после смерти Сталина. Это мне посоветовали в архиве КГБ. Сказали, что книга будет полезной и с исторической, и с воспитательной точки зрения. Когда рукопись была готова, она прошла множество проверок в КГБ, даже после положительных рецензий таких признанных авторитетов, как Константин Симонов, Борис Полевой и Василий Ардаматский. Затем по их совету я начал печатать ее частями в периодике: журнале "Москва", в альманахах "Мужество", "Мир приключений", в газетах. И на этом этапе производились многочис-

ленные проверки и уточнения. Я даже обращался с письмом к Юрию Владимировичу Андропову. И в конце концов я получил официальный документ, разрешающий публикацию книги полностью. Главлит даже позволил вывоз рукописи за границу. Это произошло только в 1989 году.

Выходит, книга писалась почти сорок лет. Впрочем, над повестью этой я продолжаю работать. Что, спросите, заставляет меня возвращаться к давним событиям? Память...

— А когда, Михаил Владимирович, вы решили стать писателем?

— Вскоре после войны. Я не на шутку разболелся — сказались невероятное нервное и физическое напряжение, годы, проведенные в фашистском плену, а потом в бериевских застенках. В больнице начал записывать свои воспоминания, пробовал себя в поэзии. Как-то показал стихи своему знаменитому брату Сергею. Тот сказал: "Править тебя я не буду. Если это делать, сам писать ты не научишься. Пишешь ты пока слабо. Вот тебе мой совет — лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе. Начиная печататься на периферии..."

Я жил в разных городах — Пятигорске, Тамбове, Рязани, Ставрополе, там и печатался в разных изданиях. Но то были только пробы пера.

— А как появился псевдоним — Андронов?

— Опять же благодаря брату и его старшему сыну Андрею, которого в семье мы называли Андроном. Однажды Сергей шутливо сказал мне: "Почему ты так подписываешься — „Луговых"? Как будто вас много! Возьми лучшее псевдоним — "Андронов". Будешь тогда впереди Ираклия Андроникова!" На том и порешили. Под этим именем и вышли мои три сборника песен, три грампластинки, песни мои пели многие коллективы. Значит — понравились...

— Любителям военно-патриотической литературы известны сборники ваших стихов и песен — "Большая семья", "Война", "Трудовая заря", "Легендарный Брест", они выходили в издательствах "Советский писатель", "Современник", "Воениздат", "Московский рабочий". А как рождалась проза?

— Мне доводилось часто выступать с лекциями на военно-патриотические темы во многих гарнизонах. Везде я непременно знакомился с музеями боевой славы. В Бресте я побывал раньше, чем Константин Симонов и Сергей Смирнов. Увидел реликвии, найденные

в развалинах Брестской крепости. Командир тамошнего стрелкового корпуса генерал-полковник Вашурин доложил о них Георгию Константиновичу Жукову. Тот распорядился создать в крепости филиал Центрального музея Вооруженных Сил СССР. Великое спасибо маршалу за бережное отношение к памяти о наших славных воинах! А я написал две книги — стихов и прозы.

— Тема героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны особенно актуальна теперь, когда о событиях тех лет стали забывать, если не хуже — фальсифицировать и чернить нашу военную историю. А ведь тогда именно дружба народов великой страны помогла выстоять, победить. О той войне не стало ни фильмов, ни книг...

— Да, беспамятство — большой грех. Но меня война не отпускает. Недавно завершил книгу "Белоруссия партизанская". Знакомясь с архивными материалами, я был потрясен героизмом братского белорусского народа и трагизмом событий, которые ему пришлось пережить в годы оккупации, когда фашисты сжигали целые села, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей, когда на земле Беларуси погиб каждый четвертый (!) ее житель. О зверствах гитлеровцев свидетельствуют и найденные в архивах фотографии, ранее нигде не публиковавшиеся, — их невозможно смотреть без содрогания.

Заканчиваю еще одну книгу — о выдающемся русском адвокате, превосходном ораторе Федоре Никифоровиче Плевако. Еще в детские годы слышал это имя от отца, который по долгу своей юридической службы неоднократно встречался с Плевако. Мне посчастливилось отыскать архив Федора Никифоровича, который пропал у него в 1903 году. В книге будут разделы обо всех значительных судебных процессах, в которых он участвовал, переписка с выдающимися современниками, библиография, редкие фотографии.

— А поэзию не оставляете?

— Нет, что вы, как можно! Причем увлекся я совершенно новыми для себя темами: пишу большие циклы о... лошадях и собаках. Любовь к братьям нашим меньшим — тема вечная, а я стал замечать, что интерес к животным приобретает нынче какой-то оттенок моды, престижного хобби. Доброта к извечным друзьям человека, как их называют по праву, должна помогать воспитанию милосердия, и по большому счету.

Большая часть моей жизни прошла в суровое, подчас бесчеловечное время. Но я, как и миллионы моих соотечест-

венников, при любых обстоятельствах старался не потерять милосердия. Даже на войне — по отношению к врагу, обезоруженному, но еще минуту назад без тени сомнения убившему бы меня. Человек должен быть человеком!

— Но разве только это помогло вам вынести все испытания?

— Естественно, не только и не столько это. Помогли физическая подготовка, знание языка... А еще — природные качества, которые каждый человек, тем более военный, должен постоянно развивать: твердость характера, аналитический ум, интуиция, умение ориентироваться в обстановке, самообладание в самых критических, экстремальных ситуациях.

Изначально в человеке заложены добро и милосердие, поэтому, кроме выполнения своего солдатского долга, верности присяге, у меня был и моральный, нравственный долг перед людьми, которые нуждались в помощи, оказавшись в беде на оккупированной врагом территории. Я ставил себе задачи (как говорят, сам себе и командир, и начальник штаба), сам их и выполнял, как подсказывала совесть. С этим прошел через всю жизнь. Раньше служил Союзу, теперь, насколько хватит сил, буду служить России, ее замечательному, но, увы, многострадальному народу.

— Михаил Владимирович, к слову, как вы отнеслись к развалу СССР, к последующим реформам?

— Вопрос очень сложный, причем для каждого человека в нашей стране он глубоко личный. И каждый, в зависимости от возраста, уровня культуры, социального положения, национальности, судьбы отцов и дедов, ответит на него по-своему: историк — так, чекист — по-другому, репрессированный — совсем иначе.

Лично я считаю, что свобода и демократия — это те ценности, которые должны быть в любом обществе, в том числе и социалистическом. Человек должен иметь право, не рискуя собственной жизнью или общественным положением, высказать по любому вопросу собственное мнение — без оглядки на власть имущих.

Строй, который долгие годы был в нашей стране, именовался социалистическим, но не был гуманным (вспомните ГУЛАГ, несправедливости колхозного строительства). Но то, что было обречено изначально, погибло. И вот когда пала берлинская стена, в образовавшуюся брешь устремились многие страны и народы. В том числе — "наша", Прибалтика. Но, Боже мой, как же безудержно и безоглядно это дела-

лось! Можно вполне резонно спросить: позвольте, господа-товарищи, русские пятьдесят лет строили вам заводы, электростанции, в промышленности сложились определенные взаимоотношения. Когда Прибалтика "ушла", в мгновение ока у нас и у них разладились сотни предприятий. Кто виноват? Рабочий? Нет. Виноваты политики, для которых интересы народа — пустой звук. Впрочем, не только они...

Нецивилизованный развал СССР был на руку и тем, кто решил выловить рыбку в мутной воде коммерции. Да и ЦРУ, тратившее много лет миллионы долларов на подрывную работу, было, видимо, страшно довольное. Я постоянно вижу (работая в Центральном Доме литераторов) людей, которые разъезжают на шикарных иномарках, бросают в ресторане по 200 долларов за исполнение "цыганочки"... Откуда, спросите, у них такие деньги? Ответ прост — из нашего с вами кармана.

Основная масса россиян все глубже погружается в болото нищеты. Если в газетах наши мудрые экономисты, оценивая материальный уровень и прожиточный минимум людей в России, пишут, что "71 тыс. рублей — за гранью бедности, а 40 тыс. — нищета", то спрашивается: сколько же миллионов россиян за этой злойшей гранью? И все же я верю: со временем все нормализуется. Принята Конституция, состоялись выборы в Государственную Думу. Надеюсь, депутаты ее будут жить заботами России. Я верю: Россия обязательно возродится, ее духовность бессмертна. Родина наша была и будет великой. Поручкой тому — многострадальный, мужественный, добрый, умный, терпеливый и самоотверженный народ. В истории России были и более лихие годы. И всякий раз она крепла и возрождалась из пепла.

— "Пепел", считают сегодня многие, это вся советская история нашей страны. Вы придерживаетесь такого же мнения?

— Вы, боюсь, неправильно истолковали мои суждения о развале СССР, о некоторых моментах его истории. Дело в том, что коммунистическая идея и сам по себе коммунизм — не миф, не блеф и не идиллия. Это определенная духовность. Если бы это было не так, коммунизмом бы не бредили такие умы, как Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ульянов-Ленин. В коммунизм верили Сталин, Мао Цзедун, Хо Ши Мин. Верят Кастро и Ким Ир Сен. Можно назвать большое количество достаточно умных людей.

Когда в 50-е годы я публиковался в китайской прессе, был такой случай.

Однажды получил письмо от секретаря Политбюро китайской компартии: "Ваше стихотворение о Мао Цзедуне очень хорошее, мы хотим его у себя напечатать. Но вы называете товарища Мао солнцем, а мы в Китае убеждены: солнце одно — это Ленин... Поэтому мы очень просим переделать этот художественный образ и назвать товарища Мао как-то иначе... С коммунистическим приветом!... Вы понимаете, для китайцев солнце не их здравствующий лидер (что имело место у нас), а давно умерший революционер из далекой России. Это что-то да значит!

Ленин совершил социалистическую революцию, в стране была установлена власть трудящихся. Коммунистическая партия, которая изначально выражала интересы народа, получила огромную власть и стала руководить в стране всем и вся. Между тем Антанта, буржуазия, которые не были заинтересованы в торжестве "уравнительной" идеи, пошли на уничтожение Советской власти, точнее, попытались это сделать. Но у них ничего не вышло: рабочие и крестьяне, которым надоело быть рабами при царской власти, которым Ленин обещал мир, хлеб и землю, одержали убедительную победу — в лаптях против аэропланов и танков. Казалось бы, жить после этого и жить. Но... в России начался красный террор. Уничтожили огромное количество ни в чем не повинных людей. А ведь они могли плодотворно служить советскому строю!

Пропагандой была искусственно подорвана вера православного русского народа в Бога. Церковнослужителей расстреливали, храмы взрывали, драгоценности из храмов продавались за валюту, а вырученные средства оседали в карманах власти имущих. Это одна сторона медали. Другая: почему же верили в коммунизм многие великие люди? Ответ лежит на поверхности. Коммунизм сам по себе несет человечеству много положительного и важного. Это мечта практически всех поколений людей. Освобождая народ от рабства, коммунизм в конечном счете освобождает или, во всяком случае, должен освободить его от тоталитаризма.

Незыблемая дружба народов, провозглашение права на труд, на отдых и другие блага, бесплатное медицинское обслуживание и обеспечение жилплощадью — разве это не те ценности, о которых всегда мечтали люди и которые в капиталистическом мире были практически исключены? А у нас при сталинском режиме все это было, как говорится, из песни слова не выбросишь.

Но чудовищная ошибка Сталина состояла в том, что он строил справедли-

вое общество "советского коммунизма", на костях заключенных, многих честных, абсолютно невинных людей, а коммунизм Маркса исключал насилие.

— Вместе с тоталитарной системой рухнула, или почти рухнула, коммунистическая идея. Какое "вероучение", на ваш взгляд, должно занять ее место?

— Мне совершенно ясно: в коммунизм, в правильность этого учения искренне верили многие поколения советских людей. Когда умер Сталин и на XX съезде партии был обличен культ личности, многие партийные работники, в их числе секретари обкомов, кончали жизнь самоубийством. Раз они поступали так, то они не были просто чиновниками с партийными билетами в карманах. Значит, их вера в коммунизм и товарища Сталина была им дороже, чем собственная жизнь! А что говорить о миллионах простых людей, которые всю жизнь честно трудились или шли на смерть в годы войны с именем Сталина на устах? У коммунистической партии — я имею в виду рядовых коммунистов, а не Политбюро — было немало заслуг перед Родиной. И не дай Бог сегодня, когда коммунистическая идея у властей явно не в почете, отбирать ее насильно у тех, кто продолжает в нее искренне верить! Хватит нам разрушенных церквей, вместе с которыми рухнула высокая духовность большинства русского населения. История не должна повторяться, но она повторяется. Когда пожилым людям запрещают выходить на демонстрации, лишают их возможности смотреть фильмы, знакомые с юности, — разве это не то же самое?!

Но есть у меня претензии и к коммунистам. Я бы сказал им: строить стройте, но с искренним сердцем и чистыми руками, не допуская насилия человека над человеком.

И не надо допускать, чтобы неограниченная власть сконцентрировалась исключительно в одних руках. В истории уже были Нерон, Иван Грозный, Муссолини, Гитлер, Франко, Ленин, Сталин, Пиночет... К чему их беспрекословное единовластие приводило, мы уже знаем.

Возвращаясь же к вашему вопросу об идеологии, скажу, что имею в виду не только те или иные политические лозунги. Это понятие намного шире. Идеология — это, прежде всего, духовность. И, если хотите, бережное, раздумчивое отношение к нашему прошлому.

Вот сейчас нет как таковой политработы в войсках. Я могу засвидетельствовать: она цементировала наши вооруженные силы. Люди служили, что называется, не за страх, а за совесть.

Сейчас ничего подобного нет. Приезжаю как-то в воинскую часть. В казарме — ни одного сержанта, а на часах уже десять вечера, отбой. Спрашиваю дежурного: в чем дело? Он замялся. Оказалось, после вечерней проверки все сержанты как один — в "самоход", к подругам. А к шести утра они уже в своих кроватях. Вот такое понятие о дисциплине. Для нас же слова "присяга", "воинский долг", "боеготовность" не были пустым звуком.

Военнослужащие утратили все прежние ценностные ориентиры. Армия — в разброде. Ее просто растащили — и территориально, и материально, и духовно.

— Так где же выход?

— Выход, по-моему, есть. Вот говорят: в карете прошлого далеко не уедешь. Может, по большому счету это и так. Но я глубоко убежден — нам есть чему поучиться у предков. Долгие годы работая над поэмой "Слава русскому оружию" (уже написаны главы об Александре Невском, Дмитрии Донском, Минине и Пожарском, Суворове, Кутузове, Нахимове), я не переставал думать о высокой духовности, патриотизме, самоотверженности и выносливости, которыми издревле отличалось наше воинство. Изучая как-то исторические источники, столкнулся с таким интересным фактом. Однажды в гости к Александру II приехал Бисмарк. Тройка с бубенцами, на которой они зимой объезжали окрестности Санкт-Петербурга, налетела на крестьянский возок. В результате старик, упавший с высокого стога сена, сильно повредил руку. Морщится от боли, но не жалуется. "Ничего, барин, — говорит он царю, которого не узнал, — до свадьбы заживет. Ничего!". Слово это — "ничего", запомнилось Бисмарку. Вернувшись в Берлин, он выгравировал его на русском языке на своем золотом кольце и жезле. И, беседуя как-то со своими возможными преемниками, сказал, высоко подняв жезл над головой: "Заклиная вас не воевать с нацией, которая говорит слово "ничего"."

Под этим словом подразумевал великую самоотверженность и терпеливость русского человека. Эти важные качества и сыграли первостепенную роль в победе Красной Армии над врагом. И мы, русские люди, всегда должны помнить об этом. Должны, что называется, держать марку!

А что до сегодняшних трудностей — ничего, выдюжим!

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Вениамин Росин

ПОКА ДУША НЕ ОЧЕРСТВЕЛА...

Документальное повествование

1

Осенью тридцать второго года призвали меня в армию. И очутился я не в кавалерии, как ожидал и надеялся, а в конвойном киевском полку. Здание полк занимал старинное — бывшую крепость. Стены метровые, пушкой не прошибешь, окна узкие, стрельчатые, словно бойницы. По внутреннему распорядку, повседневному укладу мы ничем не отличались от других воинских частей. Только службу исполняли не совсем обычную: конвоировали подсудимых и осужденных.

Водили мы их пешком в основном из Лукьяновской тюрьмы по судам и обратно, но иной раз маршруты выпадали и подлиннее. В закрытых автомашинах — «черных воронках», — стали перевозить значительно позже. Сопровождали мы и эшелоны с осужденными в Карагандинские лагеря и на север. Велик и, казалось, неиссякаем был тот поток...

Свои обязанности выполняли, не вникая — как и за что, справедливо, нет ли осуждены те тысячи людей. Больше того: нам постоянно твердили, что зеки — враги советского общества, что они-де только и стремятся убежать, чтобы снова заняться преступными делами.

— Это мы с вами без документов не проживем, — заметил как-то ротный Краюхин. — А уголовнику и море по колено: умельцы живо сварганят липовое удостоверение, да такое, что от настоящего не отличишь. Народ они тертый, на ходу подметки режут. Ухо с ними держите остро и никаких поблажек!

Я слепо верил наставлениям. Какая там жалость, какие поблажки убийцам, громилам, ворам?! Большинство тех головорезов и внешностью выделялись: на руках и груди татуировки — якоря и русалки, орлы с широко распростертыми крылами, обнаженные женщины в самых фривольных позах и, конечно же, всевозможные надписи вроде «Кто не был, тот будет, кто был — не забудет...». Словом, то была отвратительная публика. Но один случай все во мне перевернул...

На железнодорожной станции Лукьяновка формировался состав из теплушек — товарных вагонов с зарешеченными оконцами. Отправляли очередной этап. В какой точно лагерь — за давностью лет и не вспомню. Но все шло как обычно. Из тюремного корпуса заключенных выводили в просторный двор, огражденный кирпичным

забором с колючей проволокой поверху. Здесь их усаживали на корточки по четверо в ряд.

Мы заняли свои места с винтовками наперевес. Внимательные, настороженные, готовые к любым неожиданностям. Когда число осужденных приблизилось к сотне, хмурый и озабоченный начальник конвоя старшина Фещенко твердым, не без оттенка угрозы голосом объявил:

— Предупреждаю, в пути следования выполнять правила движения. Не отставать, не растягиваться. Шаг вправо, шаг влево — конвой применит оружие без предупреждения. Понятно?

В ответ — угрюмое молчание.

— Вторично спрашиваю, — он повысил голос. — Всем понятно?

— Да чего уж там! — послышалось в ответ. — Известное дело.

— Раз так, тогда встать и за мной шагом марш!

Медленно отошли в стороны створки дубовых, окованных железом ворот, и заключенные, напряженно поглядывая по сторонам, тяжело зашаркали по булыжной мостовой.

На противоположной стороне улицы чернела горстка женщин с узелками и кошелками. Чуть ли не ежедневно уходили эшелоны в дальние лагеря, и родственники арестованных целыми днями терпеливо выжидали под стенами тюрьмы то мгновение, чтобы хоть издали увидеть близких. Едва распахивались ворота, они оживлялись и робко тянулись за нами.

Обычно меня ставили наблюдать за хвостом колонны. Роста я саженного, физиономия рябоватая, нос приплюснутый, словом — вид устрашающий, и мне было легче держать провожающих на положенном расстоянии. Вот и на этот раз они смотрели на меня сухими от горя глазами, протягивая узелки с передачами.

— Нет, нет! Не положено, не могу, — глухо бормотал я, пока не заметил непорядок в последнем ряду: приотсталла пожилая осужденная в ветхой залоснившейся стеганке и выцветшем сукон-

ном платке, завязанном по-деревенски узлом на голове.

— Подтянись! — прикрикнул я, но она с трудом тащилась в мужских разношенных ботинках, из которых выглядывали грязные портянки.

Бывало, ребята, поднаторевшие на службе, обругивали осужденных, заматывались прикладами, а то и тыкали кулаками под ребра. Дурные примеры заразительны. Постепенно ожесточалось и мое сердце.

— Подтянись! — повторно рявкнул я и хотел было подтолкнуть отставшую, но что-то до боли знакомое показалось в наклоне ее головы и сутуловатых плеч. Присмотрелся и обмер: да это же тетка Глаша, деревенская наша соседка!

Труженица она была каких поискать, вот только несчастья постоянно преследовали ее. Муж, ремонтируя сарай, сорвался с крыши и помер, оставив на ее руках троих ребятишек. Вскоре единственная их коровенка забрела в лесную чащобу, где ее растерзали волки...

Тетка Глаша одной из первых вступила в колхоз, работала в поле от зари до зари, но на трудодни выдавалось так мало, что она с детьми попросту нищенствовала.

«Что же она-то могла натворить?! Что?», — ломал я голову. Мелькнула мысль спросить у Фещенко: у него ведь формуляры на осужденных, где прописано, кого и в чем обвиняют. Но старшина, конечно, заподозрит, с чего это я внезапно заинтересовался человеком. А с этим у нас строго...

Мог ли я представить даже в кошмарном сне, что вот так поведу под конвоем тетю Глашу Курочуп, знавшую меня с пеленок?!

В ту минуту я больше всего опасался, что она узнает меня. Но, слабая, беспомощная, она брела, тупо уставясь в изгвозженный ногами пожелтевший наст. Ей не было и сорока, а со стороны посмотреть — старуха.

Впереди нее шагали две разбитые бабенки. Я велел им снять с Глаши котомку, а саму ее взять под руки. Вот и все, что я мог сделать для этой страдальницы.

Как и герой предлагаемой вашему вниманию повести, ее автор, капитан в отставке Вениамин Ефимович Росин, начинал службу во внутренних войсках в 1932 году. После окончания срочной до 61-го работал в уголовном розыске. В годы Великой Отечественной — старший инструктор боевой подготовки отряда истребителей танков (Южный фронт); командир саперной роты (Первый Прибалтийский). Награжден тремя орденами, многими медалями.

Он автор книг, выходивших в центральных и республиканских издательствах: «На войне и без войны», «Ночной обход», «Наследники Карацупы», «Н-ская застава», «Цена секунды», «Тревожная тишина», «Вылетаем на рассвете» и других. Член Союза писателей с 1958 года. Живет в Киеве. Фото 1948 года.

На станции увидел, как ее чуть ли не волоком затащили в теплушку. Выдержит ли она дальнюю трудную дорогу или так же тихо, незаметно умрет, как тихо и незаметно жила?

2

Несколько дней я не находил себе места. Хотел было написать домой, но отец, словно почувствовав беспокойство мое и тревогу, сам откликнулся письмом.

После обычных приветов и поклонов он сообщил, что дела в колхозе идут ни шатко ни валко, доходы, как и прежде, никудашные; что кто-то ночью стрелял в окно председателевой хаты. Тот остался невредим, но пострадала теща. До больницы не довезли. Под утро нагрянули уполномоченный ОГПУ на пароконной бричке и районное милицмейское начальство. Даже собаку-ищейку привезли. Половину села перетрясли, двоих забрали. Виноваты они или нет — не ведомо, только ни слуху о них, ни духу.

Дальше шло про тетку Глашу. Судили ее за расхищение колхозного имущества. Главным свидетелем был Гришка Поперека. Бригадиром он стал, лезет из шкуры вон, чтобы себя хоть как-то показать. Знает, что Курощупиха — голь перекатная, а приволок-таки Глашу на правление колхоза: видишь ли, не то два, не то три фунта колосков унесла в фартуке с поля.

Уборка давным-давно прошла, никому до оставшихся на стерне колосьев дела нет, а выходит — не тронь, пускай пропадут, сгниют, а собрать — ни-ни!

Конечно, работает народ через пень колоду, у многих на уме только одно: где бы чем поживиться. Жульа много развелось, но чтобы за кило колосьев в тюрьму законопатить?! Не по справедливости это!

Люди думали: пострадать хотят, ну, оштрафуют или еще какое наказание назначат, а ее, бедолагу, под августовский закон подвели*. И восемь — только подумать! — восемь годов впаяли.

Уже в самом конце отец писал, что все село Глашу жалеет. А ребятню ее сиротскую сердобольные люди по одному разобрали...

Я был вне себя. Ну и подлец Гришка Поперека! Вспомнил его — плюгавый, невзрачный, с заячьей губой, бегающими глазами.

В армию не взяли, вроде бы плоско-столие. Девчата, даже самые незавидные, встречаться с ним отказывались. Да какое там встречаться, стоять рядом

* Автор имеет в виду печально известный закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности", принятый 7 августа 1932 года (Прим. ред.).

с ним противно: дух изо рта тяжелый, тошнотворный. Говорят, болезнь такая имеется. Редкая, а вот к этому прилипла. Стало быть, верно — Бог шельму метит. Отроду Поперека никому добра не сделал. Вот и теперь нашел на ком отыграться — на вдове многодетной.

Да черт с ним, с этим гадом. Но вот почему Михаил Иванович Калинин, сам из крестьян, подписал такой нечеловеческий закон?

Неожиданно для себя я пришел к крамольной мысли, что не все из тех, кого мы охраняем, осуждены по справедливости. Но понимание происходящего пришло, конечно же, позже. Значительно позже...

3

Со всеми в нашей роте установились у меня добрые отношения, но подружился с одним Колей Чуприем: крестьянского роду-племени, силенкой не обижен, кося сажень в плечах, руку сожмет — пальцы немеют. По характеру — выдержанный, спокойный, говорит неторопливо, толково, веско. И всегда старается чем-то удружить. В общем, надежный хлопец. Уж не знаю, как и почему, но много служило у нас ребят с Украины. Едва лишь выдастся свободная минута, обязательно соберутся в кружок и поют. А если Чуприй присоединится — заслушаешься. Голос у него на редкость задушевный, мелодичный. Сколько лет миновало, сколько днепровской воды утекло, а помню его любимую песню:

Здравствуй, милая Маруся,
Здравствуй, цветик голубой!
Мы приехали обратно
С Красной Армии домой...

В ее бесхитростных куплетах слышалась и тоска по любимой дивчине, и тяга к родной хате. Невольно щемило сердце: ведь служить мне еще предстояло как медному котелку...

Начало тридцать третьего года. В расположении полка безлюдно. Все в разъездах, дальних и близких командировках. Наша третья рота занята службой в городе: доставляем подсудимых в суды.

Процессы начинались обычно утром, тянулись до вечера, а то и до глубокой ночи. Мне чаще всего доводилось бывать в здании облсуда.

До революции эта внушительная четырехэтажная махина рядом с памятником Богдану Хмельницкому именовалась присутственными местами. Тут находились губернское казначейство, старокиевский полицейский участок, разные административные учреждения. В годы Советской власти здесь разместились городское и областное управление рабоче-крестьянской милиции, архив, областной суд...

Когда я впервые переступил его порог, слушалось дело банды Чубура. Подсудимые — здоровенные лбы, не успевшие исхуять на тюремных харчах, понуро сидели за деревянным барьером. Мы не спускали с них глаз.

Долгое время банда наводила страх на киевские окраины — Соломенку, Шулявку. Чубур редко кого щадил, орудовал по принципу — мертвый не выдаст.

Взяли его поздним вечером в неказистом одноэтажном домишке на Керосинной улице. И в безвыходном положении бандиты отчаянно сопротивлялись: тяжело ранили сотрудника уголовного розыска, затем Чубур порешил двоих своих дружков, заикнувшихся о сдаче.

Бандиты пытались прорваться, но не вышло: одного убили наповал, других, в том числе и главаря, скрутили.

В те времена я еще не изучал юриспруденции, но, бывая в судах, приобрел кое-какой опыт и мог довольно точно определить, кому и что грозит за содеянное. По всему выходило, что Чубур и еще двое тянут на «вышку». Четвертого же — барыгу — скупщика краденого, а заодно и содержателя притона — ждало, похоже, лет восемь — десять отсидки. «Столько же, сколько и тетке Глаше Курощуп», — содрогнулся я вдруг от внезапно пришедшей мысли. Но делиться ею не решился даже с Чуприем. Подобные разговоры у нас считались «трибунальскими», то есть влекущими за собой военный трибунал, где оправдательных приговоров не выносили...

За высокими готическими окнами, как и обычно зимой, быстро темнело. Объявили перерыв для судебного совещания. Зал заметно опустел. Я осмотрелся. Адвокат, держа на коленях объемистый черный портфель, о чем-то тихо беседовал с женой Чубура. По-видимому, успокаивал ее. Неподдалеку от них появился какой-то здоровяк в коричневой меховой куртке и добротных фетровых бурках. Как мне показалось, он нарочито громко кашлянул, чтобы привлечь внимание Чубура.

И действительно, едва здоровяк покинул зал, Чубур скорчил страдальческий мину, запросился в уборную.

Начальник конвоя Феценко стоял у окна. Я подошел к нему, доложил о просьбе бандита. Упомянул и о подозрительном типе в бурках.

Старшина помрачнел, глаза сузились в щелочки.

— Ведите с Чуприем вдвоем, — протянул он. — И учтите: терять ему нечего. В случае чего, без жалости...

Повели мы Чубура. Впереди я с нагном-самовзводом, за мной Чубур — само воплощение кротости и послушания: голова низко опущена, руки, как предусмотрено, за спиной, замыкающим — Чуприй с винтовкой наперевес.

— Разойдись! Дорогу! — резким голосом скомандовал я нескольким зевакам, околавшимся в коридоре. Они поспешно подались на лестничную площадку, и только тогда мы двинулись дальше.

Дверь в уборную была закрыта. Чубур тихонько застонал, как бы подгоняя меня: невтерпеж, мол, давай быстрее. Но я, не обращая на него внимания, неторопливо переступил порог, осмотрелся.

Окно высоко, чуть ли не у потолка, и совсем небольшое: пожалуй, и ребенок не протиснется. За дверью, против моего ожидания, — ничего подозрительного. В чем же дело? Почему Чубур так рвется сюда?

И тут взгляд мой упал на невзрачную плетеную корзинку, полную грязной бумаги. Носком сапога сдвинул ее, там скомканная половая тряпка, а под ней — небольшой сверток. Развернул газету и остолбенел: вороненый браунинг и пачка махорки. Вот что за подарочек приготовлен для нас! Махорку, значит, в глаза, пулю — в живот, и ходу...

Извлек один патрон, другой. Эти нам с Чуприем предназначались. Вынул обоим, сунул пистолет в карман и распахнул дверь:

— Заходи! Не закрывайся — стесняться тут некого.

Чубур пытливо смотрел на меня, прямо-таки буравил глазами. Я лишь несколько секунд притворился равнодушным, но не выдержал:

— Да не шарь глазами. Что было, то сплыло.

Бандит скрипнул зубами, резко повернулся и, тяжело волоча ноги, поплелся на скамью подсудимых. Я доложил Феценко, передал ему находку. Горотдел милиции располагался в соседнем подъезде, и через несколько минут я уже подписывал протокол изъятия...

Только к полуночи огласили приговор. Я как в воду глядел: троих приговорили к расстрелу, четвертого — к восьми годам строгого режима.

Зал опустел. Секретарь суда, невысокая миловидная брюнетка, складывала бумаги. Феценко позвонил в полк, чтобы нам в подмогу прислали пару верховых из каввзвода (когда всадники на рослых, старательно вычищенных конях, со сверкающими шашками наголо входили в состав конвоя, всякие чепе исключались). Но у кавалеристов на этот раз не оказалось ни одного свободного человека: все на заданиях.

— Что ж, будем обходиться своими силами, — сказал старшина. — Осужденных четверо, нас — пятеро. Справимся.

Выводили их по одному. Когда Чуприй отправился за очередным, оставив на пустынной улице меня вдвоем с Чубу-

ром, тот, не дожидаясь команды, опустился на корточки.

«Знает, подлец, порядки. Выучил. Дважды отбивал срок, а теперь...» — так думал я, стоя с револьвером в руке в нескольких шагах от бандита.

В жилом доме напротив погасло единственное освещенное окно. Нигде ни звука, ни огонька. Раскачивался на ветру уличный фонарь, и в его неверном свете неслись редкие снежинки. Шуршала поземка, на гребнях сугробов клубилась снежная пена. Безлюдно.

Я внимательно наблюдал за Чубуром. Ну что ему стоит вскочить и пуститься сломя голову вниз по темной Маложи-томирской улице? Да и терять вроде бы нечего. Ан нет, боится на день-другой раньше схлопотать пулю.

Я почему-то уверился, что вокруг ничего нет, но ошибся. Неподдалеку, в тени продуктового ларька, стоял укрытый попоной рысак. Я мог поклясться, что на облупке саней с вожжами в руках сидел тот самый — в меховой куртке и бурках.

Послышался резкий свист, и, как мне показалось, в глазах бандита сверкнула злоеющая радость. Чубур вскочил и в несколько прыжков поравнялся с идущими навстречу санями.

Почти не целясь, я выстрелил. Бандит словно переломился пополам, потом, растопырив руки, повернулся ко мне и тяжело рухнул на мостовую...

В ту ночь я долго ворочался с боку на бок. Сон не шел, все думалось о случившемся: об убитом Чубуре, о его сообщнике, яростно нахлестывающем коня, уносящего его в ночь, о благодарности, объявленной мне старшиной, о расспросах начальника штаба полка, прискакавшего к месту происшествия...

Еще и еще раз вспоминал я каждый свой шаг после того, как вывел бандита из здания суда. Ведь впервые в жизни довелось стрелять в человека.

4

На станции Лукьяновка готовился очередной этап. Подвозили мешки, бочки, ящики с продуктами, всевозможную утварь. В одну из теплушек по наклонным доскам мы закатали полевую кухню, затащили дрова, уголь...

Из тюрьмы днем и ночью тянулись и тянулись колонны заключенных. Их было так много, что снег на мостовой быстро превращался в коричневую вязкую кашу. Шли они молча, понуро, слышались только шарканье ног по булыжнику, сердитые окрики конвоиров да злобное рычание рвущихся с поводков овчарок...

Вагоны наполнялись быстро. В каждом на двухъярусных нарах размещалось по сорок человек. Посредине стояла железная буржуйка. Туалетом слу-

жило прорубленное в полу небольшое отверстие, окованное полосовым железом. Ни умывальника, ни бачка с водой...

Погрузка близилась к концу, когда в одном из вагонов раздался пронзительный женский голос.

— Разберитесь, что они там, — приказал начальник конвоя Краюхин, и мы с Чуприем побежали к теплушке, в которой творилось что-то неладное.

Я потянул в сторону раздвижную дверь. Пахнуло тошнотворным запахом давно не мытых тел. На грязном полу, закрыв голову руками, лежала окровавленная, истерзанная женщина. Пять или шесть разъяренных фурий (только так и можно было назвать избивавших ее) буквально месили несчастную ногами. Увидев нас, они было отшатнулись, но затем, схватив жертву за ноги и за руки, вышвырнули на перрон. В гуле возмущенных, истеричных голосов ничего нельзя было разобрать. Тогда староста вагона, рослая рябая баба, прикрикнула на товарок:

— Да заткнитесь же, суки! — И уже нам: — Куда хотите давайте эту пядлюку, но забирайте, иначе задавим!

Зная нравы уголовников, я спросил: — Она что, чью-то пайку взяла?

— Пайку?! — скривила губы староста.

— Если бы так. Все мы тут грешницы, но такую паскуду терпеть не будем. Людоедка она, собственную дочь сожрала.

Я содрогнулся и со смешанным чувством жалости и отвращения посмотрел на лежавшую на платформе женщину. Вид ее был страшен: на губах пузырилась кровавая пена, безжизненные глаза уставились в хмурое небо...

Все мы знали, что на Украине свирепствовал голод. Вымирали целые хутора. Несмотря на усиленные заслоны, в Киев, где хоть что-то еще выдавалось по карточкам, пробирались исхудавшие, оборванные крестьяне. Они вымаливали подавание, лежали вповал, где придется, вконец обессиленные от истощения.

Отец скупо писал мне, что пока выручает картошка, в подробности не вдавался. То ли не желал волновать меня, то ли побаивался, как бы письмо не попало в чужие руки: запросто могли обвинить в клевете на советскую действительность или распространении ложных слухов.

...Поздно вечером погрузка закончилась. Эшелон внушительный: пятьдесят четыре теплушки и два общарпанных пассажирских вагона. В первом разместились штаб эшелона, санчасть, конвой. Во втором — с зарешеченными окнами и дверными проемами — лазарет.

Наш ротный Краюхин в перетянутом ремнями полушубке вышел на перрон, посмотрел на часы и скомандовал: «По местам!» Пропел сигнальный рожок,

Рис. Э. КОПЫЛОВА

протяжно закричал паровоз, и, натужно пытаясь, состав тронулся.

Залязгали буфера, поплыли назад приземистые станционные постройки, сторожевая будка у переезда, устремленный в небо полосатый шлагбаум, входной семафор...

Потянулись часы караульной службы.

Меня назначили на один из ответственных постов — смотровую площадку хвостового вагона.

Два фонаря «летучая мышь», раскачиваясь на крючьях, тускло освещали рельсы. Я не сводил глаз с железнодорожного полотна и обочин: в случае побега обязан поднять тревогу.

За Дарницей застреляли на целый час — загорелась будка. К тому времени я заступил уже на другой пост — охранять заболевших. Доходяг оказалось двое, оба в летах.

Признаться, я был рад новому назначению. Тут тебе тепло, даже шинель ни к чему.

Обоим велел размещаться в одном купе. Они улеглись на нижние полки, видать по всему, тоже радуясь более или менее сносным условиям. А когда принес им кипятку и выделил из своего пайка по ломтю хлеба и куску рафинада, вконец расчувствовались: «Благодаря таким, как вы, молодой человек, мы не теряем веру в людей...»

Нам вдалбливали, что ни в коем случае нельзя входить в контакт с заключенными, но любопытство взяло верх, и я поинтересовался, кто они и за что попали за решетку.

Один оказался профессором, доктором филологии, второй — сельским ветеринарным фельдшером. Фельдшер нажил себе врага в лице председателя колхоза и вскоре был арестован за то,

что якобы опоил племенного жеребца, а к тому же скрыл темные стороны своего происхождения: отец у него, видите ли, в первую империалистическую служил унтер-офицером, Георгиевский кавалер — словом, как прозвучало на суде, «был опорой режима и отмечен за заслуги перед царским домом». Профессор же пострадал и вовсе в результате нелепой истории. На публичной лекции ему прислали из зала записку весьма каверзного содержания: как, мол, он оценивает Троцкого? Другой, более осторожный, благоразумный, или ушел бы от прямого ответа, или вообще сделал бы вид, что никакой записки не получал. Этот же, не думая о возможных последствиях, ответил, что, дескать, в первые годы Советской власти неоднократно встречался с Львом Давыдовичем и полагает, что он весьма эрудированный человек, выдающийся трибун, чуть ли не Цицерон, по праву занимал видное место в государстве. Правда, в дальнейшем он разошелся во взглядах с правящей партией, но это, если быть объективным, не умаляет его роли. А дальше — при обыске нашли у профессора фотографию Троцкого и одну из его книг с дарственной надписью. Та надпись обошлась ученому в десять лет дальних лагерей...

Услышанное опять заставило меня серьезно задуматься о происходящем. За что так строго наказаны люди? Неужто десяток-другой слов о бывшем начвоенморе так опасны для государства, чтобы старого заслуженного человека обречь на верную гибель?..

Незаметно начало светать. Узкая бледно-палевая полоска рассвета медленно розовела, расширялась вдалеке, у горизонта. Звонко залязгали буфера.

Поезд заметно сбавлял скорость. Я взглянул из тамбура и от железнодорожника, проверявшего буссы, узнал, что меняется локомотивная бригада, что мы стоим на запасном пути. Собрался захлопнуть дверь, и тут появился Чуприй:

— Прислали тебе в помощь. Много у тебя зеков?

— Двое, да таких, что краше в гроб кладут.

— Сейчас двое, а к вечеру, должно быть, десятка два наберется. — Испытуя поглядев на меня, он добавил: — Шел мимо вагонов, слышал: стонут там, кричат да охают... Слушай, давай свой котелок, я принесу что-нибудь на завтрак.

До кухонь было, что называется, рукой подать, и я видел, как старосты получали и разносили по теплушкам суточный паек. Рацион — никудышный: на каждого осужденного четыреста граммов плохо выпеченного хлеба, ржавая селедка да немного баланды какого-то сизого цвета с редкими блестками маргарина. Умереть нельзя, но жить трудно.

Раздался слабый толчок, лязг буферов, и я догадался: подали паровоз, скоро отправление. А под окном прозвучал резкий голос ротного:

— Нет! И не надо меня уговаривать: задерживаться не можем! Пить им, видите ли, захотелось. Не велики баре, потерпят. И шире шаг, доктор, а то отстанете!

Доктор — вот, оказывается, кто пожалел зеков. Вообще-то он — лекпом: лекарский помощник с двумя кубарями в петлицах. Доктором мы называли его по какой-то неписаной традиции. А вообще наши ребята дали ему прозвище — Помощник смерти. И неспроста. Весь запас медикаментов в его сумке с красным крестом состоял из йода, слабительного, бинтов и еще, кажется, глазных капель. Излишними заботами о нашем здоровье он себя не утруждал, считая, что молодые парни в его помощи нуждаться и не должны. А от просьб заключенных он обычно отмахивался. Единственное, что делал для них, так это исправно констатировал смерть.

Состав уже тронулся, когда в дверь влетел Чуприй с нашими котелками и буханкой хлеба. Его, обычно спокойно, приветливого, было просто не узнать.

— Что с тобой? — встревожился я.

Он ничего не ответил, прошел в купе, поставил котелки на столик и, закрыв глаза, откинулся на спинку сиденья.

— Ну чего молчишь, говори, — не выдержал я. — Что стряслось?

— Да ничего. — Он огляделся по сторонам, словно опасаясь, что кто-то может помешать. — Смотреть на все это тошно. Те, кого мы ведем под ружьем, все-таки люди. Лю-ди! Понимаешь?

Накормить их селедкой и отказать в кружке воды — это... Это зверство!

— Краюхин говорит — нет времени, — хотел было я передать услышанный минутой раньше разговор ротного с доктором, но Коля перебил:

— А если бы так поступили с его родителями или с ним самим? Стояна — проводника собаки — Рекс хватанул за руку. Тот его отделал поводком. Наш Краюхин увидал и осерчал: нельзя, говорит, овчарку пороть, лаской воспитывать надо. Пса пожалел, а к людям... Нет, в ОГПУ должны служить лучшие из лучших и то только до тех пор, пока не начнет черстветь душа.

Коля замолчал, придвинул мне котелок.

— Гречка! — воскликнул я, желая как-то перевести наш разговор на более веселую тему. — Ну ты, брат, молодец!

Чуприй рассеянно посмотрел на меня, как бы не слыша, и неожиданно спросил: — Что за люди эти двое у нас?

Я вкратце рассказал про ветеринара и профессора филологии.

— Так, — протянул Чуприй, — ясно... Думаю, нам с тобой и одного котелка хватит...

5

Эшелон мчался на восток с короткими остановками для заправки водой и углем. Пункт назначения мы знали — Караганда. Вернее, не сам город, а лагерь вблизи него. Чуприй сменил меня на посту, я отправился в купе, но не спалось. Одолевали неотвязные мысли: как там домашние? Смогут ли дотянуть до весны? И почему так получилось, что хлеборобы пухнут с голодухи? Кто виноват? Так и ворочался я с боку на бок, пока поезд резко не затормозил на одном из перегонов. Слетев с полки, я прижался к темному ледяному окну. Грохнул поблизости винтовочный выстрел. Кто-то пробежал под самым окном, слышались возбужденные голоса, собачий лай. Через минуту-другую чуть в стороне от железнодорожного полотна захлопали выстрелы.

Я накинул шинель, нахлобучил шлем и с винтовкой в руке выбежал в коридор. Чуприй встревоженно посмотрел на меня; повскакивали со своих мест наши доходяги.

Резкий холодный ветер ударил в лицо пригоршей колющего снега. Морозиче такой, что сразу прихватило ноздри.

Неподалеку кто-то торжествующе выкрикнул:

— Сорваться, гад, вздумал, да только пулю схлопотал! И так будет со всеми, кто...

Конец фразы заглушил басовитый собачий лай.

Слабый свет фонаря отодвинул тьму, какой-то боец вылез из-под теплушки. А-а, да это ж Стоян со своим Рексом!

Я подскочил к нему:

— Почему стоим? Что за стрельба?

Тот укоротил поводок и выкрикнул, будто глухому:

— Тут один оторваться вздумал. Не вышло! Из-за него, дьявола, вся суматоха. От нас не уйдешь!

Мне показалось, что говорилось это не столько для меня, сколько для тех, кто в эту минуту напряженно прислушивался ко всему происходящему за дверями теплушек. И я не ошибся. Неожиданно подмигнув мне, Стоян приложил палец к губам. Тут-то я сообразил, что никакого побега и не было. Остановка в глухой степи, беготня с пальбой — не более как умело поставленный спектакль для острастки заключенных.

— По вагонам! — донесся голос ротно-го, и я забрался на подножку своего санитарного вагона, в густых клубах морозного воздуха ввалился в тамбур. Чуприй вопросительно уставился на меня.

— А-а, все те же краухинские дела, — пробормотал я, заметив, как профессор растерянно смотрит сквозь густую металлическую сетку в чужую морозную тьму.

6

Караганда. Еще издали показались копры шахт, трубы заводов.

Станция выглядела довольно внушительной: на бесчисленных путях — пассажирские и товарные вагоны, грузовые платформы, цистерны...

Сдать эшелон оказалось не так-то просто. Лагерное начальство опасалось тифа, поставило нам условие: всех прибывших — сначала в санпропускник, а потом в зону.

Привезли мы свыше двух тысяч человек, и процедура предстояла длительная. Ротный что-то доказывал, возмущался, но ничего не помогало, пришлось смириться.

Специально выделенная бригада пилила и колола дрова, таскала уголь, разогревала воду в котлах. С утра и до позднего вечера из почерневших труб санпропускника — приземистого барака с промерзшими оконцами — валил дым. Заключенные тащились сюда со своими жалкими пожитками, мылись, выходили во двор, ждали, когда наберется человек сорок — пятьдесят, чтобы двинуться в зону.

Ветер пронизывал до костей, но никто не смел встать с корточек. Это расценивалось бы как попытка к побегу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я смотрел на посиневших от холода, измученных дорогой бедолаг и думал о профессоре. Как ему, пожилому, простуженному, пережить эту баню? Замерзнет. Как забрали осенью в демисезонном пальто и велюровой шляпе, так

в том и отправили на этап, на тридцатиградусный карагандинский мороз.

— Начальник, прояви милость! Тридцать нас тут, может, хватит? — вывел меня из оцепенения чей-то жалобный голос.

— Ладно. Терновой, Стоян, ведите их! — буркнул Краухин. Километр до вахты лагпункта одолели за считанные минуты: подгонять никого не требовалось. Малость передохнув, мы со Стояном двинулись обратно. На перекрестке я сбавил шаг: не на картинке, а воочию увидел верблюда. Невозмутимый, он величественно вышагивал, волоча сани, не обращая внимания ни на нас, ни на оскалившегося Рекса.

Старик в стеганом халате, сапогах и шапке с меховой оторочкой, полулежа на охапке соломы, курил трубку.

Свернули в первую попавшуюся улочку, застроенную неказистыми одноэтажными домишками из самана. Нигде ни живой души, только резкий ветер сдувает снег с крыш.

Внезапно я снова остановился. Из начавшего подтаивать ноздреватого сугроба торчала скрюченная рука. Чуть поодаль — другая.

— Убитые, что ли? — повернулся к Стояну.

— Какие там убитые? — мрачно ответил тот. — Здесь, как и у нас на Украине, голодуха. Мрут люди как мухи. Эти вот, видать, где шли, там и упали, обессиленные. Сейчас, вишь, вытаскивают...

Молча мы двинулись дальше. Вскосую через дорогу от обочины к обочине лежали наметы снега. По базарной площади гулял ветер: ни продавцов, ни покупателей. Навевая тоску, глухо, протяжно гудели телеграфные провода.

— По всему видать, завтра назад движем, — прервал молчание Стоян. — Зек-ков осталось с гульки-нос. Скорее всего, пока мы тут бродим, и последних помыли.

Он оказался прав: на заплесневевшей от сырости двери бани висел громадный замок.

— Идем к эшелону, — сказал Стоян. Едва миновали городскую окраину с убогими, вросшими в землю мазанками, начался буран. Снег яростно сек по глазам, набивался за ворот. Вокруг курилось, будто затянутое густым дымом, пространство. А эшелона — нет как нет. Куда идти?

Некоторое время мы тащились вперед, увязая в глубоком снегу: Стоян с Рексом впереди, я следом. Ноги подкашивались, кровь гулко стучала в висках. Силы оставляли меня, и я опасался, что вот-вот рухну и уже не поднимусь.

Неожиданно мы уткнулись в груды камней, которую раньше не встречали, взяли левее, а там — глубокий овраг... Заблудились!

Я не на шутку встревожился, схватил товарища за рукав полушубка. Губы у меня онемели, и я не сказал, а скорее просипел:

— Что-то не туда нас занесло...

— Да и я не соображу, куда забрели, — грустно признался он.

Кто знает, сколько мы пробыли в полудреме, прижавшись спинами друг к другу, только Рекс тоскливо заскулил, тормоша хозяина: что ты, мол, остановился, нашел где отдыхать.

— Может, он знает, куда идти? — со слабой надеждой проговорил я. — Лошади, к примеру, чуют...

— Попробуем, — согласился Стоян. Он склонился над овчаркой, потрепал по холке, приговаривая: — Домой, Рекс! Домой!

Пес поднял лобастую голову, принюхался и потянул через сугроб.

Откровенно говоря, в глубине души я какое-то время сомневался: верно ли он нас ведет. Ведь до этого мы шли, казалось, совершенно в противоположную сторону. Но я молчал, брел вперед, стиснув зубы, ничем не выдавая своего сомнения.

Через некоторое время впереди что-то чуть забрезжило, потом яснее выступили из снежной мглы мерцающие огоньки вагонов.

Пес уже не шел, а бежал, туго натянув поводок. Мы едва поспевали за ним.

«Спасены! Спасены! — стучало в висках. — Спасибо, дружище Рекс! Худо бы нам пришлось, если бы не ты...»

7

К утру буран стих, только с тусклого неба сеял реденький алмазно блестящий снежок.

Двери опустевших теплушек были открыты настежь. Ветер, будто извиняясь за вчерашнее, ластился к ногам, заглядывал под нары, шарил по углам...

Я понимал, что вот-вот поступит команда отвести в лагерь заключенных, содержащихся в лазарете. Но этим слабым, немощным людям просто не дойти. Дай Бог, если половина из одиннадцати не свалится по дороге. Надо машину или хотя бы подводу.

С этой мыслью я и направился в штабной вагон. Едва взялся за поручень, чтобы подняться на ступеньки, как открылась дверь тамбура, и я увидел Краюхина.

— Здравия желаю! — вытянулся я в приветствии. — Разрешите обратиться?

— Здравствуй, здравствуй, Терновой. Ну и переполошили вчера вместе со Стояном вы нас всех...

Договорить он не успел. Прямо к вагону подкатила новенькая черная эмка, и из нее вылез рослый, представительный военный в коричневом кожаном реглане и каракулевой шапке.

Заметив на малиновых петлицах по ромбу, я обомлел: впервые довелось видеть такого важного начальника так близко.

Поздоровавшись с Краюхиным, тот заговорил властным рокошущим голосом уверенного в себе, привыкшего повелевать человека:

— Был по делам у путейцев, дай, думаю, попутно загляну к вам. Кстати, всех уже передали?

Я догадался, что это какая-то шишка из управления лагеря, и деликатно отошел в сторонку.

— Почти всех, — чуть помедлив, ответил Краюхин.

— Как это понимать?

— Одиннадцать человек осталось — ослабленные, больные... Самим не дойти, нужен транспорт для перевозки.

— И на кой ляд ты мне их привез?

Ротный пожал плечами и, словно оправдываясь, заметил:

— В основном, интеллигентные люди... Профессор даже есть... Можно дневальными ставить, в канцелярии использовать...

Тот, с ромбом, помрачнел, круглые совиные глаза посуровели:

— На моей шее не только зона, с меня еще и план спрашивают. Стране уголь нужен, понимаешь? Его в шахте рубить надо. А таких, что от ветра падают, у меня и своих с избытком. Понимаешь? Твои калеки мне ни к чему!

— Что значит «ни к чему»? — оторопел Краюхин. — Не обратно же мне их везти?!

— А я такого и не говорю, — перешел на какой-то полусвистящий шепот гулаговец. — Можно сделать иначе. Найдутся у тебя надежные хлопцы, ну, те, что умеют держать язык за зубами?

— Допустим, и что?

— Тут неподалеку есть овраг. Отведу те туда своих доходяг и... — Он что-то еще сказал Краюхину, но уже так доверительно и тихо, что я не расслышал. Но что именно, догадаться было нетрудно, ибо обветренное красноватое лицо нашего ротного стало моментально известково-бледным.

— Чтоб никакой морюки, говорите? Как групповой побег оформить, говорите? — вдруг, задохнувшись от гнева, выкрикнул он. — Но я — командир конвойной роты, а не палач! Слышите? Я на такое не пойду ни за что!

Столь решительного отпора гулаговец, видно, никак не ожидал. Он явно опешил и не нашел ничего лучшего, как поскорее забраться в машину. Прежде чем захлопнуть дверцу, буркнул:

— Ладно, не кипятись. Я вижу, ты шуток не понимаешь. Веди свою инвалидную команду, примем...

Эмка врезала по газам, а я с неожиданной теплотой подумал о ротном: «Пускай распечет за вчерашнее блужданье со Стояном...»

8

Через сутки по возвращении в Киев мы уже стояли на плацу, где обычно проходил развод караулов. Одних ждала внешняя охрана Лукьяновской тюрьмы, других служба приставляла к мастерским, автопарку, проходной. На этот раз мне выпал пост у склада артиллерии.

Таяли зыбкие сиреневые сумерки, когда я, поеживаясь от утренней свежести, в очередной раз двинулся за разводящим. От караульного помещения до складов, что называется, рукой подать. Минута-другая, раздастся оклик часового, и пойдет по накатанной колее смена на посту. Но неожиданно совсем рядом грохнул выстрел. Стрелять мог только Чуприй: других постов вблизи не было.

Разводящий — здоровенный парень с добродушным лицом — обеспокоенно взглянул на меня, и мы помчались к посту Чуприя.

Николай лежал на земле у постового грибка. Сапог с правой ноги снят, портянка размотана. Буденовка в луже крови, половина черепа снесена.

Меня передернуло, к горлу подступила тошнота. Разводящий растерялся не меньше моего: уставившись на мертвого Чуприя, он, тяжело дыша, причитал: «Да как же это? Да что же это?». Наконец, немного придя в себя, сипловато сказал:

— Терновой, будь тут, а я доложу по начальству.

Стараясь не смотреть на лужу крови, я склонился над погибшим другом:

«Коля, Коля... Как ни тяжела жизнь — смерть не лучший выход. Ты ведь сам не раз говорил мне об этом».

Мое внимание внезапно привлек краешек конверта, торчащий из кармана Колиной шинели. Я знал, что Чуприй редко писал домой и еще реже получал ответы: родители у него неграмотные. Отец с грехом пополам научился расписываться, мать вообще вместо подписи ставила крестик. Письма в армию диктовали соседскому мальчишке, он же и читал старикам то, что приносила обратно почта.

Я достал письмо. На четвертушке серой бумаги с едва различимым штампом сельсовета в верхнем углу значилось, что родители Чуприя и двое его младших братишек умерли (перечислялись имена, отчества, возраст, даты смерти), а хата заколочена, поскольку в ней никто больше не живет. Причина смерти не указывалась, но догадаться было нетрудно: голод.

Тут-то мне стало ясно, почему после командировки Николай ходил словно в воду опущенный и даже на мои расспросы не отвечал, а только рассеянно и как-то жалко отводил глаза в сторону.

Ощущение собственного бессилия помочь другу, поправить случившееся душило меня. Кусая губы, чтобы не разреваться, я сунул злосчастный клочок бумаги обратно в Колин карман. А буквально через несколько минут послышались громкие голоса: возвращался разводящий с дежурным по полку.

Вскоре примчались и начальник штаба вместе с длинным и тощим следователем из военной прокуратуры. Закрутилась карусель, начались расспросы. Но истинной причины самоубийства указано не было: сочли за лучшее объяснить случившееся психическими отклонениями.

Койку Чуприя вынесли из казармы, винтовку сдали на склад, фамилию перестали выкликать на вечерней поверке...

9

В начале лета тридцать четвертого, дней через пять после моего возвращения из-под Архангельска, старшина роты предупредил:

— Готовься, Терновой, со мной в командировку.

— Да ведь я только что с колес...

— Гляди не пожалей, — оборвал старшина. — Места даже хорошие, воздухом подышим полевым.

Я сразу уловил, что за этим что-то кроется, и неопределенно протянул:

— Ну если так...

— Едем на Житомирщину, а если точнее — в Брусилов.

Кровь бросилась мне в лицо от этих слов Фещенко. Да ведь это чуть ли не ко мне домой! От Брусилова до нашей Камышанки рукой подать, сызмальства я ездил туда с батей на ярмарки. Ай да Фещенко! Вот спасибо, не забыл, из каких краев я призван!

Всю дорогу я жадно всматривался в окружающие места. Когда въезжали в Брусилов, сердце так и заныло: словно вчера ушел я отсюда на службу. Те же деревянные домишки за покосившимися заборами. Та же единственная на весь район парикмахерская с нарисованным слева от входной двери франтом с щеголеватыми тонкими усиками. Тот же приземистый клуб с винтовой лестницей, ведущей в кинобудку. Так же воробы купаются в пыли на базарной площади...

Около неприветливого двухэтажного здания гормилиции, суда и прокуратуры Фещенко остановил отделение.

— Пойду представлюсь местному начальству, а вы подождите меня здесь. — Он кивнул в сторону двух столетних лип, притулившихся почти вплотную к двухэтажке. — Терновому, в виде исключения, разрешаю отлучиться на один час.

Оставив винтовку и подсумок, я чуть ли не бегом подался туда, где по праз-

дникам кипели ярмарки. Теплилась слабая надежда встретить односельчан. Но вскоре она растаяла, как июльское облачко, и я вернулся назад.

Буквально через минуту-другую в дверях появился старшина с формулярами этапиремых в Киев.

— Сейчас примем осужденных и движем на Макаров. Это километров двадцать пять с гаком. Контингент такой: пара конокрадов, проворовавшийся кладовщик, жулики, развалившие колхоз. Публика известная. В Макарове заночуем и дальше через Бородянку в Киев. Вопросы?

Из КПЗ вывели осужденных и построили во дворе. Фещенко начал переключку, привычно выкликая фамилии. Арестованные, откликнувшись, называли свое имя и отчество, статью, по которой осуждены и на какой срок.

Все это никак не задевало моего сознания, пока Фещенко вдруг не повысил недовольно голос:

— Почему молчишь, Поперека? Оглох, что ли?

Тщедушный мужичонка что-то чуть слышно пробормотал себе под нос. Всмотревшись, я с трудом узнал в нем Гришку. Усы скрыли заячью губу, длинные нечесанные космы совершенно изменили внешность.

— Шаг влево, шаг вправо расценивается как побег, и конвой применяет оружие, — вывел меня из оцепенения голос старшины.

Я привычно шел замыкающим и все думал о том, что есть, есть она, высшая справедливость! Мы медленно одолевали километр за километром. Грунтовка тянулась вдоль желтоватой ржи с редкими синими звездочками засильков.

Подожли к рощице. Фещенко объявил привал. Заключенные повалились на траву, один Поперека остался стоять.

— Гражданин начальник, — просипел он, поддергивая залоснившиеся штаны, — мне бы, извиняюсь, того...

Фещенко посмотрел на меня и кивнул головой: веди, мол.

Отошли метров на тридцать ближе к кустарнику, и тут Поперека, резко повернувшись ко мне, сбивчиво запричитал:

— Сам Бог послал мне тебя, Феденька! Отпусти, Христа ради!

— А это не хочешь?! — гаркнул я, угрожающе клацнув затвором.

Гришка в страхе попятился, выставив вперед корявые руки:

— Что ты, Феденька, что ты! Не надо так шутить, и без того безвинно страдаю...

Он тяжело задышал, словно прикомороженный конь, лицо стало плаксивым, губы задергались. Плехнувшись на колени, он пролепетал:

— Земляки все же... Пожалей, ради Христа...

— Пожалей?! А ты тетку Глашу, детишек ее пожалей?

Поперека задвигал реденькими бровями, зашмыгал носом. Оглядываясь по сторонам, будто надеясь на чью-то помощь, он какое-то время молчал. Затем через силу выдавил из себя:

— Виноват, прошибся... Мой грех...

— У тебя этих грехов больше, чем у бродячей сучки блох! Ладно, черт с тобой, живи. — Я повесил на плечо винтовку и повел его обратно.

10

Месяца за два до увольнения у меня, как и у моих сверстников, появились новые заботы. Хотелось вернуться домой при полном параде, и мы подгоняли шинели, шили у частников ладные, тонкого сукна буденовки. Но как-то под вечер меня вызвали в ротную канцелярию.

В центре, за столом, по-хозяйски положив тяжелые руки, расположился незнакомый мне командир в коверкотовой гимнастерке. На петлицах — по шпале, на рукаве — эмблема ВЧК — ОГПУ — щит и меч. Фуражка с синим верхом и малиновым околышем красовалась на гвозде слева.

Не увидев Краюхина, я представился и вытянулся у двери по стойке смирно. Незнакомец пригласил меня сесть, спросил, каковы планы на будущее. Я пожал плечами, дескать, окончательно пока не решил.

— Я хочу предложить вам работу в УГБ, — веско произнес собеседник. — В управлении государственной безопасности. Дело ответственное и, без преувеличения сказать, почетное. Советская республика окружена врагами. К нам засылаются шпионы, диверсанты. Враги существуют и внутри страны. Зиновьевская оппозиция, как вы знаете, показала истинное свое обличье, избрала путь террора. Это они подослали наемного убийцу к товарищу Кирову. Но как бы контрреволюционное охвостье ни маскировалось, мы выявим и обезвредим его. Борьба предстоит трудная. Нам нужны стойкие, проверенные люди. Вас мы знаем, вы хорошо рекомендуетесь по службе. Так как?..

Я слушал его, а перед глазами почему-топлыли лица заключенных, Глаши Курошуп, профессора филологии, ветеринарного фельдшера, десятков других бедолаг, ставших «врагами новой жизни». Я слышал лязг тюремных ворот, скрип вагонных дверей и голоса, голоса, голоса, молящие о помощи.

— Так согласны ли вы подставить свое плечо под эту трудную, ответственную ношу? — вновь прозвучал вопрос. — Согласны помочь в нелегком деле?

— Согласен, — неожиданно для себя ответил я.

[illegible]

Профессия война досталась ему по наследству. Его дед был одним из первых красноармейцев-томичей, удостоенных в гражданскую орден Красного Знамени. Отец — кадровый военный, танкист, прошел всю Отечественную, награжден восемью орденами. Умер от ран вскоре после Победы. Армейские дороги Евгения Михайловича пролегли от снегов Новой Земли до расклеванных песков Афганистана. О прожитом и пережитом он рассказал в поэтических книгах "Сдесантом солнца", и "Вековые камни", вышедших в Донецке и Симферополе.

ATAKA

**Мы устали, движенья неловки,
Не поднять от земли сонных глаз.
Но ребята со мной не из робких —
Робких в бой не поднимет приказ.**

дникам кипели ярмарки. Теплилась слабая надежда встретить односельчан. Но вскоре она растаяла, как июльское облачко, и я вернулся назад.

Буквально через минуту-другую в дверях появился старшина с формулярами этапированных в Киев.

— Сейчас примем осужденных и движем на Макаров. Это километров двадцать пять с гаком. Контингент такой: пара конокрадов, проворовавшийся кладовщик, жулики, развалившие колхоз. Публика известная. В Макарове заночуем и дальше через Боросянку в Киев. Вопросы?

Из КПЗ вывели осужденных и построили во дворе. Феценко начал переключку, привычно выкликая фамилии. Арестованные, откликнувшись, называли свое имя и отчество, статью, по которой осуждены и на какой срок.

Все это никак не задевало моего сознания, пока Феценко вдруг не повысил недовольно голос:

— Почему молчишь, Поперека? Оглох, что ли?

Тщедушный мужичонка что-то чуть слышно пробормотал себе под нос. Всмотревшись, я с трудом узнал в нем Гришку. Усы скрыли заячью губу, длинные нечесанные космы совершенно изменили внешность.

— Шаг влево, шаг вправо расценивается как побег, и конвой применяет оружие, — вывел меня из оцепенения голос старшины.

Я привычно шел замыкающим и все думал о том, что есть, есть она, высшая справедливость! Мы медленно одолевали километр за километром. Грунтовка тянулась вдоль желтоватой ржи с редкими синими звездочками васильков.

Подшли к рощице. Феценко объявил привал. Заключенные повалились на траву, один Поперека остался стоять.

— Гражданин начальник, — просипел он, поддериывая залоснившиеся штаны, — мне бы, извиняюсь, того...

Феценко посмотрел на меня и кивнул головой: веди, мол.

Отошли метров на тридцать ближе к кустарнику, и тут Поперека, резко повернувшись ко мне, сбивчиво запричитал:

— Сам Бог послал мне тебя, Феденька! Отпусти, Христа ради!

— А это не хочешь?! — гаркнул я, угрожающе клацнув затвором.

Гришка в страхе попятился, выставив вперед корявые руки:

— Что ты, Феденька, что ты! Не надо так шутить, и без того безвинно страдаю...

Он тяжело задышал, словно прикомороженный конь, лицо стало плаксивым, губы задергались. Плхнувшись на колени, он пролепетал:

— Земляки все же... Пожалей, ради Христа...

— Пожалей?! А ты тетку Глашу, детишек ее пожалей?

Поперека задвигал реденькими бровями, зашмыгал носом. Оглядываясь по сторонам, будто надеясь на чью-то помощь, он какое-то время молчал. Затем через силу выдавил из себя:

— Виноват, прошибся... Мой грех...

— У тебя этих грехов больше, чем у бродячей сучки блох! Ладно, черт с тобой, живи. — Я повесил на плечо винтовку и повел его обратно.

10

Месяца за два до увольнения у меня, как и у моих сверстников, появились новые заботы. Хотелось вернуться домой при полном параде, и мы подгоняли шинели, шили у частников ладные, тонкого сукна буденовки. Но как-то под вечер меня вызвали в ротную канцелярию.

В центре, за столом, по-хозяйски положив тяжелые руки, расположился незнакомый мне командир в коверкотовой гимнастерке. На петлицах — по шпале, на рукаве — эмблема ВЧК — ОГПУ — щит и меч. Фуражка с синим верхом и малиновым околышем красовалась на гвозде слева.

Не увидев Краюхина, я представился и выткнулся у двери по стойке смирно. Незнакомец пригласил меня сесть, спросил, каковы планы на будущее. Я пожал плечами, дескать, окончательно пока не решил.

— Я хочу предложить вам работу в УГБ, — веско произнес собеседник. — В управлении государственной безопасности. Дело ответственное и, без преувеличения сказать, почетное. Советская республика окружена врагами. К нам засылаются шпионы, диверсанты. Враги существуют и внутри страны. Зиновьевская оппозиция, как вы знаете, показала истинное свое обличье, избрала путь террора. Это они подослали наемного убийцу к товарищу Кирову. Но как бы контрреволюционное охвостье ни маскировалось, мы выявим и обезвредим его. Борьба предстоит трудная. Нам нужны стойкие, проверенные люди. Вас мы знаем, вы хорошо рекомендуетесь по службе. Так как?..

Я слушал его, а перед глазами почему-топлыли лица заключенных, Глаши Курошуп, профессора филологии, ветеринарного фельдшера, десятков других бедолаг, ставших «врагами новой жизни». Я слышал лязг тюремных ворот, скрип вагонных дверей и голоса, голоса, голоса, молящие о помощи.

— Так согласны ли вы подставить свое плечо под эту трудную, ответственную ношу? — вновь прозвучал вопрос. — Согласны помочь в нелегком деле?

— Согласен, — неожиданно для себя ответил я.

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Эрл Стенли ГАРДНЕР

ДЕЛО

О ПОПУСТУ ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Глава первая

СТЮАРТ БЭДФОРД вошел в свой кабинет, повесил шляпу, подошел к столу красного дерева, подаренному женой в прошлом году на день рождения, и опустился в кресло.

Его секретарша, Эльза Грифин, необыкновенно исполнительная и аккуратная особа, положила на стол утреннюю газету. С первой полосы ему улыбалась его собственная супруга.

Стюарт Бэдфорд очень гордился своей женой. Он, пятидесятидвухлетний мужчина, женился на молоденькой и, судя по той же фотографии, удачно: такие лица бывают только у довольных жизнью женщин.

Сам Бэдфорд, несмотря на богатство, деловые контакты, влиятельных друзей, никогда не интересовался общественной жизнью.

Первая его жена умерла двенадцать лет назад. После ее смерти все друзья считали его самым завидным женихом. Однако Бэдфорд ушел с головой в работу. Имя его замесило в газетах и стало известно чуть ли не всему миру. Потом он встретил Эн Роан, свою будущую супругу, и жизнь потекла совсем по другому руслу.

Эн была принята обществом и наслаждалась этим, как дитя новой игрушкой. Бэдфорд продолжал заниматься финансовыми делами, но они перестали быть главенствующими в его жизни. Он мечтал осчастливить юную жену и добился успеха...

Когда Бэдфорд, удобно устроившись в кресле, читал, вошла Грифин.

— Доброе утро, Эльза, большое спасибо за газету с портретом миссис Бэдфорд.

Секретарша в ответ только приятно улыбнулась.

Для Стюарта Эльза Грифин была удобна и привычна, как старая трубка или домашние тапочки. Она работала у него уже пятнадцать лет и знала каждое желание хозяина, любой каприз и могла, казалось, даже читать его мысли. И сам Бэдфорд очень любил секретаршу. После смерти первой жены мечтал о близости с ней. Однако Эльза знала себе цену и считала, что шеф вполне мог бы и жениться на ней. Но все это было до его встречи с Эн Роан.

Бэдфорд потом понял, что причинил боль Эльзе. Но он не мог справиться с нахлынувшим на него чувством, а сек-

ретарша отошла на второй план и терпеливо занялась своим обычным делом. Если даже она и страдала, то внешне это никак не проявлялось.

— В приемной посетитель. Хочет встретиться с вами, — сказала Эльза.

— Кто он? Что ему надо?

— Незнакомый мужчина, назвался Бини Денхемом и заявил, что должен непременно повидать вас.

— Не знаю и я такого. И зачем я ему нужен?

— Он говорит, что дело частное, поэтому согласен ждать сколько потребуется, лишь бы переговорить с вами наедине.

Бэдфорд выразил неудовольствие:

— Не могу я тратить время на всякого, кто надумает осчастливить меня своим посещением.

— Знаю, — сказала Эльза, — но здесь, видимо, иной случай. Мне это трудно передать, но в его настойчивости есть что-то пугающее.

— Пугающее? — присвистнул Бэдфорд.

— Не в том смысле. Он сидит спокойно в кресле и только поднимает на меня глаза, когда я вхожу. Но чувствуется, что так сидеть он намерен до победного. И лучше бы вам поскорее его принять: вдруг действительно что-то важное.

— Хорошо, черт с ним. Будь по-вашему. А вдруг это старый школьный приятель?

— Нет, нет! Ничего подобного.

— Ладно, верю вашей интуиции. Пусть войдет.

Эльза вышла, и через минуту Бини Денхем стоял на пороге, кланяясь и виновато улыбаясь. Только глаза его были сосредоточенными и совсем невыразительными, будто дело, с которым он пришел, касалось жизни и смерти.

— Рад, что вы согласились встретиться со мной, мистер Бэдфорд. Боюсь причинить вам неприятности. Дельберт посоветовал мне обратиться к вам и ждать хоть до утра, но добиться своего.

— Кто такой этот Дельберт?

— Он мой товарищ.

— Партнер?

— Нет, нет, именно товарищ.

— Ну, допустим. Садитесь. Только, пожалуйста, покороче. У меня утром деловое свидание, а накопилось много почты, которую еще надо просмотреть.

— Да, сэр, большое вам спасибо. — Бини Денхем сделал шаг вперед и сел на краешек стула, прижав шляпу к животу. Руки его дрожали.

— В чем суть вашего дела? — спросил Бэдфорд.

— Это связано с капиталовложением, — ответил гость. — Дельберту нужны были деньги для финансирования одного рискованного мероприятия. Он потратил 20 тысяч долларов, влез в долги...

— Черт возьми! — возмущился хозяин. — Вы сказали моей секретарше, что рветесь ко мне по личному вопросу. Я не знаю ни вас, ни вашего Дельберта и не интересуюсь его вкладами. И если это все, то...

— О нет, вы не поняли, сэр, — замотал головой Денхем. — Дело связано с вашей женой.

Бэдфорд, задохнувшийся было от гнева, осекся.

— При чем тут моя жена? — недоуменно спросил он.

— Видите ли, сэр. Вы же не хотите, чтобы все всплыло и стало достоянием гласности?

— Хорошо. Так о чем вы? — теперь уже вежливо заговорил хозяин офиса.

— Во-первых, с Дельбертом вам надо познакомиться, чтобы понять происшедшее. Он настаивает, и поверьте, этот господин умеет добиваться своего.

— Ладно, продолжайте. Но при чем тут моя жена? В чем она оказалась замешанной?

— Я упомянул ее потому, что отлично знаю Дельберта. А с ним шутки плохи.

— Но что ему нужно?

— Прежде всего деньги.

— Понятно, этот человек нуждается в деньгах. Ну а дальше?

— Он считает, что вы можете их ему дать.

— А как это связано с моей женой? — спросил Бэдфорд, опять вскипая.

— У него есть кое-какие криминальные данные, отпечатки пальцев вашей супруги и еще кое-что, — продолжил Денхем все в той же вежливо-просительной манере.

Наступило неловкое молчание. Впрочем, Бэдфорд даже и виду не подал, что его смутило заявление гостя. Он лишь на мгновение поймал себя на мысли: как, в сущности, мало знает он о прошлом своей жены. Она не любила вспоминать о своем первом неудачном замужестве, тем более — трагичном. Два года после случившегося молодая вдова не могла прийти в себя. Единственным спасением для нее стали путешествия. А потом вот встреча с ним — Стюартом Бэдфордом.

— Что это? Шантаж? — Бэдфорд не узнал своего голоса.

— Шантаж?! — словно эхо, повторил гость. — Боже праведный, конечно, нет, мистер Бэдфорд! Даже Дельберт не позволит себе такого.

— Тогда в чем же дело?

— Мне бы хотелось только сказать, что для вас двадцать тысяч долларов — сущий пустяк.

— Но за что все-таки я должен платить?

— Понимаете, сэр, Дельберту нужны деньги. И он думает, что может получить их от вас. У него есть кое-какие сведения, за которые журналы не покупятся заплатить.

— А информация достоверная?

— Несомненно, сэр! Иначе я бы и не заикнулся.

— Позвольте взглянуть.

— Мне бы больше хотелось поговорить о деньгах, но раз вы так настаиваете...

Коротышка крепче прижал шляпу к животу, пошарил в кармане и выудил дешевый конверт. Бэдфорд тут же распечатал его. Там лежала прекрасно сделанная фотография. На ней его жена была гораздо моложе, с веселыми искорками в глазах. Но ниже, под снимком стояли отпечатки пальцев и полустертый уголовный код.

Голос Денхема проник в сознание Бэдфорда:

— Как вам известно, этот код означает мошенничество со страховкой. Понятно, вы удивлены. У нее были застрахованы драгоценности. Она сделала ошибку, заложив их до того, как объявила, что они украдены. Полиция, разумеется, все открыла. Там ведь собака съела на подобных делишках...

— Ее отпустили под залог?

— Вот этого не знаю, — заверил Денхем. — Думаю, даже Дельберт не в курсе. Есть только документы, которые он передал мне, сказав, что собирается опубликовать их за хорошие деньги. Я же отговорил его, так как ненавижу журналы, копающиеся в чужом грязном белье.

— Понятно, — только и сказал Бэдфорд, слегка нахмурившись.

Он уселся и стал просматривать досье, собранное на его супругу.

Итак, это безусловно шантаж, — размышлял Стюарт. — Сколько раз слышал о нем. А теперь и сам столкнулся. Маленький человечек, сидящий напротив, несомненно, шантажист. Не составляет труда выбросить коротышку, сукина сына, вон из офиса, даже слегка при-

стукнуть его и передать в руки полиции. Шантажиста арестуют, а он, Бэдфорд, попросит сделать все так, чтобы не было лишнего шума.

А вдруг что-то сорвется? Ведь существует какой-то Дельберт, очевидно, вдохновитель всей этой провокации. Он раскопал и задумал продать информацию в один из паршивых журнальчиков, которые расплодились, как грибы после дождя. Сволочи, они только и ждут сенсаций, с удовольствием любого обольют грязью и еще заработают на этом.

Интересно, а какими сведениями располагает полиция? Может, все это — фальшивка?"

Бэдфорд встал, прошелся по комнате и уже вслух произнес:

— Мне бы хотелось повнимательней ознакомиться с документами и все обдумать.

— Сколько вам нужно времени? — спросил Денхем. Впервые в его голосе прозвучала твердость.

— Во-первых, надо проверить факты. Во-вторых, прийти к окончательному решению...

— Простите, что побеспокоил вас, мистер Бэдфорд. Учитывая вашу занятость... разрешите откланяться.

— Подождите минутку. Как мне с вами связаться?

— О, я сам дам о себе знать, сэр, если вы не возражаете. И конечно, я должен переговорить с Дельбертом. До свидания, сэр.

И маленький человечек пулей вылетел за дверь.

Глава вторая

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ Бэдфорд ужинал наедине с супругой, подавал ей коктейль на серебряном подносе — одном из свадебных подарков. Его края он оклеил специальной лентой, фиксирующей отпечатки пальцев, а потом спрятал поднос в коробку из-под рубашек.

Жена застала его с коробкой, но Бэдфорд объяснил, что ему не нравится цвет сорочек, поэтому он хочет их обменять. На мгновение Стюарту показалось, что в серых глазах супруги сверкнул огонек недоверия. Однако женщина промолчала, а ее искренний прощальный поцелуй очень много значил для него.

Устроившись поудобней в своем офисе, он принялся за незнакомую процедуру — сличать полученные отпечатки

пальцев с теми, которые имелись на криминальном документе, оставленном ему коротышкой.

Бэдфорд так увлекся, что не услышал, как в офис вошла Эльза Грифин. Из-за плеча шефа она следила за его работой, пока тот не поднял голову.

— Не хотел вмешивать вас в это, — с досадой проворчал Бэдфорд.

— И напрасно. Я могла бы вам помочь, — понимающе заметила женщина.

— Только не в этом.

— Ошибаетесь, я знакома с техникой, используемой детективами.

— Откуда? — удивился Стюарт.

— В свое время окончила курсы по дактилоскопии, — пояснила секретарша.

— Раз так, прошу вас.

... Ее длинные ловкие пальцы действовали безошибочно, и уже через пятнадцать минут Стюарт Бэдфорд пришел к печальному заключению: отпечатки на полицейском документе и на серебряном подносе были совершенно одинаковы.

— Коль скоро вы в курсе, Эльза, то посоветуйте, что мне делать?

— Такие проблемы, по-моему, надо решать самостоятельно. Одно могу сказать определенно: начнете откупаться — этому конца не будет.

— Ну а если откажусь? — спросил он.

Женщина пожала плечами. И Бэдфорд, глядя на серебряный поднос, задумался над судьбой Эн Роан: "Сегодня она полна жизни, весела, счастлива. Но что будет, если завтра один из журнальчиков разворошит ее прошлое и его супруга предстанет обманщицей? Нет! Такого не должно произойти! Но что же делать? Эти людишки не успокоятся, не отступят, будут всячески преследовать Эн, поэтому надо действовать быстро и решительно. Прежде всего, супруга должна отправиться в круиз и подольше не возвращаться..."

Эльза Грифин будто прочла мысли шефа:

— Поиграйте с ними в кошки-мышки и в то же время попытайтесь побольше узнать об этом Дельберте. Есть же у него какое-нибудь слабое, уязвимое место?! Мне однажды встречалась подобная ситуация... Я где-то прочла... Человек не смог отрицать обвинения, предъявленного ему двумя шантажистами, и побоялся, что все станет достоянием общественности.

— Что же он сделал?

— Убил одного и представил доказательства, будто второй уничтожил первого. Одураченный шантажист попы-

тался отмыться перед судом, но над ним посмеялись и отправили на электрический стул.

— Что за чушь! — воскликнул Бэдфорд.
— Такое возможно только в сказках.

— Не спорю, — невозмутимо ответила женщина. — Однако написано было так убедительно, что история врезалась в память.

Бэдфорд озадаченно глянул на секретаршу: она раскрылась перед ним с неожиданной стороны.

— Никогда не думал, что вы так кровожадны, Эльза.

— Но тут я ни при чем. Это только рассказ.

— Вы что, любите читать детективы?

— Обожаю.

И он снова уставился на говорившую.

— Такие романы заставляют шевелить мозгами, — объяснила она.

— А мне казалось, что я хорошо разбираюсь в людях, — задумчиво прооронил Бэдфорд.

— Одинокая женщина должна уметь занять себя, — заметила Грифин, как бы оправдываясь, но без всякого вызова.

— Ну что ж, Эльза, для начала попробуем потянуть время. Если этот Денхем позвонит, не соединяйте его напрямую со мной, постарайтесь сами его как-то обнадежить. Если же начнет настаивать, тогда зовите, я переговорю.

— А что делать с этим? — спросила Грифин, указав на отпечатки пальцев.

— Уничтожьте. Только не бросайте в мусорную корзину: изрежьте на куски и сожгите.

Женщина понимающе кивнула и вышла.

Весь день от Бини Денхема не было ни звука. Этот человечек словно испытывал терпение Бэдфорда, который несколько раз справлялся о нем у секретарши.

— А не нанять ли вам частного детектива? — предложила Эльза. — За Денхемом не мешало бы проследить, когда он будет выходить из офиса...

— Ну уж нет! — возразил Бэдфорд. — Кто поручится за его молчание? Разнохает, и, как знать, не придется ли мне платить вдвойне. Нет уж, дудки! В общем, если Денхем позвонит, сообщите мне немедленно.

— Хорошо, — пообещала Эльза.

Но Денхем как в воду канул, и настроение Бэдфорда портилось.

Эн Роан не в пример мужу выглядела великолепно. В платье необыкновенно красивой расцветки она порхала по дому. Золотые волосы блестели и искрились.

Бэдфорд надеялся пообедать с ней наедине при свечах, но жена напомнила, что придут несколько друзей и ему придется переодеться и сменить галстук.

Трапеза необыкновенно удалась, хозяйка блистала среди немногочисленных гостей. И сам Стюарт чувствовал себя гораздо моложе своих лет: приободрился, расправил плечи. Даже его животик куда-то исчез, а голова молодцевато приподнялась.

«Несмотря ни на что, жизнь все-таки хорошая штука, а неприятности — проходящи», — подумал он, и как раз в этот момент зазвонил телефон. Дворецкий сообщил, что звонок деловой.

— Передайте, что я сейчас не расположен к подобным разговорам. Пусть перезвонят завтра в офис или оставят свой телефон, я свяжусь с ними через час-другой.

Дворецкий кивнул и вышел, а Бэдфорд почувствовал некоторое облегчение. Надо показать шантажистам (а в том, что это были они, Стюарт не сомневался), что он не собирается стоять перед ними на задних лапках. Однако дворецкий почти тотчас вернулся:

— Простите, сэр, но там заявляют, что дело не терпит отлагательства и вам перезвонят минут через двадцать.

— Хорошо, — стараясь не обнаруживать волнения, проговорил Бэдфорд. Однако чуть ли не каждую минуту он стал поглядывать на часы, и это не укрылось от супруги.

Извинившись перед гостями, Бэдфорд поспешил в свой кабинет, плотно закрыл за собой дверь.

В трубке раздался робкий голосок Денхема:

— Очень извиняюсь, что побеспокоил вас, сэр, но мне казалось, что вам надлежит знать следующее. Дельберт договорился передать сведения в журнал.

— С кем он разговаривал? — спросил Бэдфорд.

— Не знаю, сэр. Но ему обещали заплатить двадцать тысяч.

— Что за чепуха! — прервал говорившего Стюарт. — Никто не станет так тратить ради скандальных фактов. Тем более что я смогу опровергнуть их.

— Возможно, сэр, вы и правы, но мне бы хотелось, чтобы вы все-таки переговорили с Дельбертом. Думаю, вы бы сумели переубедить его. Мне это не удастся. Первое, что он собирается сделать, это пойти в журнал. По-моему, вы должны знать...

— Послушайте, Дельберт не должен

связываться с журналом, пока не закончил дело со мной.

— Да, но он ужасно боится вас.

— Меня?

— Конечно! Вот почему я и позвонил, сэр. Он считает опасным связываться с вами. Ему удобнее иметь дело с прессой, где хорошо заплатят и он не угодит в ловушку.

— Этот ваш приятель просто глуп! Я не собираюсь никому вредить, тем более что сам оказываюсь сейчас в пиковом положении. В конце концов я согласен заплатить известную сумму. Вам ясно?

— Все понятно, сэр. Думаю, Дельберт переменит решение, хотя страшно боится вашей мести.

— Что за глупости! — сорвался Бэдфорд. — Любое дело я основываю на доверии, на честном слове. Никого не подвожу. Переговорите с вашим другом и позвоните завтра в мой офис.

— Боюсь, что он сделает все уже этой ночью, сэр.

— Такое немыслимо!

— Если вы так уверены, то отложим до утра, — согласился Денхем.

— Подождите минутку! Повремените! Не вешайте трубку. Никто ночью не занимается денежными операциями.

— Не знаю, удастся ли мне удержать Дельберта.

— Я выпишу вам чек, — пообещал Бэдфорд.

— Боже милостивый, нет, сэр! Дельберт даже не хочет слышать об этом. Деньги должны быть наличными. Мой друг очень подозрителен.

— Ладно, но давайте рассуждать здраво: завтра утром я пойду в банк, получу деньги, и вы можете...

На другом конце провода послышался шум, кто-то спорил. Потом Денхем взял трубку:

— Вы должны сделать следующее, мистер Бэдфорд. Завтра утром, как только откроется банк, вы получите 20 тысяч долларов в туристических чеках. По сто долларов каждый. Пойдете в свой офис, и там я с вами встречу.

— Хорошо. До завтра.

И Бэдфорд услышал, как Денхем повесил трубку. Он вынул платок и вытер холодный пот со лба: "Не подслушал ли кто-нибудь разговор? Например, дворецкий, который мог быть человеком Эн Роан. Знает ли супруга шантажиста-коротышку? Кто этот чертов Дельберт? Существует ли он вообще? Может, Денхем выдумал его?"

Размышляя подобным образом, Стюарт полез в ящик стола, вынул пистолет

и уложил его в свой кейс. Потом вышел из кабинета, зашагал по лестнице, но неожиданно остановился, увидев супругу в комнате дворецкого. Она стояла спиной к нему и держала в руках тот самый серебряный поднос.

Глава третья

Бэдфорд негодовал. Ему пришлось двести раз расписаться на чеках, чтобы в сумме получилось 20 тысяч долларов.

Банкир, оформлявший эту операцию, не удержался от вопроса:

— Увеселительная или деловая поездка, мистер Бэдфорд?

— Ни то и ни другое, — буркнул бизнесмен.

Чиновник очень удивился, но промолчал. А Стюарт продолжал подписывать чеки в угрюмом безмолвии, но, чтобы не возбуждать излишнего любопытства банкира, попросил:

— Мне необходимо иметь еще немного наличных денег.

— О, понятно, — только и произнес тот.

В офисе Бэдфорд увидел ожидавшую его Эльзу Гриффин.

— Мистер Денхем и девушка ждут вас, — сказала она.

— Девушка?

Секретарша кивнула.

— Какая девушка?

— Внешне почти ребенок.

— Опишите ее.

— Блондинка, свеженькая, прекрасные ноги, тоненькая гибкая фигурка, большие сияющие синие глаза, глуповатое выражение лица...

— Ладно, пусть войдут. Оставляю дверь приоткрытой, чтобы вы все слышали.

— Какая роль мне отводится?

— Возможно, вы отдадите им деньги. Секретарша вышла.

— Доброе утро, мистер Бэдфорд, — выпалил с порога Денхем. — Хочу представить вам Джеральдину Корнинг.

Блондинка захлопала большими ресницами, уставившись на Стюарта, и несколько жеманно пролепетала:

— Просто Джери.

— Как вам она, мистер Бэдфорд? — спросил Денхем.

— Что вы хотите этим сказать? — сердито проговорил Стюарт.

— Могу услужить, — проворковала девушка.

— Послушайте, — насупившись, начал было Бэдфорд, — я хочу...

Он вдруг замолк, остановленный странным, настороженным взглядом Бини Денхема.

— У меня много неприятностей с Дельбертом. Постоянные недоразумения, — пожаловался гость.

— Допустим, — рассердился Бэдфорд.

— Но давайте кончать с этим.

— Чеки у вас?

— Они здесь, в кейсе.

— Тогда все в порядке! Я так и говорил Дельберту, что он может на вас положиться. Но мой друг все-таки боялся, а трусость всегда плохой советчик. Разве вы не разделяете моего мнения, мистер Бэдфорд?

— Не знаю, право, — мрачновато выдавил Стюарт.

Джери подбадривающе улыбнулась ему:

— По-моему, пора начинать. Пойдемте.

— И куда же это? — спросил растерянно Бэдфорд.

— Джери скажет вам, — усмехнулся Денхем. — Я спущусь с вами в лифте, если не возражаете, а потом оставлю наедине. Так будет лучше. — И, не дав возразить Бэдфорду, заметил: — Мне тоже не хотелось так действовать, потому что я верю вам на слово, а вот Дельберт ужасно подозрителен и боится всего. Он понимает, что вы человек влиятельный и легко можете навредить ему.

— Что за чертовщина! — взорвался Бэдфорд. — Хватит ломать комедию! Я плачу. Получайте деньги и проваливайтесь или я сам уйду!

Девица подошла к Стюарту и фамильярно похлопала по плечу:

— Вы слышали, что он сказал, Бини? Не вы уйдете, а он.

— Нет, — извиняющимся тоном проговорил Денхем, — сейчас мы отправимся вместе к лифту.

— Мне надо предупредить секретаршу, — заметил Стюарт.

Бини кашлянул:

— Дельберт настаивает на другом, — и коротышка открыл дверь лифта.

Они спустились вниз, где ждал припаркованный к тротуару желтый автомобиль.

— Вы не против женщины-шофера? — спросила Джеральдина.

— А вы хорошо водите?

— Так себе.

— Тогда лучше я сам сяду за руль.

Блондинка опустила на сиденье рядом, распрощалась с Бини, миссия ко-

торого была выполнена. Маленький человечек улыбнулся и откланялся.

— Счастливого путешествия, — сказал он, когда мотор взревел.

— Куда ехать? — спросил Бэдфорд.

— Прямо и вперед! — скомандовала блондинка.

Хорошо, что Эльза Грифин слышала все. Она вышла на улицу, чтобы записать номер машины. Стюарт бросил на нее тревожный взгляд, и автомобиль тронулся.

— Так что же дальше? — поинтересовался Бэдфорд у своей белокурой спутницы, едва их машина влилась в общий транспортный поток.

— Вы ведь не боитесь меня? — вопросом на вопрос ответила та.

— Конечно, нет. А все-таки?

— С вами ничего не случится. Не гоните, старина. Мы вдвоем можем провести очень приятно время.

Бэдфорд промолчал.

Девушка в ответ на его молчание строила глазки и проговорила: — Люблю общительных людей, с ними легче. Впрочем, как хотите. Поверните налево, за угол.

Он так и сделал.

— Теперь направо и поезжайте на север, — инструктировала Джери.

Дорога, видно, предстояла длинная. Теперь Бэдфорд точно исполнял все указания спутницы. А она, как бы невзначай, положила ему на плечо руку.

Стюарт понял, что Джери действовала по заданию, что за ними наблюдают. Он поднял глаза к зеркалу: на приличном расстоянии следовала одна-единственная машина.

— Теперь мы поедем прямо. И я скажу вам, где остановиться, — проговорила девушка. — Убавьте скорость. Не прозевайте мотель «Стейлонгер». Здесь остановимся и подождем.

— Мне зарегистрироваться? — спросил Стюарт.

Девица пожала плечами.

— Я буду сопровождать вас, пока дело не завершится. Бини считает, что в компании со мной вы будете меньше нервничать.

— Послушайте, я женат и не ищу острых ощущений!

— Это ваше дело, — спокойно ответила она. — Мы только убьем время, вот и все. Никто не собирается вас соблазнять.

Бэдфорд вошел в мотель. Хозяин улыбнулся ему, сверкнув золотыми зубами, но ни о чем не спросил.

Стюарт подписался как С. Д. Вилфред и тут же наскоро сочинил историю:

— Мы должны были встретиться с друзьями, но прибыли, наверное, слишком рано. У вас есть двойной номер?

— Конечно, все что прикажете, — угодливо проговорил хозяин.

— Тогда двойной номер!

— Пожалуйста, с вас 28 долларов.

Бэдфорда сначала возмутила слишком круглая сумма, но он посмотрел на девушку, сидящую в машине, и решил промолчать. Просто выложил деньги и взял ключи.

— Номер расположен внизу. Он с двойным гаражом, — сообщил администратор.

Бэдфорд поблагодарил, припарковал автомобиль и обратился к девушке:

— Что дальше?

— По-видимому, надо ждать, — ответила Джери.

Обстановка была роскошная: двуспальная кровать, маленькая кухня с холодильником, туалет и душевая в каждой из комнат.

— Где вы расположитесь? — спросила Джеральдина.

— Эта половина будет ваша, а та — моя, — проговорил Бэдфорд.

— Туристические чеки у вас? — поинтересовалась девушка.

Стюарт кивнул и решил выгрузить содержимое кейса на стол, но, когда открыл крышку, вспомнил про пистолет. Чтобы Джери не заметила оружия, он быстренько закрыл кейс, вынув лишь чековую книжку.

Джеральдина между тем сбросила жакет. Оценивающе посмотрела на себя в зеркало, будто бы изучая свои длинные изящные ноги, глянула на Бэдфорда.

— Мне бы неплохо освежиться, — заявила она и отправилась в соседнюю комнату.

Стюарт услышал журчание воды, а потом стук открывшегося и закрывшегося ящика. Заподозрив недоброе, Бэдфорд вошел к ней. Джеральдина стояла перед чемоданом полураздетая. Она несколько не смутилась, а только слегка приподняла брови.

— Вы чем-то встревожены? — спросила девушка.

— Нет, — коротко ответил он. — Мне просто показалось... странным.

Джери рассмеялась:

— Я не брошу вас, не волнуйтесь. Мне надо было кое-что достать из чемодана.

Стюарт разозлился на себя за то, что

невольно залюбовался ее фигурой. Он повернулся, вышел, чтобы через несколько минут снова постучать в соседнюю комнату.

— Можно войти? — спросил он, опасаясь снова застать ее почти в чем мать родила.

— Не корчите из себя юнца, входите, — крикнула Джеральдина.

Теперь она была в габардиновой юбке, красиво подчеркивающей фигуру, и в розовом свитере, облегающем высокую грудь. Тоненькая талия была стянута широким поясом.

Стюарт передал ей чеки. Она взяла, тщательно осмотрела, все ли в порядке, потом глянула на часы.

— Мне надо отлучиться на минутку. Вы останетесь здесь, — сказала она и вышла, заперев за собой дверь.

Бэдфорд вынул записную книжку, написал номер телефона Эльзы Грифин и записку с просьбой сообщить секретарше его местонахождение.

Потом Стюарт внимательно осмотрел чемодан Джери. На нем и на сумочке стояли две буквы: "Г" и "К". Больше ничего примечательного не было.

На лестнице раздались шаги, и девушка отперла дверь своим ключом.

— Я принесла виски. Хотите глоточек? — спросила она.

— Это не для меня, — ответил Стюарт.

Джери закурила и уселась на край кровати.

— Придется еще некоторое время подождать.

— Для чего?

— Чтобы все уточнить. Запомните, отсюда без меня вы не выйдете.

— Когда смогу вернуться к своим делам?

— После того, как поступит сигнал. Почему вы так нетерпеливы?

Бэдфорд не ответил. Тянулись минуты ожидания. Наконец он поднялся и зашагал по комнате.

Джеральдина удобно устроилась в кресле, покуривая и выставляя напоказ хорошенькие ножки.

— Не могу же я сидеть здесь без дела весь день! — выкрикнул сердито Стюарт.

— А вам бы хотелось уйти, не так ли?

— Конечно, тем более что есть неотложные дела.

— Успокойтесь, папуля. Давайте поиграем в карты.

— Во что?

— Без разницы.

— Какая будет ставка?

— Да какая угодно.

Бэдфорд колебался и выложил цент. Через час он уже проиграл 27 долларов.

— Бог с вами, давайте закончим, — проговорил Стюарт. — И все же когда, хотя бы приблизительно, я выберусь отсюда?

— После закрытия банков.

— Послушайте! Но ведь это же целая вечность!

— Не нервничайте, расслабьтесь. Деньги вы отдали, терять вам нечего. Садитесь, снимите пиджак, ботинки. Почему бы нам не выпить?

Она подошла к холодильнику, открыла дверцу, вынула кубики льда.

— Ладно, — сдался Бэдфорд. — Чем угощаете?

— Виски с содовой.

— Идет.

— Могу вам услужить и по-другому. Многие мужчины мечтали бы...

— По-моему, мы этот вопрос уже сняли.

— Тогда поговорим о чем-нибудь смешном. Знаете, наверное, забавные истории?

— Да, но мне совсем не до смеха.

Девушка открыла бутылку и налила большие бокалы.

— Вы что, с ума сошли?! — завопил Бэдфорд.

— Доза не смертельна, — улыбнулась девица, протягивая ему бокал. — А мне казалось, что вы поглядываете на меня, как кот на сметану, — вновь оживилась она после выпитого.

— Наверное, не больше, чем другие мужчины. Гляжу на вашу одежду, размышляю, сколько вы получаете.

— Если она вам не нравится, могу снять.

— Что вы! — взмолился Бэдфорд. — Я в том смысле — как вам живется.

— Как велят, так и живу, — усмехнулась она.

— И кто же инструктирует?

— Начальство. Те, от кого завишу.

— Знаете, например, Дельберта?

— Имя такое слышала.

— Что он за человек?

— Кое-что рассказывал Бини. Думаю, что проходимец, но ловкий и умный.

— С самим Бини хорошо знакомы?

— Конечно.

— О нем что скажете?

— Он хороший, добрый.

— А чем вы занимались раньше, до встречи с этими людьми?

— Была корреспонденткой.

— И профессиональной?

— Вот именно.

— Где работали?

— В разных местах... Лучше расскажите о ваших делах.

— Это довольно трудно, — отмахнулся он.

Девушка зевнула.

— Вы очень уж добродетельны, не так ли?

— Я женат.

— Разве это причина? Слушайте, давайте тогда снова поиграем в карты.

Они сражались до тех пор, пока Джеральдина не решила вздремнуть и не растянула молнию на юбке. Стюарт тут же направился в соседнюю комнату.

— Так мужчины не делают. Я была уверена, что вы не уйдете.

— Вы не собираетесь запереть входную дверь?

— Она закрыта.

— Разве?

— Совершенно точно. Ключи у меня. Не считайте меня дурой. Так не хотите ли подремать?

— Никогда не сплю днем.

— Дело ваше. Тогда еще карты или еще виски?

— А нет ли журналов?

— Мое начальство считало, что развлекать вас надо по-другому, — проговорила девица и хихикнула.

Бэдфорд вошел в свою комнату и сел. Не привыкший к безделью, он сначала заскучал, а потом чуть ли не задремал. Запах духов защекотал его ноздри и заставил открыть глаза. Блондинка стояла около него и держала в руках какой-то листок.

— Что опять случилось? — спросил он.

— Маленькая накладка. Придется еще подождать.

— Сколько теперь?

— Ничего не сообщили.

— Надо бы тогда поесть, — проговорил он.

— Об этом они позаботились. Можно выйти и пообедать. Все оставшееся время вам придется терпеть мое общество. И никаких телефонных звонков. Если ослушаетесь, плакали ваши денежки, и Дельберт сразу отправится в редакцию. Вообще-то, насколько я понимаю, вам не собираются причинять неприятностей. Совсем наоборот — хотят, чтобы вы были довольны и не нервничали. Поэтому приставили меня вас развлекать.

— А как вы с ними связываетесь? — спросил Бэдфорд.

— Секрет фирмы. А разве вы не заметили?

— Ладно. Поедем куда-нибудь.

Они сели в автомобиль. Джери беззастенчиво к нему прижалась, положила руку на плечо. И Стюарт удивился, что не оттолкнул ее на этот раз.

— Вот так-то лучше, — просияла девица.

Стюарт медленно вел машину.

— Странно, вы совсем юная, но уже многоопытная, — заметил резковато Бэдфорд. — Как вам это удалось?

— Все зависит от усердия, — отпарировала Джери. — Я догадываюсь, вы старовер в житейских вопросах. Плывете по течению. Я не такая.

— А разве плыть по течению так уж плохо? — спросил он.

— Плохо, вы не понимаете философии жизни. Но я не собираюсь вас обучать, тем более на голодный желудок.

Молча они проехали еще пару миль.

— Давайте остановимся вот здесь, — тоном, не терпящим возражений, заявила девица и указала на таверну, расположенную на берегу моря.

Они уселись за столик, казалось, повисший над самой водой. Светило солнце, было тепло, их время от времени обдавало солеными брызгами. Они поели жареного мяса, сдобренного большим количеством лука. Потом десерт и напитки — бренди, бенедиктин.

За обед платил Бэдфорд. Он отдал официанту чаевые и записку, которую спрятал между купюрами. Потом посмотрел на Джеральдину, не заметила ли она его хитрости, проследил, чтобы девушка вышла до того, как официант развернет записку. Стюарт надеялся, что перехитрил свою стражу. Однако, когда они сели в автомобиль и поехали вдоль берега, он пожалел о содеянном.

Все могло оказаться бесполезным и даже вредным. Получив 20 тысяч долларов, эти люди вроде бы и не собирались скандалить. Тем более что у них возникла возможность трясти и дальше его кошелёк. А если хорошенько подумать, то становится ясным, что главные действующие лица — Бини Денхем и эта блондинка. Уж не придумала ли все это сама Джеральдина? Женский ум изобретателен. Не исключено, что тот же Бини только исполнитель ее планов.

Они ехали молча, и девица очень активно прижималась к нему.

— Вы мужчина, не обиженный природой. И скромный к тому же. Сейчас это редко встречается.

— Спасибо за комплимент, — ответил сдержанно Стюарт.

— Давно женаты?

— Около двух лет.

— Счастливы?

— Вроде бы да... Как вы думаете, когда мое положение окончательно прояснится?

— По-моему, потребуется еще немного времени.

— А до тех пор вы будете меня таскать за собой?

Блондинка медленно подняла на него глаза:

— По всей вероятности, так и будет.

— А почему сам Бини не занимается этим?

— Все считают, что с ним вы не были бы так терпеливы.

— Кто это все? — спросил он.

— Я и остальная братия, — ответила девица. — Но давайте отвлечемся, поговорим о политике, о сексе, о бизнесе. Мы-то с вами всегда можем прийти к согласию.

— Вы так думаете?

— Уверена. Я умею логически рассуждать. А пока... выпьем чего-нибудь.

— Можно остановиться в придорожном кабачке, — предложил Бэдфорд.

Джери не согласилась:

— Лучше вернемся в мотель. Я приведу себя в порядок, попудрю нос, например. И вы мне расскажете, как попали в эту историю — я не все знаю.

— Нет. Обойдем эту тему.

— Ладно. Поехали назад. По-моему, вы случайно вляпались в нее. Вам велели выложить денежки, вы и заплатили, а дальше плывете по течению. И я с вами. Это ведь легче, чем сопротивляться. И со мной было такое. Но вы все-таки должны возмутиться!

— Я неопытен в подобных делах, умею только работать.

— Тогда посоветуйтесь со мной. Я подскажу простейший выход.

Некоторое время они ехали молча. Наконец девушка заговорила:

— Есть только один способ выпутаться из сети. И притом для нас обоих.

— Что вы предлагаете?

Но она только качнула головой и ближе придвинулась к нему. А Бэдфорд лихорадочно размышлял. Какой же он был дурак, оказавшись во власти Бини Денхема. Плакали его денежки. Эта игра, возможно, затеяна, чтобы без конца "доить" его. Бэдфорд понимал: что-бы бороться, необходим хотя бы план. Но у него нет и его.

Он повернул в мотель. Хозяин принял их радушно, сразу узнав машину.

Стюарт въехал в гараж, а Джеральдина открыла дверь в номер, подошла к холодильнику, достала кусочки льда,

чтобы положить их в стаканы, и налила виски. Потом чокнулась со Стюартом:

— За победу!

Они потихоньку потягивали содержимое бокалов.

Джеральдина сбросила туфли.

— Умираю хочу спать, — вдруг заявила она, устраиваясь поудобней в кресле. А я узнала кое-что о вас, — долетел до Бэдфорда ее полудремотный голос.

— Что, например?

— Вы застенчивы и нерешительны с женщинами. Расскажите что-нибудь о своей жене.

— Не будем говорить о ней.

— Не хотите обсуждать это со мной?

— Не только с вами.

— А мне интересно, как женщинам удается заставить мужчин любить их.

— Она великолепна, — сказал Бэдфорд.

— Вот новость! Я знаю это. Не тратьте времени, описывая ее прелести. Любопытно, как она относится к жизни и почему Бини положил на нее глаз.

— Вы думаете?

— Конечно, даже уверена. Мне бы хотелось помочь ей. — Джери откинулась на подушку, зевнула и проговорила совсем сонным голосом: — Вот так штука! Я уже сплю.

Воцарилось молчание. Бэдфорд и сам улегся на кровать, стал думать о жене. Что бы он мог рассказать о ней Джеральдине? Например, о ее необыкновенной жизнерадостности, остроумии, нестандартных суждениях о жизни...

Джери уснула, и он сам почувствовал непреодолимое желание вздремнуть. Стюарт то закрывал, то с трудом открывал глаза, пока внезапная мысль не обожгла его: "В спиртное что-то подсыпали!"

Усилием воли он попытался встать с постели, но не смог. Одолевала сладкая дремота. Ему слышались голоса, шелест бумаги, шум мотора. Бэдфорд сознавал, что лежит на кровати в мотеле. В комнате, кроме него, девушка. Они оставили бутылку недопитой, когда уезжали из мотеля. В их отсутствие кто-то входил в номер и подсыпал снотворного в виски. А сама Джери — нормальный, добрый человек. Сначала он ненавидел ее, но потом понял, что ошибался. Девушка по-доброму отнеслась к нему. Ей было обидно, что он так равнодушен к судьбе, поэтому она и спросила о его жене.

Мысли об Эн Роан заставили Стюарта открыть глаза. В комнате было полу-

темно, свет проникал только из-под двери. Бэдфорд заметил кусок бумаги, приколотый к левому рукаву пиджака, зажег свет и прочел: "Все выяснилось. Можете уезжать. С любовью, Джери."

Стюарт удивленно пожал плечами: "Уезжать так уезжать".

К Джеральдине у него осталось теплое чувство. Девушка была действительно очень хорошенькая, и жаль, что он не может с ней попрощаться.

Машинально он толкнул дверь в соседнюю комнату. Там на полу в луже крови лежал человек. Это был Бини Денхем. Даже на мертвом его лице застыла маска извинения: ему будто было неловко за испорченный ковер.

Глава четвертая

НА МГНОВЕНИЕ Бэдфорд окаменел, а потом бросился вон, схватив шляпу и кейс. Гараж был пуст. Автомобиль исчез. Надо теперь искать такси. Офис хозяина мотеля находился на соседней улице. Тот, конечно, начнет пустые формальные расспросы, а Стюарту сейчас это было совсем ни к чему. Он быстро обошел здание, обнесенное забором, полез сквозь железную решетку, но зацепился и порвал брючину. Наконец он оказался на свободе. Впереди — поле, а сзади — освещенный мотель. Стюарт вышел на дорогу, ведущую к главной магистрали.

Вдруг один из обгонявших его автомобилей резко притормозил, дверца открылась, и он услышал знакомый голос.

Это была его секретарша.

— Садитесь в машину, садитесь же! — прокричала она.

Бэдфорд быстро скользнул внутрь.

— Что случилось? — только и могла произнести Эльза.

— Не знаю, не спрашивайте. Мне грозят неприятности. Как вы очутились здесь?

— Раздался телефонный звонок, и кто-то, назвавшийся официантом, рассказал о вашей записке и обещанном вознаграждении.

— Да, да, — прервал Эльзу Бэдфорд. — И что же вы сделали?

— Поехала в мотель, заказала номер. Назвалась первым пришедшим в голову именем и дала вымышленный адрес. Желтую машину я сразу заметила. Она была нанята в одном из местных транспортных агентств. Затем я выбрала наблюдательный пункт и внимательно

следила за автомобилем. Часа через полтора машина поехала, я за ней. На некотором расстоянии, конечно, однако старалась не отставать. Блондинка находилась в машине одна. Потом я вернулась в мотель и припарковалась. Надо сказать, что все последнее время было для меня ужасным. Оставаясь в полном неведении, я очень беспокоилась: вы живы или уже отдали Богу душу? Когда же заметила вас в дверях мотеля, я тут же прыгнула в машину — и за вами.

— Случилось ужасное, Эльза. В номере мертвец.

— Кто он?

— Бини Денхем.

— А что произошло?

— Боюсь, его застрелили, а меня подставили. Прошлой ночью я на всякий случай положил в кейс пистолет...

— Я и предчувствовала какую-то беду.

— Ничего определенного сказать не могу. Я спал... Кто-то, видимо, заходил в номер, пока мы с Джеральдиной обедали, и насыпал в бутылку с виски снотворного.

— Ладно. Сейчас поедем к Перри Мэйсону, детективу, он ждет нас в своем офисе.

— Кто это вас надоумил обратиться к нему?

— Говорю же, что было плохое предчувствие, поэтому и позвонила мистеру Мэйсону вскоре после вашего отъезда. А час назад снова связалась с ним, когда увидела удирающую вашу блондинку и заподозрила неладное.

Стюарт одобрительно похлопал девушку по плечу:

— Вы мой ангел-хранитель, Эльза! Поехали.

Глава пятая

ЧАСЫ ПОКАЗЫВАЛИ начало одиннадцатого, но, несмотря на позднее время, Перри Мэйсон сидел в своем офисе.

— Подождем до одиннадцати и по домам, — сказал он секретарше.

— Но Грифин очень просила дожидаться их, — заметила Делла Стрит.

— А что она еще сказала?

— Что ее шефу позарез надо уже сегодня увидеться с вами, что за деньгами они не постоят.

— Как-то странно все это. А вы хорошо знаете секретаршу Бэдфорда?

— Раза три-четыре встречались. Рассудительна, весьма привлекательна...

Подождите минуточку, не они ли? — Делла Стрит отперла тяжелую дверь, впуская Эльзу Грифин и Бэдфорда.

— Слава Богу, что мы вас застали! — с трудом переводя дух, проговорила Эльза.

— Что случилось, мистер Бэдфорд? — протягивая руку, нетерпеливо спросил Мэйсон.

— По-моему, все это не стоит того, чтобы морочить голову на сон грядущий.

— А мне кажется, что дело очень опасное, — вмешалась Эльза.

Хозяин офиса указал гостям на стулья:

— Садитесь, пожалуйста, и расскажите все с самого начала.

— Обстоятельства свели меня с человеком, который назвался Бини Денхемом, — начал бизнесмен. — Не исключено, что имя это вымышленное. Так вот, этим вечером он был убит или застрелился в мотеле "Стейлонгер".

— А полиции что-нибудь известно?

— Пока нет.

— Так все-таки убийство?

— Пожалуй, да.

— Откуда вам известно?

— Он видел тело, — опять вмешалась Грифин.

— Кому-нибудь сообщили о случившемся?

— Нет, хотели сначала повидаться с вами, — снова вставила секретарша.

— Что у вас общего с убитым?

— Частное дело, — пояснил Бэдфорд.

— В чем конкретно оно состоит? — опять спросил Мэйсон.

— Это касается только меня. И раз Денхем теперь мертв, одним посвященным меньше.

— И все-таки поясните хотя бы суть, — не сдавался детектив.

— Шантаж, — проговорила Эльза.

— Я так и предполагал, — заметил Мэйсон мрачновато. — Теперь выкладывайте свою историю. И без утайки!

— Расскажите, Стюарт. Или я сама...

Бэдфорд нахмурился, в сердцах махнул рукой и рассказал обо всем. Даже показал фотографию с отпечатками пальцев и остальное содержимое досье, заведенного на его жену полицией.

— Эти люди оставили мне все, — сказал он, передавая пакет Мэйсону.

Тот внимательно осмотрел фотографию:

— На снимке ваша жена, тут сомнений нет. А как насчет отпечатков пальцев? Вполне вероятен подлог.

— Нет, это ее отпечатки, — заявил Бэдфорд.

— Откуда вам известно?

Стюарт рассказал о серебряном подносе для коктейлей.

— Вам придется сообщить об убийстве, — сказал Перри.

— А что будет, если я этого не сделаю?

— Возможны серьезные неприятности. Пусть ваша секретарша сейчас же позвонит в полицию, не называя, разумеется, своего имени. Надо только сказать, что тело находится в номере мотеля "Стейлонгер".

— Может быть, это сделаю я сам? — заметил Стюарт.

Однако Мэйсон не согласился:

— Лучше поручить секретарше. Пусть в трубке прозвучит девичий голос.

— Почему?

— Чтобы они стали искать девушку.

— А что нам делать дальше? — спросил Бэдфорд.

Словно не слыша его вопроса, Мэйсон повернулся к Эльзе:

— Номерной знак того автомобиля?

Грифин прочла записанное:

— СХУ двести двадцать один.

Мэйсон тут же набрал номер Пола Дрейка и услышал в трубке сонный голос владельца частного сыскного агентства.

— Пол, мне вы нужны лично, — без всяких приветствий начал Перри.

— Бог с вами, — запротестовал Дрейк, — разве еще не спите?

— Полиция разыскивает убитого в мотеле "Стейлонгер". И мне бы хотелось знать поподробнее об этом деле.

— Каком деле?

— Самом обыкновенном, — ответил Мэйсон.

— Никакого покоя ни днем ни ночью, — пожаловался Дрейк. — Неужели нельзя отложить это до утра или поручить кому-нибудь другому?

— Нельзя терять ни минуты, — ответил Мэйсон. — У нас есть номерной знак автомобиля. Надо, чтобы вы нашли машину и того, кто ее арендовал.

— Ладно, кого к вам направить для работы?

— Желательно Лероя Шелби. Это в том случае, если вы сами поведете машину. Уверен, этот парень все узнает и доставит из-под земли интересующий нас автомобиль.

— Хорошо, — устало проговорил Дрейк. — Но полиция спросит у Шелби, кто его нанял.

— Вы его прикроете, а в случае чего объясните, что я, мол, плачу вам.

Дрейк вздохнул с облегчением.

Мэйсон наконец повесил трубку и заговорил с Бэдфордом:

— Ваша задача — объяснить жене, что вы задержались где-то на совещании или конференции.

— Если она еще не спит, возможно, смогу.

— Тогда желаю удачи, — сухо бросил Мэйсон. — Будьте дома, чтобы мне удалось связаться с вами утром. Если кто-нибудь станет приставать с вопросами, например, захочет узнать о тех туристических чеках, — ссылайтесь прямо на меня, ничего не обсуждая.

Бэдфорд понимающе кивнул и вышел из офиса. Эльза Грифин было направилась за ним, но Перри остановил ее:

— Дайте ему уйти и подумать в одиночестве.

— Что мне делать после того, как позвоню в полицию? — спросила Эльза.

— Получите от них какое-нибудь ценное указание и придерживайтесь его.

— Мне вернуться сюда?

— Зачем?

— Тревожно как-то, хочется знать, как развернутся события. Вы же собираетесь ждать здесь, не так ли?

Детектив согласно кивнул.

— Вот и мне не уснуть, а надоедать вам телефонными звонками...

— Хорошо. Помните, что надо сказать полиции?

— Только о трупе.

— Вот именно.

— Они, конечно, захотят знать, кто говорит.

— Мало ли что они захотят. Если же прервут вас вопросами, виляйте, но не давайте прямого ответа. Лучше вообще повесить трубку, как только сообщите о покойнике.

— Нет ли тут чего-то противозаконного?

— А именно?

— Ну, когда человек находит труп и убегает, ничего о нем не сообщив...

— Постарайтесь остаться инкогнито, иначе вас могут обвинить.

Грифин вышла, а Делла Стрит подошла к шефу:

— Хотите кофе?

— Кофе, пончики, сыр, картофель... Что за ужасающая смесь на ночь! — проворчал Мэйсон.

Секретарша заулыбалась.

— Возьмите термос, Делла, и наполните его кофе. Нам, может быть, придется всю ночь работать.

(Продолжение следует)

**Не оттого ли говорим стихами
И любим вас мы всех до одного?!**

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Сам себе тренер

Уроки дает
европейский
директор
Международной
тренинговой
ассоциации
по боевой
подготовке
правоохранительных
органов
Иосиф ЛИНДЕР.

Тема занятия: дыхание как основной секрет боевых искусств. Общие и специальные дыхательные упражнения

На протяжении многих веков лечебно-оздоровительная сторона боевых искусств Востока считалась весьма существенной. Благодаря ей постепенно приобщали к занятиям детей, что имело важное значение для ранней профессиональной специализации, и поддерживали наилучшую форму у зрелых мастеров, которым приходилось выносить тяжесть изнурительных тренировок и иметь достаточный запас прочности для экстремальных ситуаций, а также возможность эффективного восстановления сил после больших физических, психологических, энергетических затрат. Регулярные занятия позволяли до старости сохранять крепость тела и бодрость духа, способность к продуктивной жизнедеятельности.

Знакомство с лечебно-оздоровительными ресурсами дальневосточных боевых искусств мы начнем с дыхания. И не случайно, ибо это не только основной "секрет", традиции, но вообще основа жизни. Общеизвестно, что не дышать человек не может, но как дышать правильно? Старейшее изречение о методе правильного дыхания, датированное VI веком до нашей эры и высеченное на камне, гласило: "При дыхании нужно поступать следующим образом: задержать дыхание, оно накапливается, если накопилось, распространяется дальше, если распространяется дальше, то спускается вниз, когда спустилось вниз, становится спокойным, если станет спокойным, укрепляется. Если выпустить, то оно растет, когда выросло, нужно снова сжать. Если его сжать, оно достигнет макушки головы... Тот, кто следует этому методу, живет, а кто действует наоборот, умрет."

Древние философы и врачи считали, что дыхание позволяет человеку поддерживать на должном уровне жизненную энергию ЧИ (или ЦИ) — основу всего живого, уравновешивающую две полярные космические силы — ЯН (мужской, светлый, активный, Солнце, день, лето и т.д.) и ИНЬ (женский, темный, пассивный, Луна, ночь, зима и т.д.). Постоянное противоборство и взаимодействие этих начал создают неповторимую гармонию жизни. Правильное дыхание готовит организм к предстоящей работе и дает отдохнуть ему после однообразного и тяжелого труда, восстанавливает размеренность мышления, снимает напряжение, волнение и раздражение, а также разбитость и апатию.

В трактатах Древнего Китая указывалось, что дыхание дает предпосылки для устойчивого настроения и "должно быть непрерывным, ненапряженным, спокойным и тонким, как будто его нет, но оно есть, нужно быть радостным, тогда дыхание станет тише и тоньше, а настроение ровным и спокойным."

Эта мысль находит продолжение и в другом древнекитайском трактате: "Настроение делает разум сильным, а мозг разумным".

Каковы же основные упражнения дыхательного комплекса цигун?

I. Промежуточные дыхательные упражнения.

1). Нижнее.

Исходное положение — лежа, стоя, сидя: вдох через нос, во время вдоха плечи и грудь остаются в покое, живот выпячивается, диафрагма опускается вниз, помогая наполнить нижние отделы легких воздухом. Выдох через нос или открытый рот, свободный, во время выдоха живот втягивается.

2). Среднее.

Исходное положение — то же. Вдох через нос. Во время вдоха живот и плечи остаются неподвижными, а грудная клетка расширяется, ребра несколько разворачиваются, воздух заполняет в основном средние сегменты легких. Выдох через нос или открытый рот, свободный, грудная клетка сжимается.

3). Верхнее.

Исходное положение — то же. Вдох через нос, во время вдоха живот и грудь остаются неподвижными, плечи приподнимаются, голова несколько отклоняется назад, что способствует заполнению воздухом преимущественно верхних отделов легких. Выдох в обратном порядке: голова наклоняется вперед, плечи опускаются.

4). Объединенное.

Исходное положение — то же. Вдох через нос свободный, вначале выпячивается живот, диафрагма опускается вниз, затем расширяется грудная клетка, и в последнюю очередь поднимаются плечи и несколько назад отклоняется голова. Выдох через нос или открытый рот в следующем порядке: вначале втягивается живот, поднимается диафрагма, сжимается грудная клетка, опускается голова и плечи.

Упражнения приведены в последовательности, рассчитанной на их поэтапное освоение. Начать занятия можно с утреннего и дневного комплексов, проделывая каждое упражнение по 3–4 раза, свободно, без напряжения. Позднее их можно проделывать перед началом и после окончания работы, а также в перерывах.

II. Полное дыхательное упражнение.

Исходное положение — стоя или сидя. Вдох такой же, как и при объединенном дыхательном упражнении. Во время вдоха руки сгибаются в локтях и подтягиваются к подмышечной области, кисти сжаты в кулаки. Выдох состоит из двух фаз: первая — выдох через нос. Порядок выдоха такой же, как и при объединенном дыхании. Руки движутся вперед-вниз, затем вверх-наружу, делая полный оборот, опять соединяются внизу и подтягиваются к подмышкам. Вторая фаза — выдох через рот, несколько напряженный, с усиленной работой мышц передней брюшной стенки, межреберных мышц. Руки с напряжением опускаются вперед-вниз.

Людям, страдающим головными болями, повышенным давлением, головокружением, это упражнение необходимо выполнять спокойно, без напряжения во второй фазе.

III. Дыхание с задержкой.

Исходное положение — сидя, стоя, лежа. Вдох через нос, при этом кончик языка поднимается к небу, затем — пауза (язык при-

жат к небу) и выдох через рот и нос одновременно либо через нос. Во время упражнения мысленно произносятся слова, составляющие специальные фразы, причем первое слово — на вдохе, последнее — на выдохе, остальные — в течение паузы. Количество слов постепенно возрастает: 3–5–7–9, что способствует удлинению паузы между вдохом и выдохом.

Примерные фразы для повторения: "Я ровно дышу", "Мне надо дышать спокойно, ровно", "Спокойное, ровное, ритмичное дыхание помогает мне успокоиться", "Спокойное, ровное, ритмичное дыхание помогает мне настроиться на работу".

Можете придумать свои варианты или просто медленно считать в уме.

Этот вариант отличается от предыдущего тем, что пауза делается после вдоха. Необходимо вдохнуть — выдохнуть, затем — пауза, во время которой язык прижат к небу, и так же медленно проговариваются (мысленно) фразы.

IV. Комплексные дыхательные упражнения.

1). Встречное дыхание.

При вдохе грудная клетка расширяется, живот втягивается, а при выдохе — наоборот, живот выпячивается, грудь сжимается.

2). Очистительное дыхание.

Исходное положение — стоя, сидя. Вдох через нос, при этом руки сгибаются в локтях, кисти подтягиваются к подмышечным впадинам, живот выпячивается, грудь расширяется. Маленькая пауза (язык прижат к верхнему небу) и далее — выдох, производимый через рот за счет легких сокращений мышц груди и живота (зубы плотно сжаты). Вы услышите легкий свистящий звук. Руки на выдохе опускаются вниз по мере выпуска воздуха, ладони направлены к полу. Продолжительность выдоха превышает время вдоха в 4–8 раз. Сильно не напрягайтесь, ибо может повыситься артериальное давление.

Это упражнение целесообразно после длительного сидения в малоподвижной или неудобной позе. Для гипертоников наиболее приемлем другой вариант: при выдохе зубы разжимаются, губы образуют круглое отверстие, через которое и производится спокойный выдох.

V. Подражательная система дыхания.

Упражнения этого раздела имитируют поведение животных, которые принимают, почувствовав близость жертвы или хищника. Дыхание выполняется с разной эмоциональной окраской: радость, удивление, гнев, осторожность. Вдох резкий, короткий, активный — только через нос. Выдох пассивный, без акцента на нем. Ритм дыхания от 60 до 180 раз в минуту. В целом сначала проделывается 10–12 активных эмоциональных вдохов, а затем 1–2 полных дыхательных упражнения. После чего опять выполняется активное подражательное дыхание и вновь 1–2 полных дыхательных упражнения. Сделав передышку, можно сменить эмоциональный фон.

Подобные упражнения способствуют хорошей подготовке к трудной работе, особенно умственной, и быстро восстанавливают настроение после тяжелой физической или психологической нагрузки.

Добрый совет: не стоит торопиться в изучении дыхательных упражнений, так как от правильности и всесторонности постановки

дыхания зависит эффективность выполнения статических и динамических комплексов системы цигун, о которых мы расскажем в последующих публикациях.

А теперь настало время сосредоточиться на дзэнских принципах рационального дыхания и специальных упражнениях, практикуемых в школе Кекусинкай. Эта психотехника оказала существенное влияние на развитие боевых искусств.

Один из методов обучения правильному дыханию в дзэне заключается в полном освобождении легких. Воздух выпускают так, будто он выдавливается с помощью тяжелого свинцового шара (сначала шар погружается в грудную клетку, затем в живот, а потом "вываливается" на землю). Возвратный вдох — рефлекторный: воздух не втягивается, а просто впускается. В дзэнской интерпретации — это не столько дыхательное упражнение, сколько "наблюдение", и "отпущение" дыхания, которое должно стать естественным.

В дзэне различалось четыре типа дыхания: плечами, грудью, животом и носками ног (!). Последний, по-видимому, подразумевает связь процесса дыхания с циркуляцией жизненной энергии в организме. Однако в боевых искусствах далеко не все типы нашли практическое применение. Постоянное дыхание плечами на Востоке считается признаком нездоровья. Частое повторение глубокого дыхания грудью влияет еще хуже, чем одышка. "Солнцем", боевых искусств стало нижнее дыхание животом. Помимо специального предназначения для борьбы оно улучшает мышечный тонус, общий баланс тела, пищеварение, снимает нервное напряжение, открывает доступ к другим методам традиционной психологической подготовки. Важно и то, что дыхание животом как бы объединяет верхнюю и нижнюю части тела, а в единстве тела — предпосылка гармонии тела и духа.

Первый шаг к контролю дыхания — освоение его основ. Из исходного положения — ноги на ширине плеч — надо спокойно выдыхать через нос, отводя плечи назад (но не поднимая их), пока легкие естественно не наполнятся. Затем воздух вытесняется через нос (образ шара). При этом мышцы диафрагмы спрессовываются за счет опускания груди и поднимания таза (сутулиться нельзя). И наконец, с помощью подбивающего движения тазом вверх и сжатия ягодичных мышц на выдохе выталкивается остаток воздуха.

Второй этап тренировки — образное переклассифицирование. На вдохе (спокойном, через нос) можно представить, что весь воздух Вселенной сконцентрировался в нижней части живота, наполняя ваше существо силой природы. Выдох аналогичный, но через рот, с напряжением мышц тела, особенно диафрагмы. В обоих случаях вдох и выдох длится около 30 секунд каждый.

Такое дыхание укрепляет живот, позволяет принимать мощные удары, способствует духовной уравновешенности, снимает одышку, эмоциональные стрессы, чувство страха.

Третий этап тренировки — освоение специальной силовой дыхательной системы. В японской терминологии — ибуки (вариант жесткого цигуна), имеющий две фазы: вдох (отрицательная "ночная" фаза), который выполняется через нос и быстро

(0,5–1 с), и выдох (соответственно положительная "дневная") — через рот и медленно (около 5 с) с большим напряжением всех мышц. Выдох мощный, на грани крика — нечто среднее между сильным шипением и хрипом. Для примера — метод психотехники древних окинавских мастеров: они выходили на берег моря и делали мощный выдох против ветра (преодолевая его сопротивление), одновременно стараясь заглушить шум прибоя.

Ибуки легче всего выполнять стоя, ноги на ширине плеч. На быстрый вдох свободные руки оттягиваются к подмышкам ладонями вверх. На медленный выдох руки опускаются вдоль тела ладонями вверх. Предостережение — ибуки не рекомендуется на морозе, чтобы не переохладить носоглотку.

В дальнейшем силовое дыхание можно сочетать с разными движениями и положениями тела.

Следующая специальная система дыхания — ногаэрэ, которая отличается от ибуки бесшумным выдохом (тоже через рот) в сочетании с полным расслаблением тела (ногаэрэ 1). Выполнение упражнения несколько раз подряд позволяет быстро "накачать" организм кислородом и восстановить психологическое равновесие.

Заслуживает внимания и стабилизирующий вариант дыхания (ногаэрэ 2), смысл которого, в частности, в контролируемом замедлении пульса после физической или психологической нагрузки. Начало — то же, но после быстрого вдоха дыхание задерживается (4–5 с), руки с напряжением выпрямляются пальцами вперед, а затем на бесшумном выдохе следует фаза общего расслабления — руки как бы беспомощно разводятся в стороны и опускаются к бедрам.

Хорошо освоив отдельные упражнения, можно выполнять их комплексно, в различных комбинациях — вначале в чисто учебных целях, а затем сообразуясь с возможностями их применения в конкретных жизненных ситуациях. Например, если нужно от состояния покоя перейти к готовности к действиям, следует сделать 3–5 дыханий ногаэрэ 1, а следом 2–3 дыхания ибуки. Если необходима мгновенная мобилизация всех сил или, напротив, резкое расслабление — решительно и с максимальной отдачей сделайте 3–5 дыханий ибуки. Подобный прием, направленный на волевое включение резервных возможностей организма, используют для "саморегимации", после сбоев дыхания (в результате сильного удара в солнечное сплетение, неудачного падения и др.) либо для выхода из полуобморочного состояния. Для восстановления сил, потраченных на изнурительную работу, борьбу, выполните следующий цикл: 3–5 дыханий ногаэрэ 1, чтобы "прокачать", и "проветрить", легкие, установить нормальный дыхательный ритм; 3–5 дыханий ногаэрэ 2, дабы стабилизировать дыхание и замедлить пульс (на задержке перед выдохом); 3–5 возбуждающих и мобилизирующих дыханий ибуки.

Выбор различных упражнений зависит от индивидуальных особенностей человека, уровня его подготовки и т.д. Но так или иначе освоение основных принципов, методов, приемов дыхания незаменимо для овладения более сложными формами дыхательно-двигательной ориентации и методами психорегуляции, речь о которых — впереди.

Библиотека в вашем доме

СЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ домашняя библиотека? Кому-то этот вопрос, возможно, покажется странным. Вроде бы что тут мудреного: покупай книги и составляй ряды, и чем больше книг и обширнее библиотека, тем лучше — на радость вам, на зависть окружающим. Однако, если вы намерены подбирать книги под цвет обоев или ковров, подобное беспорядочное, суетное собрательство вряд ли принесет пользу.

Итак, как бы я вам посоветовала «строить» свой книжный арсенал. Н. П. Смирнов-Сокольский предложил когда-то довольно простую типизацию домашних библиотек. По его мнению, существует два их основных вида. Первый — рабочая библиотека, в которой собраны книги, необходимые для повседневной деятельности, связанной с самовоспитанием, самообразованием, накоплением. Второй — наиболее любимые книги, к которым мы привыкли обращаться в ту или иную минуту, в зависимости от настроения.

Не буду оспаривать мнение известного артиста, библиофила и подвергать сомнению его классификацию, но мне кажется — а вы вольны со мной не согласиться, — что домашняя библиотека многофункциональна. Если, конечно, вы стремитесь идти в ногу со временем. Неоправданны попытки вместить свое «я» либо в границы художественной литературы, либо в рамки литературы справочного характера. Разумнее — сочетать то и другое.

В раздел справочной литературы подбирайте издания профессионального толка, которые незаменимы при решении трудных вопросов в той или иной отрасли знаний: энциклопедические словари, в том числе и военный (в семье военнослужащего он нужен не только взрослым, но и детям), медицинские и юридические справочники. Это, понятно, лишь минимум, причем для каждого свой, который по возможности следует расширять. Во многом он зависит от специфики вашей служебной и трудовой деятельности, интересов и наклонностей, в то время как на комплектацию раздела художественной литературы в большей степени влияет ваш вкус и... Увы, приходится учитывать и такую суровую в нашей самой читающей стране мира

реальность, как дороговизна, — от нее не отмахнуться. Привычные, ставшие чуть ли не нормальными пробелы восполнят так называемые толстые литературно-художественные журналы, тоже, к сожалению, не очень дешевые и, на мой взгляд, мало рассчитанные на массового читателя. Но именно в них можно найти произведения незаслуженно забытых авторов, почерпнуть сведения о белых пятнах в историческом далеком и недалеко прошлом, принять участие в острых публицистических дискуссиях.

С точки зрения дизайнера, журнал, конечно, мало украсит вашу книжную полку. Но, по-моему, стоит пожертвовать интерьером и определенной суммой денег ради действительно интересных произведений.

Думаю, ваше внимание привлечет и уникальная серия «Популярная библиотека», которую издают Книжная палата и Институт книги. В нее включены произведения, заслужившие наивысшую читательскую оценку.

Если вас привлекает история, поспрашивайте заполучить в свою библиотеку Н. Карамзина, С. Соловьева, В. Ключевского, а также произведения известных романистов-историков А. Дюма, В. Пикуля, Д. Балашова, Д. Мережковского, Ю. Германа, М. Касвинова, В. Яна, В. Язвицкого, В. Бахревского, В. Иванова, Г. Сенкевича и других.

Повторюсь, содержание вашей библиотеки — дело вкуса, но тем не менее в каждом доме следовало бы иметь книги, составляющие золотой фонд мировой классической литературы — отечественной, зарубежной. Правда, тема эта по нынешним временам дискуссионная: то, что раньше считалось классикой неоспоримо, теперь многими критиками взято под сомнение. И наоборот, то, о чем массовый читатель прежде и слыхом не слыхивал, или то, что преподносилось нам как образчик пошлой, низкосортной, посредственной литературы, — сегодня возведено в почетный ранг классики. Что ж, о вкусах не спорят...

Галина ТРУНОВА,
библиограф-искусствовед,
жена военнослужащего.

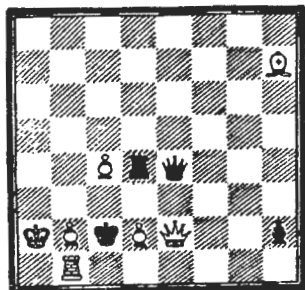
Под редакцией
мастера спорта
А.Калинина

ПЯТЬ МИНУТ НА ДИАГРАММУ

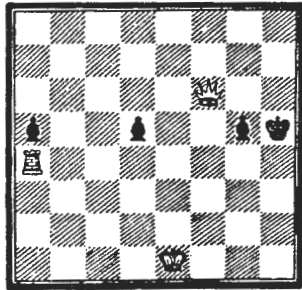
№ 4. А.Кременской, 1929

№ 5. Я.Белшан, 1937

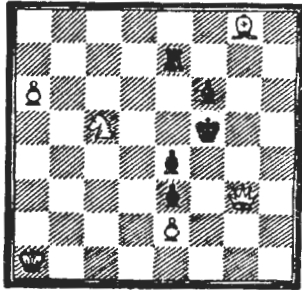
№ 6. С.Шнайдер, 1948

Мат в 2 хода

Мат в 3 хода

Мат в 5 ходов

Предлагаем решить № 4, 5. Секрет пятиходовки № 6 довольно любопытный. В начальной позиции у черных только один ход — 1...Лф7. Если 1.Ке6?, то 1...Лd7! 2.Кра2 Лd2+. Поэтому вначале 1.Кра2! Лf7 2.Кра3 Ле7 и теперь 3.Ке6! Лd7 4.Кра4! Прекрасная задача!

Итоги конкурса решений

Конкурс наш состоял из восьми туров, в каждом по три художественных задания. Приводим решения заданий последнего тура, опубликованных в журнале № 10, 1993 г.

№ 22. Публикуется впервые. Кре1, Фа7, Лd2, пп.а2, а3 — Крс3, Сс8, Кb7, Кс7, пп.с4, с5, мат в 2 хода. 1.Фb8!!, но не 1.Фb6? Кb5! Тема засады.

№ 23. Публикуется впервые. Кра6, Лh6, Ch8, Ka5, пп.а7, b3, d6 — Кра8, Лb1, п. d7, мат в 4 хода. 1.Cb2! Лh1 2.Лh2!! Л:h2 3.Кс4 Л:b2 4.Кb6X.

№ 24. С.Шнайдер, 1929. Крb4, Сb3, Кf1, Кg3, пп.е2, f4 — Крд4, Сb1, пп. b5, f6, мат в 5 ходов. Нельзя сразу 1.е6+? Крд3 2.Се6 Крс2! Поэтому вначале 1.Се6! Сg6 2.Са2! Сс2 и теперь 3.е3+ Крд3 4.Се6 и 5.Cf5X.

На участие читателей в конкурсе отрицательно повлияли длительные задержки в доставке журнала подписчикам. Нам писали из ряда районов, что журнал № 2, в котором объявлен конкурс, поступил в конце мая. Ни один из участников конкурса не прислал решения заданий всех туров. Возможно, причиной этого могла быть и резко возросшая стоимость почтовых отправлений.

Редакция награждает М.Киреева (Минводы) и А.Кирсанова (Кемерово) памятными призами (книгой "Постижение красоты", с автографом автора).

Редакция планирует проводить конкурсы решений и в дальнейшем, но с числом туров не более двух-трех.

Кого же считать чемпионом мира?

Этот вопрос в шахматном мире остается открытым, ответа на него пока нет, но он должен быть. Г.Каспаров — чемпион мира, но с припиской "среди профессионалов". Профессиональная же шахматная организация (РСА) в настоящее время всего лишь кормушка для небольшой группы гроссмейстеров, ее цель — зарабатывать деньги, и только. Рано или поздно судьба ее будет столь же незавидной, как и судьба особой организации гроссмейстеров, созданной несколько лет назад по инициативе Каспарова.

Для ФИДЕ чемпионаты мира — основной источник средств, расходуемых на все другие международные соревнования, не приносящие дохода. Источник этот, как известно, узурпировали Г.Каспаров и Н.Шорт. В этот момент никакой РСА еще не было.

А.Карпов — чемпион мира в рамках ФИДЕ. Она — весь мир, в нее входят 125 стран. Деятельность ее начинается с массовых шахмат. Для нее шахматы с их нравственными и эстетическими ценностями — искусство, а не источник материального обогащения отдельных лиц.

А.Карпов имеет все основания считаться единственным чемпионом мира. ФИДЕ проводит сейчас зональные соревнования по отбору претендентов на встречу с А.Карповым. У профессионалов своя система чемпионатов мира, но оговорка "в среде профессионалов", будет постоянной.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

КОГДА у нас дома в гостях бывают новые люди, они, как правило, обращают внимание на коллекцию... щучьих голов, выставленных на видном месте. Впрочем, насчет коллекции — громко сказано: их всего-то у меня собрано несколько штук. Но зато с каждой из них связана неординарная история, приключившаяся на рыбалке.

Вот одна из таких историй, особенно мне памятная.

После довольно продолжительной череды холодных дней потеплело. Самое время посетить излюбленные места с жерлицами.

Так уж складывалось, что выбраться на рыбалку я мог, хоть и находился в отпуске, только в будни. С одной стороны, это плохо: мы обычно жерлили вместе с Сергеем Аркадьевичем Гурцем, опытным моим наставником, само присутствие которого уже как бы гарантировало успех. Но был и немалый плюс в том, что рыбалка выпадала на середину недели: первый утренний автобус в отличие от выходных дней, когда он набивается до отказа любителями подледного лова, шел на этот раз полупустым.

Еще и не рассвело толком, а я уже установил жерлицы, благо Сергей Аркадьевич щедро выделил из своих запасов отменных карасиков, которых заготовил еще с осени. Однако в течение многих часов ни один флажок так и не выстрелил. Лишь после двенадцати сработала жерлица у самого входа в протоку, соединяющую озеро с мелким заливом, называемым местными болотом. Без лишнего хлопот вытянул на лед килограммовую щучку. Не ахти какое, но все же утешение: не с пустыми руками домой вернуться.

И опять — тишина. Причем в самом прямом смысле: ветра нет, клева нет, на водоеме ни души, один я на все немалое озеро.

Поскучал еще какое-то время, взялся переставлять жерлицы. Одну за другой перебрал живцовые удочки поближе к протоке, где мне улыбнулась удача. И не напрасно: только вернулся к рюкзаку, который лежал метрах в ста, рядом с подкормленными на плотву и подлещика лунками, как обнаружил: сигналит о поклевке флажок одной из переставленных снастей. В таких случаях я быстренько хватал кану с живцами, ложку для очистки лунок, обязательно (!) багорик и бегом туда, где "горело". А тут словно

НИ ЧЕШУИ НИ ХВОСТА

Но багор-то у рюкзака остался...

Окинув с тоской безлюдный водоем, очередной раз подтащил рыбу под самый лед, отпустил леску и что есть духу помчался к рюкзаку. Думаю, если бы кто-то засек время, в течение которого я преодолел расстояние туда и обратно, то я вполне мог бы претендовать на место в неслабой сборной по бегу по пересеченной местности.

Когда я, запыхавшись, подскочил к жерлице, на разматывающейся стремительно катушке оставалось всего несколько витков. Выбрав леску, почувствовал, что сопротивляется рыба

КРОСС ПОНЕВОЛЕ

бес попутал: забыв обо всем, кинулся как был налегке к удочке. Подбегаю, вижу: катушка медленно, но без остановок раскручивается. Резко подскел в расчете, что здесь, на небольшой глубине, вряд ли может взять что-то приличное. И... только прочность лески сечением полмиллиметра спасла снасть от обрыва. Короче, я сразу почувствовал: на крючке крупняк. Началась захватывающая борьба: кто кого? Постепенно все же удалось подвести хищницу к лунке. Однако в отверстие она никак не пролезала. Либо ухитрилась встать поперек, либо в самом деле узка была для нее лунка, просверленная ленинградским ледобуром...

Отпустил леску, снова потянул рыбину — не идет в лунку, и вся недолга.

Что делать, кричать, звать на помощь? Без толку: ни единой души на водоеме! Даже местных пацанов, которые обычно после школы устраивают здесь игры.

Выход один: забагрить пленницу и попробовать протаскать ее через лунку. Иначе придется рвать снасть.

уже не так активно, как вначале, хотя отдельные ее рывки, если их не гасить, могли за милую душу оборвать снасть.

Вот щука под лункой. Осторожно опускаю багор, расчетливо примеряюсь и подсекаю. ЕСТЬ! Теперь никуда не денется. А еще через несколько десятков секунд с помощью багра и лески удалось таки выволочь возмутительницу спокойствия наверх. Она стоила того, чтобы пережить столько волнений! Рядом с той, первой, пойманной в тот день щучкой — килограммовой, эта, как я потом выяснил — пятикилограммовая, смотрелась "крокодилой".

А с багориком, если выезжаю на хищную рыбу, на водоеме я теперь не расстаюсь. Как, впрочем, и с зевником и экстрактором: без них весьма сложно, не поранившись, вытащить тройник из пасти щуки. Да и время на снятие с крючка добычи, на зарядание жерлицы экономится, если под рукой есть эти два неумудренных приспособления.

Полковник
В. АФАНАСЬЕВ.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

У ЛЮДЕЙ, регулярно употребляющих в пищу рыбу (по крайней мере 200 г в неделю), наполовину уменьшается вероятность сердечного приступа. К такому выводу пришли, независимо

РЫБА ЛЕЧИТ СЕРДЦЕ

друг от друга, ученые Японии и Голландии, проводившие исследования в области

профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. Так как рыбу нынче трудно купить, да и цены на нее кусаются, надо полагать, лучший способ уберечь себя от сердечного недуга — заняться любительским рыболовством. В добрый путь!

«Белка там живет ручная...»

РАССКАЗЫ У КОСТРА

КУЦЫЙ ТРОФЕЙ

Этот случай произошел в Подмоскowie в конце сороковых годов. Много лет пролетело с тех пор, но я отчетливо помню все детали той незабываемой зимней охоты.

Накануне выпал обильный снег — подходящая пора наведаться на заветные места за тетеревами. Интуиция не подвела: наутро, еще только-только рассветало, а у меня на «удавке», уже висели два иссиня-черных с ярко-красными бровями на темной голове красавца петуха.

К сожалению, вскоре погода начала портиться: небо заволокло тучами, налетел промозглый ветер. Надо было возвращаться. Перед тем как повернуть домой, решил проверить еще одну вырубку.

... Медленно двигаясь на лыжах, верчу головой. От однообразной близины стали уставать глаза. Но вот метрах в ста мелькнуло что-то рыжеватое. Остановился. Ба, да это лиса! Кумушка, скорее всего, как и я, охотилась за косачами — вокруг в заносах были их старые лунки. Утопая по грудь в рыхлом снегу, будто плывя по воде, она, как хорошая гончая, внимательно осматривала убежища птиц, перебегая от одного к другому.

Вот зверь резко повернул в сторону. Что такое? Вижу уже не лису, а... собаку. Как назло снежные хлопья слепят, мешают вести наблюдение. Через какое-то время объект моего внимания вновь направился в мою сторону. И опять хорошо вижу лисью морду. Что за наваждение, чертовщина какая-то! Животное все ближе. Сомнения нет — передо мной рыжая плутовка. Выждав удобный момент, когда она вышла из густого подроста и оказалась от меня метрах в сорока, ударил наверняка. Перезарядив ружье, быстро направился к сраженному зверю. Вот это да! О таком трофее можно только мечтать. Лиса была необыкновенно красива в своей зимней шубке. Но без хвоста!

Все объяснилось позже, когда, снимая шкуру с лисицы, обратил внимание, что мышцы на зад у нее были синими. Видимо, она где-то наткнулась на противоположную мину. От них тогда много пострадало не только людей, но и животных...

Полковник в отставке В.ЖУКОВ.

СДЕЛАЙ САМ

КОМПАКТНАЯ ЖЕРЛИЦА

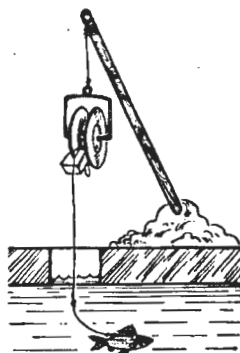
В тот раз белая рыба, ловить которую я приехал, практически не клевала, зато вокруг то и дело вытаскивали из-под льда щук. Жерлицы же с собой я, как назло, не захватил: не хотелось таскать лишний груз...

В конце концов не выдержал, решил изготовить живцовую снасть из подручного материала. На берегу, в районе базы, разыскал кусок проволоки, кое-какая оснастка нашлась в рюкзаке. Короче, соорудил себе несколько довольно примитивных удочек и даже поймал на них пару приличных зубастых хищниц.

Дома хотел было выбросить поделки, но потом — дай, думаю, усовершенствую их. В результате я вооружил себя снастью, которой пользуюсь нередко и по сей день и от которой не намерен отказываться в дальнейшем.

Сделать ее совсем несложно из того, что всегда найдется под рукой даже начинающего рыболова.

Итак, берется обычная бобина из-под лески. Она крепится к шесту — любой палке, воткнутой в снег с наклоном к лунке — с помощью проволоочной рамки (см. рисунок). Оснащение, что называется, штатное: запас ле-

ски на катушке (в зависимости от глубины), грузило (оливка), металлический поводок и тройник. Единственная особенность: жила на ребре катушки крепится ластиком (резиной для стирания), в котором вырезан паз по глубине бортика катушки. Леска пропускается через ластик и защемляется о бортик бобины. При поклевке ластик сдвигается с бортика и катушка свободно разматывается. Вот и все.

На рисунке: жерлица в рабочем положении.

Капитан медицинской службы
Е.ГОЛУБЕВ.

000387-И.М.

Стройная девушка 24 лет (рост 158), брюнетка, самой обыкновенной внешности, хочет познакомиться с молодым человеком 26–30 лет, добропорядочным, верным, желательно военным служащим. По характеру я общительный, спокойный человек, вредных привычек не имею. Люблю вязать, читать книги и смотреть фильмы детективного жанра. Окончила училище связи и работаю по специальности. Ценю в людях верность, искренность, чувство юмора. Жду письма, лучше бы с фотографией.

Ирина.

000389-А.Г.

Нам по двадцать лет, служили в оперативных частях внутренних войск и всегда читали наш журнал и рубрику "Возможна встреча", сейчас живем в своем родном Санкт-Петербурге, но суровую школу армейскую не забываем. Хотели бы в нашем клубе познакомиться с привлекательными, веселыми девушками 16–19 лет, ростом не выше 170. Ценим в людях доброту, честность, юмор. Любим хорошую музыку, увлекаемся бодибилдингом. Ответим на все письма, особенно если пришлете свои фотографии.

Андрей, Борис.

000402-И.Д.

Я военнослужащий сверхсрочной службы, мне 20 лет, рост 173, по гороскопу — Рак, занимаюсь спортом, вредных привычек не имею. Любимые увлечения — походы, музыка. Пусть мне напишет стройная девушка не старше 20 лет, не выше меня, которая согласна стать для меня надежной подругой в жизни. Хорошо бы, конечно, прислать и фото, но если нельзя, то подожду до встречи.

Игорь.

000454-С.В.

Мне 20 лет (рост 170), а сынуле моему 8 месяцев, он у меня очаровательный, а какая я — не знаю... Вязу, шью, неплохо готовлю, умею создать в доме уют, люблю посидеть в кругу хороших, юморных друзей, вредных привычек нет. Живем мы в большом столичном городе и, несмотря на все невзгоды, надеемся найти верного, до-

Сразу приходится напоминать участникам клуба знакомств, что письма без оплаты его услуг не рассматриваются! Просим также учесть, что для более оперативного ответа необходимо вложить в письмо еще и чистый конверт, в котором мы пошлем вам ответ.

За публикацию объявления в клубе надо переслать по почте 1000 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207, к/с 437161900 в РКЦ ГУ ЦБ РФ), а затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате отправить в адрес редакции.

За высылку адреса одного абонента, выбранного вами, таким же образом направьте в банк 300 руб., а письмо с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Если вы решите опубликовать свое объявление еще и в газете "Ситуация" (еженедельное приложение к журналу), то вы пользуетесь 10-процентной скидкой, т.е. платите не 2000, а 1800 руб.

Военнослужащие, проходящие службу по призыву, платят за объявление 500 руб., при публикации в двух изданиях одновременно — 900, за адрес одного абонента — 150 рублей.

брого папу, желательно военнослужащего (а кто он будет — молодой офицер, прапорщик или солдат — неважно, лишь бы оказался порядочным человеком).

Светлана и Коленька.

000455-М.С.

Хотел бы познакомиться с доброй, нежной, симпатичной, стройной девушкой. Мне 20 лет, рост 180, глаза карие, культурист, овладеваю искусством восточных единоборств. Ценю в людях честность, доброту и юмор, не переносю лжи и фальши. Люблю современную музыку, путешествия, по-моему, романтик. Пишите, девочки, я буду ждать ваших писем (особенно с фотографиями).

Михаил.

000456-О.К.

Мне 17 лет, симпатичная, кареглазая шатенка, невысокого роста, по гороскопу — Водолей. Буду рада, если на мое письмо откликнется надежный, добрый, искренний, умеющий понять и поддерживать парень. Хотелось бы, чтобы ростом он был не выше 170. Я, конечно, понимаю, что на мое письмо может и не быть откликов, но надежда лучше, чем одиночество. Другие сведения о себе сообщу серьезному человеку при переписке, а письмо мне лучше прислать с фотографией.

Оксана.

000457-В.С.

Ваш клуб только для молодежи?... А мне 55 лет, пошла на пенсию, оглянулась — удочери давно своя семья, и я, выходит, одна-одиношенька. Надеюсь познакомиться у вас в клубе с добрым и порядочным человеком, военнослужащим в отставке, хорошо бы из Москвы или Подмоскovie. Я невысокого роста, общительная женщина, по гороскопу — Стрелец, характер вполне соответствует этому знаку. Ну а остальные сведения, думаю, будем выяснять при переписке или встрече.

Валентина Ивановна.

000458-Т.Т.

Мне 18 лет, рост 168, глаза карие, волосы русые, по гороскопу — Дева, по характеру в общем скромная, стеснительная, отзывчива на чу-

жую беду. Люблю детей и животных — они так беззащитны! Но больше всего нравится заниматься восточными единоборствами. У меня есть друзья, но своего единственного, о котором мечтаю, нету. Мне нравятся военные люди, четкий воинский строй, музыка духового оркестра. Вот поэтому и хочу познакомиться с военнослужащим, пусть мой избранник будет омонцем, "афганцем" или пограничником. И чтоб он был постарше меня, высокий, не пил, не курил и был бы очень внимательным.

Татьяна.

000459-Е.С.

Мы выписываем журнал "На боевом посту", и, просматривая его, я вновь и вновь останавливаюсь на страничке клуба знакомств. И вот решилась. Может, и мое письмо не останется без ответа. Мне 17 лет, рост 165, темно-русая, наверное, скромная, вредных привычек не имею, а что еще о себе сказать — не знаю. Хотела бы завести переписку с добрым, честным и порядочным молодым человеком, желательно военнослужащим.

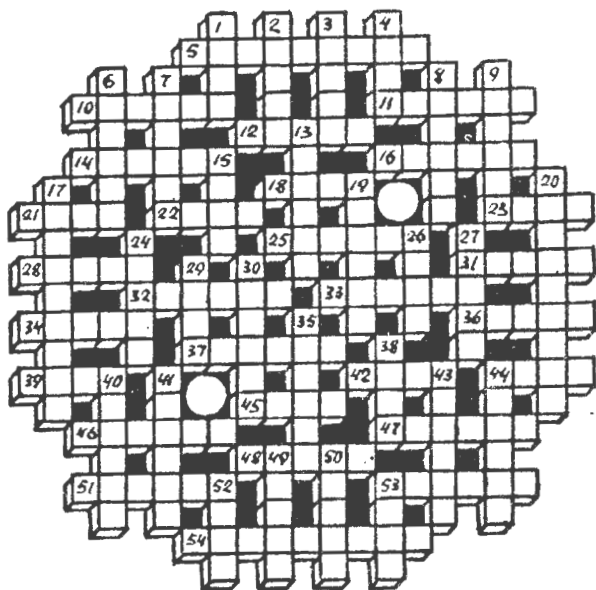
Лена.

000460-А.Т.

Курсанты 2-го курса Высшего военного командного училища просят откликнуться симпатичных, стройных девушек 17—22 лет, если они захотят переписываться с будущими офицерами. Нам по 20 лет (рост 176 и 178), занимаемся спортом, по характеру веселые, отзывчивые парни. Любим хорошую музыку и вообще все прекрасное. Остальное расскажем о себе при переписке, а возможно, и встрече. Ответим на все письма, но желательно с фото.

Андрей, Сергей.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Род войск. 10. Обширная область явлений, препятствующих нормальному функционированию различных технических средств. 11. Огнеметно-зажигательная смесь. 12. Элемент сторожевого охранения. 14. Метательный снаряд для стрельбы из лука, арбалета. 16. Место расположения войск вне населенного пункта. 18. Мельчайшая частица химического элемента. 21. Герой гражданской войны. 22. Действия частей по установленному сигналу и сосредоточение их в назначенном районе. 23. Фортификационное сооружение. 25. Выдающийся русский флотоводец. 28. Полотнище на мачте спортивной яхты. 31. Русский мореплаватель и исследова-

тель Арктики. 32. Остров, на котором построена крепость Кронштадт. 33. Огнепроводный шнур для производства взрыва. 34. Движитель ракет и реактивных самолетов. 36. Вышка для орудий на судне, танке. 37. Спрессованное в виде плиток взрывчатое вещество. 39. Возможная опасность. 42. Оборудованный участок территории для техники. 44. Международные договор. 45. Материк. 46. Вид боеприпасов. 47. Боевой успех. 48. Тумба на палубе корабля. 51. Специальное помещение для боеприпасов. 53. Колущее холодное оружие. 54. Право осмотра судна в открытом море.

По вертикали: 1. Французские партизаны во время второй мировой войны. 2. Основ-

ная часть автомобиля, на которой укреплены кузов, двигатель и т. д. 3. Советский диктор, погибший при защите дипломатической почты. 4. Торжественная песня, официальный символ государства. 6. Очаг огня на привале. 7. Штурман крейсера "Варяг". 8. Наиболее удаленная от центра Земли точка орбиты Луны. 9. Французский авиаконструктор. 13. Народное название боевой машины реактивной артиллерии во время Великой Отечественной войны. 15. Парусный линейный корабль, первым в истории отечественного флота награжденный Георгиевским кормовым флагом. 17. Участок водной поверхности порта для стоянки и ремонта судов. 19. Первый станковый пулемет. 20. Заслуженный летчик-испытатель. 24. Город, в районе которого Красная Армия получила боевое крещение. 26. Вооруженный защитник родной земли. 27. Река в Европе, место встречи советских войск с американскими и английскими войсками в мае 1945 года. 29. Центр управления военными действиями. 30. Роман Ю. Бондарева. 35. Узкий проход через сложный естественный рубеж. 38. Одновременный выстрел из нескольких орудий, винтовок. 40. Специальное подразделение для охраны и сопровождения транспорта, военнопленных. 41. Легендарный крейсер. 43. Футляр для пистолета. 44. Героический поступок во имя высокой цели. 49. Крейсер, отличившийся в русско-японской войне 1904—1905 гг. 50. Озеро в Приморском крае. 52. Боевой парусный корабль. 53. Остров в Средиземном море.

Составил В. ПИНЧУК.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 1 - 94 г.

По горизонтали: 1. Дратва. 3. Маршак. 7. Яккабаг. 10. Чайхана. 12. Изба. 13. Аавр. 15. Пула. 17. Арых. 18. Танк. 21. Пила. 25. Австрия. 26. Ацетаты. 27. Мехико. 28. Клыков.

По вертикали: 2. Табло. 4. Район. 5. Сямьинь. 6. Навага. 8. Кража. 9. Гаги. 10. Чуфа. 11. Афера. 14. Ейск. 15. Пакт. 16. Борман. 17. Анфас. 19. Кошма. 20. Кыштым. 21. Пеня. 22. Арба. 23. Дэрби. 24. Иверы.

Объявляют набор на первый курс военные училища внутренних войск МВД России

Владикавказское высшее военное командное Краснознаменное училище имени С.М.Кирова

362005, г. Владикавказ, 5

Высшее военное командное училище
198075, г. Санкт-Петербург, 75

Новосибирское высшее военное командное училище

630114, г. Новосибирск, 114

Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище имени Ф.Э.Дзержинского

410023, г. Саратов, 23

Пермское высшее военное командно-тыловое училище

614108, г. Пермь, 108

Факультет внутренних войск Санкт-Петербургского высшего военного инженерно-строительного училища

191185, г. Санкт-Петербург, Д-185

Военно-учебные заведения готовят офицеров для внутренних войск. В училища принимаются граждане Российской Федерации из числа военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, независимо от их военной специальности и срока службы; военнообязанные, отслужившие установленный срок военной службы по призыву; военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, по истечении двух лет службы на контрактной основе (с учетом сверхсрочной службы и службы на должностях прапорщиков или офицеров) в возрасте не старше 23 лет; а также юноши из числа гражданской молодежи в возрасте от 17 до 21 года, добровольно изъявившие желание обучаться в военно-учебном заведении, имеющие среднее образование, годные к учебе по состоянию здоровья и успешно сдавшие вступительные экзамены.

Военнослужащие, желающие поступить в училище, подают рапорт по команде до 1 апреля года поступления, а военнообязанные и гражданская молодежь — заявление в районные (городские) военкоматы или отделы внутренних дел по месту жительства до 1 мая года поступления.

К рапорту (заявлению) прилагаются: автобиография, анкета, служебная (производственная, школьная) характеристика, копии свидетельств о рождении и документов о среднем образовании (учащиеся средних школ представляют справку о текущей успеваемости), три фотокарточки (без головного убора, заверенные печатью воинской части или военного комиссариата, размером 4,5 х 6 см).

Паспорт, военный билет или удостоверение о приписке и подлинные документы о среднем образовании предъявляются кандидатом в приемную комиссию военно-учебного заведения по прибытии.

Все поступающие сдают конкурсные вступительные экзамены:

— в высших военных командных училищах — по русскому языку и литературе (письменно), основам государства и права, отечественной истории (устно), физической подготовке (практически);

— в Пермском высшем военном командно-тыловом училище — по русскому языку и литературе (письменно), по математике и физике (устно). Поступающие на интендантский профиль вместо экзаменов по физике сдают экзамен по химии (устно); на отделе-

ние кинологии — по русскому языку и литературе (письменно), химии и биологии (устно), физической подготовке (практически);

— в Санкт-Петербургском высшем военном инженерно-строительном училище — по русскому языку и литературе (письменно), математике (письменно или устно), физике (устно).

Для определения физической подготовленности кандидаты из числа военнослужащих подвергаются практической проверке по упражнениям Военно-спортивного комплекса, а гражданская молодежь — по бегу на 100 и 1000 м, подтягиванию на перекладине.

С военнослужащими, отобранными кандидатами в военно-учебные заведения ВВ МВД России, в военных училищах проводятся учебные сборы с 1 по 15 июня года поступления.

Начало вступительных экзаменов для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, — 16 июня, а для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и гражданской молодежи — 10 июля.

Вызванные для вступительных экзаменов обеспечиваются бесплатным проездом, общежитием и питанием.

Лицам, окончившим училища, присваивается офицерское звание «лейтенант», и выдается диплом российского образца с присвоением квалификации:

— в высших военных командных училищах — «офицер мотострелковых войск с высшим военно-специальным образованием, юрист»;

— в Пермском высшем военном командно-тыловом училище — «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер по эксплуатации автомобильной техники, (автотехнический профиль); «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер по эксплуатации вооружения, (оружейно-технический профиль); «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер-экономист, (интендантский профиль); на отделении кинологии — «офицер мотострелковых войск с высшим военно-специальным образованием, кинолог-биолог»;

— в Санкт-Петербургском высшем военном инженерно-строительном училище (факультет внутренних войск) — «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер-механик, (инженерный профиль); «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер-радиотелемеханик, (инженерно-технический профиль); «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер-строитель, инженер по эксплуатации объектов коммунально-бытового назначения, (строительный профиль).

Срок обучения в военных командных училищах — 5 лет, в Пермском ВВКУТ — 4 года, на факультете внутренних войск Санкт-Петербургского ВВИСУ — 5 лет.

В период обучения курсанты обеспечиваются питанием, обмундированием и денежным содержанием по установленным нормам. В конце зимнего семестра им предоставляются двухнедельные каникулы, а в конце каждого учебного года — тридцатидневный отпуск. Проезд по железной дороге к месту отпуска и обратно оплачивается училищем.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, получают оклад денежного содержания по последней занимаемой должности и имеют право проживать на частной квартире.

Акционерное общество
закрытого типа

АНИКА

ПРЕДЛАГАЕТ

сувениры — часы
марок «Ракета», «Победа»
с символикой по Вашему заказу.

Наша продукция
— не только
точное время,
но и память о
Вашей службе
во внутренних
войсках.

Минимальная
партия на
изготовление
индивидуальной
символики —
100 часов.

По вопросам
изготовления и
реализации часов
обращаться по
адресу:

111250,
г. Москва, Е-250
Красноказарменная
ул., 9а, к.632.
Телефон: 361-87-27
Факс: 361-82-67

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НИИ СТАЛИ – ГАРАНТИЯ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИЕ БРОНЕЖИЛЕТЫ

Серия «Визит»

Предназначены для защиты от огнестрельного оружия при скрытном способе ношения (под рубашку). Выполнены на основе высокомолекулярной баллистической ткани. Снабжены бронезащитными элементами из сталей специальных марок. Эргономически безупречны. Выпускаются трех размеров. Возможно изготовление по индивидуальным заказам.

Адрес: 127411, Москва,
ул. Дубнинская, 81 А.

Тел., факс: 485-35-03.

«Визит-М»

Обеспечивает защиту жизненно важных органов от пуль пистолетов и пистолетов-пулеметов всех типов.

«Визит-2М»

Новая оригинальная модель!

Потенциального заказчика непременно заинтересуют в ней:

- не имеющая аналогов защита от вторичных факторов;
 - высокоэффективный климатический амортизационный подпор;
 - идеальная подгонка и надежное крепление.
- Обеспечивает защиту от обычных пуль автоматов Калашникова.

Масса, кг	Площадь защиты, кв. дм	Дистанция 100% непробития		
		9 мм пист. ПМ	9 мм п-п УЗИ	7,62 мм пист. ТТ
3,0...3,9	общая 30...35	5	—	—
	усиленная 13...15	5	5	5

Масса, кг	Площадь защиты, кв. дм	Дистанция 100% непробития				
		9 мм пист. ПМ	9 мм п-п УЗИ	7,62 мм пист. ТТ	7,62 мм авт. АКМ	5,45 мм авт. АК-74
6,2...6,8	общая 30...35	5	—	—	—	—
	усиленная 13...15	5	5	5	5	25